

Катерина

ВЫШИТЬ МОЖЕТ

Шалый
мальчик

Annotation

Обычно романы заканчиваются свадьбой. Этот со свадьбы начинается.

Полина Зацепина – молодая женщина, модный московский флорист. Карьера ее идет в гору, в семейной жизни тоже все складывается неплохо, но однажды она едет с подругой в лес за грибами, и там происходят события, которые грозят перевернуть всю ее жизнь...

-
- [Екатерина Вильмонт](#)
 - [Часть первая. После свадьбы](#)
 - [Часть вторая. В Новом году](#)
 - [Эпилог](#)
-

Екатерина Вильмонт
Шалый мальй

Часть первая. После свадьбы

- Папа, ты еще не готов? – ахнула Елена Андреевна. – Ты с ума сошел!
- Если бы ты знала, как мне тошно идти на эту свадьбу!
- Господи, папа, ну что ты такое говоришь? Твоя внучка наконец-то выходит замуж! Я уж и надежду потеряла. Двадцать семь лет и не замужем. А тут такая партия! Давай я тебе галстук завяжу.
- А без галстука никак?
- Папа, ты издеваешься? – горестно всплеснула руками Елена Андреевна.
- Ох, грехи наши тяжкие... Ну, завязывай. Ты бы, небось, с удовольствием затянула на мне эту удавку, чтобы поганый старик не сбивал с панталыку твою дочь.
- Папа, как не совестно? Какой же ты старик? Ты вполне еще импозантный мужчина.
- Семидесяти трех лет. Это по общепринятым меркам уже старик. Никуда не денешься. Хотя в душе я еще молод. – Он лукаво подмигнул дочери. – Одно меня примиряет с этой свадьбой – можно будет потанцевать с молодыми красотками. А в остальном все это хрень болотная.
- Папа! Почему ты так настроен?
- Да потому что Полька его не любит. И какое тут может быть счастье, скажи на милость?
- Боже, с чего ты это взял?
- Чую!
- Ах, разве оно вообще бывает, это счастье? Что-то я не встречала... Да и собственный опыт...
- Тебе не повезло, потому что ты дура. Не за тех выходила, не с теми спала. Семейное счастье требует ума.
- А ты с твоим умом много счастья видел? На старости лет один как перст. Анфиса твоя не в счет.
- Я ж говорю – дура! Если хочешь знать, я вполне счастлив на старости лет. Мы с твоей матерью вовремя разбежались. Ты уже не боишься, что мы опоздаем?
- Нет, я выехала с запасом, я же тебя знаю.
- Значит, не вовсе дура, это утешает, – примирительно улыбнулся Андрей Антонович. – Ладно, идем. А все-таки лучше бы этой свадьбы не было.

– Объявляю вас мужем и женой!

Мендельсон, шампанское, цветы, поздравления. У мамы на глазах слезы.

– Полюшка, поздравляю, родная, ты счастлива?

– Поль, кинь букет мне, ладно? – жарко шепчет в ухо подруга Настя.

Я, наверное, должна сейчас умирать от счастья – свершилось! А на меня вдруг навалилась тоска. Зачем мне все это? Предстоящий свадебный пир внушает мне ужас. Прорва народу, половину я просто не знаю. Насмешливый взгляд деда только усугубляет мое состояние.

– Что, Полька, сдрейфила? – шепчет он, обнимая меня. – А я предупреждал, но теперь уж поздно... А впрочем, сбежать никогда не поздно.

– Поляша, ты чего скисла? – нежно шепчет муж.

– Туфли жмут, – вру я.

– Это поправимо, моя радость!

Он берет меня под руку, выводит каким-то черным ходом на улицу к своей машине.

– Ты что задумал? – смеюсь я. А вдруг он сейчас увезет меня не в ресторан, а куда-нибудь в совсем неожиданное место... Но он усаживает меня на заднее сиденье и достает из багажника обувную коробку.

– Что это?

– Это те босоножки, которые ты сперва выбрала. Они же тебе нравились, и я решил их тоже купить. – Он снимает с меня туфли, нежно массирует ступни, хочет надеть босоножки.

– Что ты, на колготки нельзя, надо их тогда снять.

– Да плевать на все эти гламурные правила, главное, чтобы у моей жены не болели ножки...

Это мне нравится. И он сейчас тоже мне нравится, кажется, даже очень... Тоска отступает.

– Идем, Поляша, нас, небось, уже ищут.

– Спасибо, ты чудо! – в босоножках и вправду удобнее.

Когда мы подъезжаем к ресторану, там уже много гостей. Но первой я вижу свою двоюродную бабушку Ариадну Антоновну, сестру деда. В свои почти семьдесят она выглядит от силы на «под пятьдесят». Элегантная, подтянутая, с насмешливыми глазами. И я знаю, ей очень нравится мой новоиспеченный муж.

– Поздравляю, дорогие мои! Вы чудесная пара. – Она целует нас обоих

и вручает большую коробку.

– Адочка, что это?

– Блюдо. Старый сакс, – с удовольствием сообщает она, но вдруг меняется в лице.

Я оглядываюсь.

– Это кто? – шепчет она.

– Понятия не имею.

Новый гость с барственной улыбкой направляется к нам. Мой муж как-то весь подбирается.

– О, Вадим! – восклицает гость. – Твоя невеста подлинное сокровище. Представь же меня!

– Поляш, это Юлиан Григорьевич... Спасибо, что пришли. Я очень рад... Мы очень рады...

Я понимаю, что это патрон Вадима. Он вручает мне серебряную корзинку с белыми орхидеями, а Вадьке какую-то коробку. Я искоса смотрю на тетку, в ее глазах такая насмешка... Очевидно, она знает босса моего мужа и, похоже, не с лучшей стороны. А он, видимо, ее не узнает.

Но думать об этом некогда. Гости все прибывают. Свекор со свекровью берут Юлиана Григорьевича под плотную опеку.

– Вадь, а нельзя как-нибудь отсюда смыться, а?

Он вдруг смотрит на меня какими-то холодными чужими глазами, отчего по спине пробегает озноб.

– И не мечтай.

Значит, мне остается только мечтать... Муж крепко держит меня под руку, неужто боится, что я и в самом деле сбегу? Бежать мне, собственно, некуда, и уж тем более не с кем. Хотя зачем кто-то нужен для бегства? Да и гнусность это – сбежать с собственной свадьбы с каким-то другим мужиком. Последнее гадство. Меня же не силком замуж выдали. Сама хотела. Вот и терпи... Да, я хотела замуж, именно за Вадима, но не хотела такой пышной свадьбы, видит Бог, не хотела! Но мама и свекровь даже слышать ничего не желали. Бедная мама, она так мечтала, что у единственной дочки все будет, как полагается. А для свекрови важно, чтобы все было не хуже, чем у людей, а, по возможности, даже лучше. И так уж невеста не ахти – не юная, не королева красоты, не топ-модель, не дочь олигарха. Какое счастье, что у Вадима есть своя квартира. Правда, Зоя Игоревна будет все время держать руку на пульсе. Тоска, Раиса! Тоска, Анфиса! Но кругом все веселятся. Ну, и на здоровье.

– Горько! Горько! – кричит вдруг кто-то.

Вадим с улыбкой смотрит на меня, но в глазах у него мне чудится

угроза. Хотя зачем мне сейчас смотреть ему в глаза? Я подставляю губы, а он властно обнимает и целует меня. Приятно, черт возьми! Но куда приятнее целоваться без толпы гостей. А поцелуй все длится, а гости считают:

– Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь... Сорок... сорок пять...

Я сейчас задохнусь. Пятьдесят... шестьдесят... Кажется, открылось второе дыхание, но голова уже идет кругом. Наконец он отпускает меня, гости аплодируют. И тут я замечаю в дверях девушку в вишневом платье на серебряных бретельках. Она с победительной улыбкой направляется к нам. Я ее не знаю.

– Примите мои искренние поздравления.

Вадим вдруг заливается краской. Я чувствую, что он взбешен. Очень интересно. Девушка протягивает мне небольшой букет роз.

– Поздравляю, Полина. Вадим будет прекрасным мужем.

Она резко поворачивается на каблуках и быстро идет к выходу. Мне кажется, что ее душат слезы, но спина у нее прямая.

Очень интересно! Я смотрю на мужа и отчетливо понимаю, что задавать вопросы не стоит. Хотя какие вопросы, и так все ясно. Но здорово противно. И еще очень жалко девушку. Нет, честно, очень жалко. Она, похоже, его без памяти любит, а он... Он женился на мне. Но никакого торжества или тем более злорадства я не испытываю. Господи, зачем все это? Ко мне подскакивает Настя.

– Поль, ты как?

– Лучше всех! – безмятежно улыбаюсь я, несмотря на целую стаю кошек, скребущих у меня на душе.

– Так и должно быть у лучшей из женщин, – подхватывает Вадим и целует меня. – Моя жена, чтоб ты знала, Настюха, лучшая женщина в мире. Правда-правда.

Вот даже как! Смахивает на искреннюю благодарность за то, что не задавала лишних вопросов. А еще на руководство к действию в предстоящей семейной жизни – не задавай лишних вопросов, знай свое место, и все у нас будет супер, тип-топ и вообще зашибись. Может, все правильно? У каждого из нас свое прошлое, зачем его тащить в новую жизнь? Вот уж не думала, что буду так рассуждать на собственной свадьбе... А вдруг подобные рассуждения – залог счастливого брака? Не заморачиваться ревностью, не лезть, куда не просят. Но где гарантия, что и муж будет руководствоваться теми же принципами? Поживем – увидим. А нет, придется поставить его на место. Это я могу, если меня довести. То

есть все хорошо, прекрасная маркиза? Все хорошо, все хорошо!

– Зой, что-то мне невеста не больно нравится, – заметила двоюродная сестра Зои Игоревны. – Разве Вадюшке такая нужна?

– Ну, во-первых, она уже не невеста, а жена, во-вторых, ему виднее, ну, а в-третьих, я сама не в восторге, но он уперся, люблю, говорит, и точка.

– А чего там любить? Малахольная какая-то... На собственной свадьбе сиять должна, счастье-то, какое ей привалило, такой парень, а она...

– А она вообще свадьбу не хотела, да и Вадька тоже, мы с ее мамашей настояли.

– Как это не хотела? Она что, брюхатая уже?

– Да вроде нет. Она вообще-то девка невредная, да и я рада, что Вадька, наконец, женился. А то совсем уж по бабам забегался, хватит. Все-таки тридцать четыре уже.

– Выдохся, небось. Нынче мужики быстро форму теряют. Экология...

– Что ты такое несешь, Верка? – обиделась за сына Зоя Игоревна.

– Да правду я говорю. Ну, ребеночка склепать силенок еще хватит, а всех обсеменить направо и налево, небось, уж тяжело стало.

– Типун тебе на язык! – рассердилась Зоя Игоревна и отошла от кухни. Вот ведь не хотела я Верку звать... Сама напросилась, чертова перечница, все настроение сбила.

– Витя, – окликнула она мужа.

– Да, Заинька?

– Слушай, надо бы Верку как-то спровадить, а то подохнет еще, скандал какой-нибудь закатит...

– Говорил же, нельзя ее звать.

– А я звала? Но ты ж ее знаешь!

– Твоя родственница, ты и спроваживай!

– Вот мужики пошли!

– Польша, ты чего скисла? – прошептал мне на ухо дед. – Или одумалась, да поздно?

– Что ты, дед, просто устала, сам понимаешь, перед свадьбой столько хлопот было...

– А то хочешь, подгоню сейчас такси и прямо в аэропорт... Улетишь куда-нибудь, охолонешь...

– Дед, ты известный авантюрист, – улыбаюсь я.

– А если бы было с кем удрать, удрала бы?

– Нет, дед, куда и от кого удирать? Да и зачем?

– О, значит, я прав... Если б ты его любила, разве так бы отказывалась?

Да я и предлагать не стал бы... А хочешь, вместе удерем, я тебе компанию составлю? Например, в любую безвизовую страну... Подумай, проснешься утром в хорошем отеле, и никакого тебе мужа...

– Да ты с ума сошел! Я люблю Вадима, и он меня любит...

– Еще не хватало, чтобы он тебя не любил. Кстати, недурная проверка бы была... Если б примчался за тобой... Или простил бы по возвращении...

– Дед, уймись, я не желаю ставить эксперименты над живыми людьми, – рассердилась я.

– Юпитер, ты сердишься, значит, я прав... Впрочем, дело твое, только потом не жалуйся.

И он устремляется вслед за Мариной, двоюродной сестрой Вадима, очень красивой женщиной.

Часа через полтора Вадим шептал мне на ухо:

– Ох, осточертели все... Давай сматываться, у нас утром самолет.

Его слова кажутся мне прекраснейшей музыкой.

– Давай!

На прощания уходит еще час и, наконец, мы мчимся домой, переодеться и взять чемоданы. Мы летим в Португалию. Вадим бывал там по делам бизнеса и присмотрел небольшой отель на берегу океана, в пустынном местечке, идеально подходящем для медовой недели. Больше времени у нас не вышло. А мне эта идея понравилась, подальше от многолюдства... И знакомых там не встретишь. Будем там вдвоем, может, я что-то пойму? На свадьбе у меня возникло множество вопросов, на которые хотелось бы найти ответы... А может, все дело в том, что я оформляла такое количество чужих свадеб, что к своей уже сил не осталось? Я по профессии флорист. Да, скорее всего, дело в этом... И собственную свадьбу я оформлять цветами не стала. Конечно, я могла бы такую красоту устроить... Но не захотела... А мама и свекровь не настаивали, это ведь очень не дешевое удовольствие. Конечно, поставщики сделали бы мне всевозможные скидки, но я не хотела. Наукрашалась. Насмотрелась. Помню, оформляла я одну свадьбу... Денег на цветы не жалели, все должно было быть по высшему классу, я постаралась, все гости были в отпаде, ну и что? Через два месяца молодые развелись... И вообще я заметила – чем пышнее и дороже свадьба, тем ненадежнее брак. А еще эти свадьбы оскорбляют мое эстетическое чувство. Ну, посудите сами – невеста одета как принцесса, пышные юбки, длинные шлейфы, а рядом жених – стручок стручком, гости все одеты вразнобой, кто во что горазд, и в результате невеста зачастую выглядит... какое бы сравнение подобрать... ну, скажем, как клизма на витрине. А надень она скромное красивое платье, и все

было бы отлично. Хорошо еще сейчас вышли из моды «распердоленные пупсы» на машинах. А фата, якобы символ невинности? Какая там невинность? Бывает, девка до свадьбы так нагулялась, что пробы негде ставить, а туда же, с фатой... Одна моя подружка выходила замуж. Главное для нее было, чтобы не хуже чем у людей. Платье с кринолином, стоившее как иномарка, длинная фата, а в результате перепившийся на радостях братец невесты это платье заблевал. Сколько слез было... Ну, и смеху тоже. Слава богу, у нас хоть без пьяных драк обошлось.

Увидев отель в Португалии, я пришла в восторг. Именно то, чего мне хотелось. Все скромно, уютно, безлюдно. Рядом океан. Правда, купаться тут нельзя, волны просто громадные, да и холодновато, но дивный соленый ветер, шум волн, воздух, который можно вдыхать до самого пупка. Что еще надо человеку? Любовь? И любовь есть. Вадька тут такой, что я снова в него влюбляюсь... Словом, настоящий медовый месяц...

– Полька, что с тобой творилось на свадьбе? – спросил он как-то за завтраком.

– А с тобой?

– Я просто все время боялся, что ты что-то отчебучишь или вообще сбежишь...

– Но ведь не сбежала? – смеюсь я. Мне хочется спросить про девушку в вишневом платье, но не буду, не буду. Ведь он женился на мне.

– Ты здесь изумительно выглядишь.

– Ты удивительно точно угадал, чего я хочу, когда задумал привезти меня сюда. Океанский воздух мне на пользу.

– И не только воздух? – многозначительно-интимным шепотом спрашивает он.

– Конечно! – искренне подтверждаю я.

– Ты прости меня, если я был немного резок... но я здорово переволновался...

– Да нет, все хорошо.

– Ты у меня чудо, Полька!

Еще бы не чудо! Ни единого лишнего вопроса. И все зашибись...

Мы взяли напрокат машину и с наслаждением ездим по окрестностям, Португалия бедная, но чрезвычайно интересная страна. Впрочем, в туристические места мы не суемся, просто наслаждаемся свободой, природой и любовью. А может, все еще обойдется, и мы будем счастливы?

– Господи, как же неохота в Москву! – стонет Вадим накануне отъезда.
– А тебе?

– И мне. Но что же делать? У меня два крупных заказа на ближайшие две недели.

– А может, ну ее к черту, твою работу? Что мы, не проживем?

– Вадим, пойми, я люблю свою работу! И потом, мне же не нужно ходить на службу к определенному часу. Я, что называется, свободный художник. Ты ничем обделен не будешь.

– В каком это смысле?

– В прямом. У меня хватит времени и на хозяйство. Голодным и грязным ходить не будешь.

– Полька, я, между прочим, не на домработнице женился...

– Разумеется, ты женился на модном флористе. Вот я и хочу им остаться.

– Да оставайся, я просто предложил.

– Ты предложил, я отказалась. Все прекрасно.

– А тебе обязательно, чтобы последнее слово было за тобой?

– А ты разве не знал? – смеюсь я и целую его. Целую искренне, с удовольствием. Я, кажется, все-таки его люблю. Но почему же я все время пытаюсь себя в этом убедить? Наверное, неспроста... Или я что-то предчувствую? Нет, вряд ли... Предчувствия не моя стихия.

Мы вернулись в Москву. Я окончательно перебралась к Вадиму, и жизнь потекла так, как и должна течь.

Я с удовольствием вила гнездо. Квартира Вадима через месяц превратилась в настоящую картинку, и он был страшно доволен. Более того, довольна была даже Зоя Игоревна. Она нередко сваливалась как снег на голову, но ни разу ей не удалось застать меня врасплох. Мне не случалось порадовать ее расхристанным видом или пустым холодильником. Ее это удивляло, возможно, даже слегка огорчало. Я как-то сказала об этом мужу, он рассмеялся.

– Ничего, убедится, что сынуля в порядке, и еще полюбит тебя без ума.

Словом, все было прекрасно, и дурные мысли постепенно стали выветриваться из головы. А почему что-то должно быть плохо? Разве я не заслужила свое счастье?

Первый раз я по-настоящему влюбилась в семнадцать лет. Влюбилась безответно, страдала, плакала, только что головой об стенку не билась, а в один прекрасный день вдруг увидела своего героя в обнимку с парнем. И так обалдела, что всю любовь как ветром сдуло. Как говорится, обжегшись на молоке, я стала дуть на воду. Чуть ли не каждого молодого человека

подозревала в гомосексуализме. А потом в меня влюбился один художник, ученик деда, сманил меня из дому и увез в Париж. В девятнадцать лет я все бросила – дом, институт, родных. Еще бы, такая романтика! К тому же Аркадий был моим первым мужчиной, и я готова была мчаться за ним хоть на край света, а не только в Париж. Дед был крайне возмущен поступком ученика, написал ему резкое письмо... но мы только смеялись...

– Можно подумать, Андрей Антонович праведник! Ха! Бабник, каких свет не видывал... И потом, я же не монстр какой-то и увез тебя не в Тмутаракань... И ты ведь любишь меня, моя Полетта?

Поскольку я бросила не какой-нибудь институт, а Суриковский, то в Париже первые месяцы только и делала, что пропадала в музеях, на выставках, в бесчисленных галереях и вдруг осознала, что вполне бездарна. Но это осознание меня даже не слишком огорчило. Наоборот, я вдруг ощутила себя свободной в своем выборе жизненного пути, стала искать, думать и однажды познакомилась с удивительной женщиной, Мари-Франс. Я, видно, чем-то ей приглянулась, и она познакомила меня со своим отцом, он был из русских эмигрантов, много лет прожил в Японии и достиг невероятного мастерства в аранжировке цветов. Он открыл свою школу в Париже, где я училась и стала одной из его любимых учениц. Мсье Антуан частенько приглашал меня куда-нибудь, то в театр, то в кафе, то в музей. Ему доставляло удовольствие говорить по-русски, безумно нравилось, что я называю его Антоном Аристарховичем. А он называл меня Полюшка-Поля. И частенько при виде меня насвистывал знаменитую мелодию Книппера. Это вовсе не было романом, боже упаси. Это была такая форма ностальгии, объясняла я Аркадию, когда ему вдруг взбрело в голову приревновать меня к старику. Мне Антон Аристархович казался стариком, хотя ему было неполных шестьдесят.

– Полюшка-Поля, у тебя талант! – внушал он мне. – Ты так тонко чувствуешь природу нашего искусства, ту неуловимую грань, за которой уже возникает пошлость. И при этом ты еще и умна. Поняла, что живопись не твоя стихия, и не спилась, не озлобилась. Умница. И я убежден, у тебя большое будущее. Тем более с дипломом моей школы.

– Антон Аристархович, а вы давно не были в России? – как-то спросила я.

– Вообще никогда не был.

– Как? – ахнула я. – У вас такой удивительный русский язык!

– А я, голубушка, вырос в семье эмигрантов первой волны. Они еще сохраняли язык. К тому же я безумно люблю русскую литературу, русскую музыку... А балет!

– Но почему же вы не съездите в Россию?

– Боюсь!

– Чего? КГБ, что ли? – крайне удивилась я.

– Да нет. Дуреха ты, Полюшка-Поля. Понимаешь, меня растили в представлениях о совсем другой России, еще дореволюционной, которая в рассказах родственников постепенно утрачивала реальные черты, становясь поистине сказочной страной, которая оказалась во власти советского Змея-Горыныча...

– Но его уже нет! – наивно воскликнула я.

– Ну, и что? Я предпочитаю носить в своем сердце ту, сказочную Россию... А реальная, боюсь, разочарует меня. Я вообще не люблю реальность. Потому и занялся цветами.

Когда я передала наш разговор Аркадию, тот как-то нехорошо ухмыльнулся и сказал:

– Да он просто романтический дурак, вот и все. Талантливый романтический дурак. Впрочем, романтизм и глупость, как партия и Ленин, близнецы-братья...

– Выходит, я тоже полная дура? – взвилась я.

– Почему?

– Потому что я помчалась за тобой сюда, все бросив...

– Э, нет, тут другое дело, моя маленькая. Ты втюрилась во взрослого мужика, и в твоём возрасте доля романтики придает девушке массу очарования, как и некоторая наивность. А когда человеку под шестьдесят... Извини, не хотел обидеть твоего кумира.

Но я обиделась за своего учителя. А в один отнюдь не прекрасный день я обнаружила, что у Аркадия есть другая. И в силу юной наивности и романтизма не пожелала этого стерпеть. Сбежала от него, устроилась официанткой в кафе, сняла крохотную каморку практически без удобств и продолжала учиться у Антона Аристарховича. За эти полгода я хлебнула парижской романтики в полном объеме! И, едва получив диплом, поспешила вернуться домой, к маме. В Москву, которую люблю всем сердцем.

В аэропорту меня встречали дед и Настя. У мамы был грипп.

– Ох, Полька, я только собралась к тебе в Париж, а ты тут как тут! Неужели насовсем в Москву приехала? После Парижа! Ты ненормальная! – тараторила Настя.

А дед помалкивал, только смотрел на меня с усмешкой. «Вернулась, блудная внучка! Я так и знал!» – было написано у него на лице.

Мы завезли Настю, и дед заявил:

- Пока поживешь у меня. А там будет видно.
- Почему? Из-за гриппа?
- Да нет. Там очередная большая любовь у твоей мамы. Все не уgomонится, дурища. А ты, видать, вся в нее. Бросила институт из-за парня... Может, всю жизнь свою сломала. Или думаешь, я буду из-за тебя в ножки ректору кланяться, чтобы принял назад? Не надейся. Это не мой стиль.
- Да что ты, дед! Я как художник совершенно бездарна.
- Я бы так не сказал...
- Просто ты любишь свою единственную внучку. А я в Париже отчетливо это поняла. Тогда зачем? Я нашла себе дело по душе, и, говорят, у меня есть к этому способности...
- Это еще видно будет. Цветочки, василечки... Очень по-дамски. А впрочем, в наше время это наверняка кормит лучше, чем живопись. Ну, а сердце разбитое привезла или как?
- Да нет, целое, так, малюсенький скол...
- А на примете кто-то есть? В двадцать три года нужна любовь.
- Да где же ее взять, дед? На дороге не валяется.
- Главное, чтобы в канаве не валялась... – усмехнулся дед. – А то большая любовь твоей мамы периодически валяется по канавам.
- О господи, опять! – ужаснулась я. Маме катастрофически везло на алкашей.
- Ты не права, – словно прочитал мои мысли дед. – Дело не в том, что она выбирает алкашей, просто, на мой взгляд, от нее любой мужик сопьется.
- Да почему?
- Слезлива, обидчива, с чувством юмора неважно обстоит, но красива и сексуальна. Они сперва на это клюют, а потом, когда первая страсть проходит, начинают пить...
- Да ну тебя, дед, разве можно так говорить о родной дочери?
- Можно. И нужно. Особенно с тобой, чтобы делала выводы. Впрочем, ты не в нее, к счастью. Но на всякий случай...

Я, конечно, покривила душой, сказав деду, что сердце мое почти цело, так, маленький скол. Нет, там была глубокая рана. Но об этом никто не догадывался. Просто мне не хотелось смотреть на мужчин. Я их практически не видела. То есть вокруг меня, их было полно, но ни на ком мой взгляд даже не задерживался. Я с головой ушла в поиски работы, что было не так-то просто. Но тут собралась замуж мамина подруга детства,

знаменитая актриса, и я предложила ей оформить ресторан, где намечалось празднование. Причем денег за работу я не брала. Материал, разумеется, оплатил жених, известный бизнесмен. И он рад был сэкономить на услугах флориста. А уж я постаралась! Показала все, на что способна. И мои старания не пропали втуне. Каждый, кто входил в зал, ахал, открывал рот и закатывал глаза. Даже дед.

– Ну, Польша, не ожидал! Это и впрямь чудо! Горжусь тобой! Но до чего причудливо, экзотично...

– Дед, невеста выходит замуж в четвертый раз. Тут и нужна экзотика. Юной девице я бы так свадьбу не оформила.

– А юной девице все беленькое сделала бы? – довольно ехидно осведомился дед.

– Нет, конечно. Но по-другому...

– А знаешь, в юности я был в Вильнюсе, и ходил к Острабрамской Богоматери. Там ее икона, вся в серебре, а вокруг только белые цветы... Необыкновенно красиво и трогательно. А потом я попал в Вильнюс лет через двадцать пять и снова туда пошел... Уже совсем не то... цветы были всякие... В чем, интересно, дело?

– Понятия не имею. Что это тебя на воспоминания потянуло?

– Сам не знаю. Видно, расчувствовался от внучкиного таланта...

После этой свадьбы на меня посыпались заказы. Там было много знаменитостей и состоятельных людей. Но заказчики народ капризный, и иной раз случались недоразумения. Кто-то доверял полностью моему вкусу, а кто-то хотел, чтобы я сделала все в соответствии с их представлениями, но «художественно». Из этого ничего хорошего не получалось. Но если мне такое не нравилось, то клиенты, как правило, бывали довольны. Случалось, платили очень щедро, а иной раз и вовсе не платили, что называется, кидали. Один юбиляр, вроде бы почтенный дядечка, заказал все по высшему классу, но сказал, что заплатит сразу за все – и за материал и за работу. Так уже бывало, и я согласилась. А он после юбилея просто слинял за границу, как говорят, с концами. И я не только ничего не заработала, но еще и осталась должна крупную сумму. Фирма, в которой я заказывала материал, ничего знать не желала, я влезла в долги, чтобы расплатиться с ними, около полутора лет выплачивала эти долги, но больше с этой фирмой дел не имела. Они могли сделать мне хотя бы рассрочку, как постоянному клиенту. Зато после того, как я оформила свадьбу знаменитой телеведущей и олигарха, о которой писали буквально все газеты и журналы, отмечая среди прочего изумительное оформление, ко

мне явился представитель той фирмы и высказал свое недоумение. Почему, мол, я прекратила иметь с ними дело? Я сказала ему все, что думала по этому поводу, и при этом испытала огромное удовольствие. А они прислали мне к Новому году сказочную корзину цветов, очень красивый кулон от Лалик, громадную коробку конфет и, разумеется, письмо с извинениями и просьбами впредь пользоваться услугами их фирмы. К письму прилагалась карточка на двадцатипроцентные скидки для меня. Великое дело конкуренция!

А год назад я встретила Вадима.

В первый момент он мне совершенно не понравился. Показался слишком лощеным, слишком самоуверенным. Но он так красиво, так настойчиво и трогательно за мной ухаживал, что в какой-то момент мне показалось – это тот человек, который мне нужен. К тому же все вокруг тоже дули мне в уши – не упusti свое счастье, вы идеальная пара, тебе давно пора замуж, лучше ты вряд ли найдешь, не сходи с ума, не будь Дурой и все в таком роде. Поэтому, когда он сделал мне предложение без малейшей инициативы с моей стороны (я слишком гордая, чтобы проявлять такого рода инициативу), я сразу согласилась. А что, может, он и вправду мой суженый, которого конем не объедешь?

Ну, вот, теперь я замужняя дама. И в этом качестве вполне неплохо себя чувствую. Веду дом, забочусь о муже, подумываю о ребенке... И не задаю лишних вопросов. В том числе и о ребенке. Муж пока молчит.

Третьего сентября у моей двоюродной бабки Ариадны Антоновны день рождения. Я не видела ее со дня своей свадьбы. И с утра позвонила ей.

– Адочка, родная, поздравляю!

– Ох, с чем поздравлять-то? Семьдесят лет! Уму непостижимо! Имей в виду, я ничего не отмечаю.

– Почему? – удивилась я. Она всегда любила дни своего рождения.

– Понимаешь, все стали какие-то старые, кто-то с кем-то перестал сочетаться... Бэла мне заявила, что если будет Фира, то она не придет. А Татьяна сказала: не зови Юльку со Светкой, о чем с ними разговаривать? Как тебе это нравится? И я решила – ну их всех к черту, никого звать вообще не буду. Да и корячиться на кухне неохота.

– Послушай, а давай я тебя приглашу пообедать в ресторан? Подарок для тебя у меня есть. Выпьем чуть-чуть за твое здоровье, поболтаем, а?

– Может, лучше вечером?

– Вечерком не получится.

– Хорошо. Согласна! Только я тебя приглашаю. Это мой юбилей!

– Да брось! Это приглашение – часть моего подарка. Ты, в конце концов, пенсионерка!

– Я работающая пенсионерка!

– Да ладно, тебе деньги на что-то другое пригодятся. И, в конце концов, это я первая тебя пригласила.

– Ну, что с тобой делать, я согласна!

Я очень обрадовалась возможности побыть с Адой с глазу на глаз. Я ее обожаю! В ранней юности она была моей главной советчицей и наперсницей. Маме было не очень до меня. К тому же мама была полна каких-то прописных истин, а Ада никогда не читала мне нотаций, просто любила меня и давала советы, но не навязчиво, не свысока... Словом, была моей старшей подружкой. И дед тоже поощрял нашу дружбу.

– Адка, она плохому не научит и тоски зеленой не разведет, как твоя мамаша. И в кого Ленка такая уродилась? Не в нашу породу!

Я заехала за Адой на такси, моя машина была на сервисе. Она выглядела потрясающе.

– Адочка, да ты просто врушка! Какие семьдесят? Бред! Да еще с этой новой стрижкой...

– Тебе правда нравится? – кокетливо осведомилась она.

– Не то слово!

Изящная, на высоченных каблуках, невероятно! Мне бы в ее возрасте так выглядеть.

После первого тоста за здоровье новорожденной она вдруг решительно поставила бокал.

– Рассказывай!

– Что рассказывать? – не поняла я.

– Как тебе живется замужем?

– Хорошо живется, – не покривив душой, ответила я.

– А мне почему-то не верится...

– Ну, и зря.

– Послушай, я все хотела спросить. Помнишь, на твоей свадьбе появился какой-то тип... вроде начальник твоего мужа, что ли...

– Бекетов?

– Может, и Бекетов...

– А что?

– Он бывает у вас в доме?

– Нет, что ты! Он такой большой босс. Вадькины родители чуть с ума не спятили от почтения. А почему ты спрашиваешь?

– Я его знала когда-то.

– И, как я понимаю, не с самой лучшей стороны?

– Да уж!

– Расскажи.

– Может, не стоит?

Но я видела, что ее так и подмывает поделиться со мной этой историей.

– Ну, Адочка, миленькая, пожалуйста, расскажи.

– Ладно, но обещаю не рассказывать Вадиму.

– Обещаю.

– Ну, слушай. История и впрямь интересная. Это было еще в пору жесточайшего дефицита, когда купить какую-то модную вещь было колоссальной проблемой. Мне позарез нужна была дубленка. Конечно, можно было обойтись и чем-то другим, но в молодости, а я была еще относительно молода, такие страстные желания подавлять вредно. И вот мне одна знакомая говорит:

«Адочка, у меня есть чудесный парнишка, он может достать все, что угодно. Мне он достал ондатровую шубку, Косте пыжиковую шапку, моим знакомым финский гарнитур. Так что, думаю, Дубленка для него не проблема. Конечно, придется переплатить за услуги, но он берет умеренно. Так я ему звоню?»

«Конечно, звони!» – обрадовалась я.

Она позвонила, по телефону объяснить ничего не стала. Он вскоре приехал, выслушал, улыбнулся обаятельной улыбкой, записал мой телефон и пообещал:

«Не беспокойся, красавица, будет тебе дубленка».

И правда через несколько дней звонит и сообщает:

«Привет, красавица! Есть для тебя дубленка! Классная вещь, Канада! Темно-вишневая, пойдет?»

Я возликовала. Темно-вишневая канадская дубленка – это же просто мечта! Все подружки помрут от зависти.

«Только, красавица, сама понимаешь, это будет на столик дороже стоить. Потянешь?»

«Потяну», – согласилась я, хотя сто рублей в то время немалые деньги были, но я заняла эту недостающую сотню и отправилась навстречу своей мечте. Все чин чинном, мы встретились с парнем, сели в такси и поехали куда-то то ли на Полянку, то ли на Ордынку, словом в те края. Подъехали к большому дому, он и говорит:

«Давай, красавица, деньги, это дипломат один привез, он не хочет, чтобы в подъезде видали, что от него люди с пакетами выходят. Сама понимаешь!»

А я у него часто бываю, примелькался уже. Через десять минут буду».

– И он что, смылся с твоими деньгами? – догадалась я.

– Именно! Я ждала его минут сорок. А потом таксист и говорит: «Девушка, кажись, кинул вас этот тип, в этих подъездах черный ход есть...» Так я ему сперва не поверила. Еще полчаса ждала...

– А ты позвонила той, которая тебя с ним свела?

– Еще бы! Она, как теперь говорят, была в шоке. Звонила ему, а ей сказали, что он из Москвы уехал.

– А в милицию ты не заявила?

– А что я могла сказать в милиции? Что обратилась к спекулянту? Да кто бы у меня заявление такое принял? Только лишние неприятности себе бы нажила. И вдруг вижу на твоей свадьбе этого господина...

– А ты уверена, что это он?

– На сто процентов!

– Послушай, а может, все-таки ты ошиблась? Вадька так о нем отзывается...

– А чего ж не отзываться? Он теперь почтенный бизнесмен, а то были грехи молодости, вскормленные тотальным дефицитом, – рассмеялась Адочка. – А что он вам подарил?

– Мне серебряную корзинку с орхидеями, а Вадьке какие-то навороченные часы. Вадька говорит, они кучу денег стоят.

– Проверить надо бы, не подделка ли.

– Да ну, брось, быть не может.

– Знаешь, как мне хотелось на свадьбе подойти к нему и спросить, где моя вишневая дубленка из Канады, и посмотреть на его рожу.

– Слава богу, не подошла! Но я же тебя знаю, почему ж ты этого не сделала?

– Понимаешь, я подумала: а вдруг я все-таки обозналась? Столько лет прошло, а тут свадьба любимой Польки...

– Ага, значит, ты все же допускаешь, что могла обознасться?

– Ну... Тогда его звали Валерой, а теперь он Юлиан. Может, просто очень похож. Хотя вообще-то я убеждена – это он!

– Да ладно, черт с ним, давай сменим тему!

Прошло недели две. Я работала, вела дом – словом, была образцовой женой, и мне это нравилось. Но однажды... У меня была назначена встреча с клиентом в кафе, я только еще собиралась снять приличный офис, на этом настаивал Вадим, но подходящего помещения пока не нашлось, и я, как всегда, назначила встречу в кафе. Клиент оказался привлекательным

мужчиной лет тридцати пяти, который хотел сделать сюрприз своей матери, ей исполнилось шестьдесят лет, и я должна была оформить цветами ресторанный зал. Заказ был не очень крупный, но интересный. Мать клиента известная пианистка, живущая в Бельгии, иными словами, выдавшая всякие виды, и ее следовало поразить.

– Справитесь, Полина?

– Полагаю, что справлюсь. Только я должна подробнее узнать о вашей маме.

– Что, например?

– Какие цветы ваша мама любит, какие терпеть не может...

– Насколько мне известно, мама не любит только гладиолусы, каллы и еще эти... ну как их... Такие крупные цветные ромашки.

– Герберы?

– Кажется, да, герберы. Да, точно.

– А какой цвет предпочитает ваша мама? В каком платье она будет?

– Ну, насчет платья я не знаю... Но вообще-то она предпочитает черное... По крайней мере, на концертах она всегда в черном.

– А какие цвета у нее в доме преобладают?

– Ох, черт, я не помню, наверное... Но что-то светлое...

– А у вас есть фотографии дома вашей мамы?

– Ну, в принципе что-то есть... Да, я вам пришлю по мылу.

– Отлично! А есть у вашей мамы, к примеру, любимая страна?

– Любимая страна? – безмерно удивился он.

– Ну, да. Где ваша мама предпочитает отдыхать?

– Послушайте, а зачем вам все это?

– Чтобы как можно лучше все сделать и угодить вашей маме.

– Никогда не предполагал, что флориста могут интересовать такие детали.

– А как же! Конечно, я могу, не заморачиваясь, оформить все просто, чтобы было красиво, но хочется ведь, чтобы оформление радовало не только глаз, но и душу. Ваша мама ведь не просто богатая безвкусная тетка, она большой музыкант...

– О, теперь я, кажется, понимаю, почему вы пользуетесь таким успехом как флорист. Мне все уши прожужжали.

– Меня так учили.

В этот момент ему кто-то позвонил, он извинился и вышел из зала. И я, наконец, смогла оглянуться. Меня давно уже мучило ощущение, что кто-то не сводит с меня глаз. И вправду, какая-то девушка пристально на меня смотрела.

Ее лицо показалось мне знакомым... Ба! Да это же она приходила на свадьбу... В вишневом платье с серебряными бретельками. Я кивнула ей, здравствуйте, мол. Она тут же вскочила и подошла ко мне.

– Здравствуйте, Полина!

– Привет. Я не знаю, как вас зовут.

– Меня? Алика.

– Алика, я не очень понимаю...

– Да ладно, все вы прекрасно понимаете.

– Ну, я, конечно, понимаю, у вас, видимо, что-то... было с Вадимом?

Но...

– Что-то! Это была такая любовь! А женился он на вас. Но любит-то все равно меня.

– Не понимаю! Если он так вас любит, почему ж он женился на мне? Я ж не дочь олигарха, не наследница какого-то громадного состояния. Какая ему корысть? – искренне недоумевала я.

Но тут вернулся мой клиент, и она сразу отошла.

– Так о чем мы с вами говорили? – спросил он. – Извините, отвлекли.

– Кажется, ни о чем конкретном...

Надо заметить, что настроение мне эта Алика здорово испортила. Но нельзя подавать виду. Я взяла себя в руки и довела разговор с клиентом до конца.

– Ну, что ж, я доволен, – подвел итог он, – вы и впрямь высококлассный специалист... И восхитительная женщина, – добавил он и поцеловал мне руку. – Я вижу, вы замужем. Жаль... Я бы за вами приударил.

– Это не имеет смысла.

– Да я так и понял. Глаза замужние. Не берите в голову, просто я не мог не сказать вам о своем впечатлении. Все, что нужно, я пришлю! А сейчас спешу, извините! – Он еще раз поцеловал мне руку и быстро ушел.

И тут же ко мне подскочила Алика.

– Полина, зачем вам Вадим? Вы вот совсем недавно замужем, а уж роман крутите...

– Какой роман? Окститесь, это мой клиент!

– Я, по-вашему, слепая? Этот мужик так на вас смотрел, так ручки целовал...

– Послушайте, Алика...

– Да не хочу я ничего слушать, вы мне жизнь сломали...

Я решила не вступать с ней в пререкания, она явно напрашивалась на скандал. Но не дождется. Я встала и пошла к выходу.

Она догнала меня уже около машины.

– Полина!

Я молча обернулась.

– Полина, погодите, я в отчаянии...

– Сочувствую.

Вы все врете!

Я открыла машину.

– Мы прожили с Вадимом больше двух лет...

Я молчала.

– А он... женился на вас.

– Так бывает. Мне очень жаль. Всего доброго.

Мне и вправду было ее жаль. Она стояла такая потерянная, несчастная...

– Но любит он меня! – крикнула она напоследок.

Я пожала плечами и тронулась с места. Успела отъехать на несколько метров, как вдруг раздался какой-то странный звук, заднее стекло пошло трещинами... Видно, эта ненормальная кинула в машину камнем.

Я хотела вылезти и разобраться с ней, но сочла за благо уехать. И сразу поехала на сервис. В результате домой я попала поздно. Вадим был уже дома и в крайнем раздражении.

– Где ты шлялась?

– Я не шлялась. Сперва встречалась с клиентом, а потом поехала на сервис.

– А на сервис зачем? Ты ж только неделю назад машину получила. Отговорки все... И ни с каким клиентом ты не встречалась! Шашни уже завела! Не рановато ли?

– Вадим!

– Что Вадим? Что Вадим? Конечно, я убиваюсь на работе, а ты целыми днями где-то шляешься!

– Ты что, такой голодный? – я хотела свести все к шутке. – На людей с голоду кидаешься?

– Ничего подобного! Просто, когда я прихожу с работы, жена должна быть дома!

– Но я ведь тоже работаю...

– Подумаешь, работа, цветочки в букетики собирать!

– Тебе охота поссориться? Изволь. Но скандалов я не терплю. Значит, мы с этого момента в ссоре. Хорошо. Ужинай один. А я поеду к маме. Придешь в себя, позвони.

Я снова надела сброшенные уже туфли, взяла сумку. Вадим, похоже,

рассчитывал на другую реакцию.

– Подожди! Поляш, извини... Я что-то разнервничался. Сорвался. Прости, прости. Ты действительно права...

– Вадим, на первый раз я прощаю. Но имей в виду, я не выношу скандалов. И хамства. Я, конечно, понимаю, в семейной жизни всякое бывает, но из-за небольшого опоздания устраивать сцену...

– Права, тысячу раз права! Ну, все, все, иди, поцелую...

Мне вовсе не хотелось сейчас с ним целоваться, но чего не сделаешь ради мира в семье. Хотя этот мир, конечно, в нашем случае, по-видимому, весьма хрупок. Разумеется, у Вадима была своя жизнь и, вероятно, много женщин, что ж, это естественно. И я вполне понимаю, почему он не женился на Алике. Зачем ему такая истеричка? Наверняка еще и ревнивая. Просто Отелло в юбке. А однажды я вернулась домой из магазина и услышала обрывок телефонного разговора. Не знаю, с кем муж говорил, но сказал он следующее:

– Да что ты, она не жена, а чистое золото. Спокойная, умная, не лезет с расспросами, не допекает, я тут как-то хотел устроить скандал, а она не поддалась... Представляешь, к нам на свадьбу Алика заявила! А Польша даже не спросила, кто это. Да что ты, любит без ума!

Видимо, неведомый собеседник предположил, что если жена так себя ведет, то, может, не любит...

– О, а вот и женка моя вернулась, ну, пока, Вить. Привет, любимая!

А мне ужасно не понравился этот разговор. В нем совсем не чувствовалось любви... Но, с другой стороны, я не знаю, с кем он говорил, может, тот человек вовсе не располагает к откровенности... Но разве дело в словах? Я ведь и сама не умираю от любви. Просто нам неплохо вместе. И я умею сохранять мир в семье, пока, во всяком случае, а дальше, кто знает. Наверное, нам нужен ребенок. Но пока что-то не получается. А может, и к лучшему, если любовь под вопросом...

Мне позвонила подруга Настя. Мы с ней дружим с третьего класса. Настя работает в кулинарном журнале.

– Польша, привет! Надо повидаться!

– По делу или просто так?

– А что, просто так тебе в лом?

– Наоборот! Давно мы не шушукались...

Мы с Настей вечно трепались на уроках, и учительница математики так нас и прозвала «Шушуки».

– Польша, а давай смотаемся за город, к нам на дачку, говорят, грибы

пошли, погуляем, воздухом подышим...

– Мне нравится твое предложение.

– А твой тебя отпустит?

– Я завтра свободна и спрашиваться у него не стану. Просто поставлю в известность.

– Да, есть в тебе, Польша, определенная суровость.

– А ты не знала?

– Просто не формулировала... Ладно, тогда как поедем? Может, на электричке?

– Да ну... Я за тобой заеду часиков в семь, встанешь?

– Не вопрос, за грибами, чем раньше, тем лучше...

– Договорились.

За ужином, когда Вадим поел, я заявила:

– Вадюш, я завтра раненько уйду, завтрак тебе приготовлю, а ты уж сам поешь.

– А когда ты уйдешь?

– Часиков в шесть, самое позднее в полседьмого. Мы с Настей собрались за грибами.

– За грибами? – крайне удивился он.

– Ну, да, а что? Она говорит, пошли грибы, а у них на даче грибные места...

Он как-то странно на меня посмотрел.

– А ты грибы-то знаешь?

– Боишься, что накормлю мухоморами? – засмеялась я.

– Да нет, просто спросил. Хотя ты так готовишь, что и мухомор можно сожрать с полным кайфом... А вернуться когда думаешь?

– К вечеру, наверное.

– Любишь грибы собирать? Я не знал. А я грибов вообще не вижу, могу все прозевать, это ведь тоже особый дар. Значит, у тебя еще один дар обнаружился...

– Да нет, никакого особенного дара, просто люблю лес, эти запахи... Вот странно, знаешь, когда находишь лисички, это такой восторг, они такие красивые, растут семьями – словом, куча кайфа, а есть я их не люблю.

– А я даже не уверен, что когда-нибудь их ел. Мама в основном готовила шампиньоны. А какие ты грибы любишь?

– Да почти все... Опята обожаю, черные...

– Чернушки?

– Нет, так называют подберезовики и подосиновики. А маслята... С ума сойти...

- О, надеюсь, завтра на ужин у нас будут грибы?
- Надеюсь тоже, но не уверена.
- Это почему? – вдруг насторожился он.
- А разве можно, идя по грибы, быть уверенной, что найдешь?
- Ну, да, тоже правильно.

Утром я встала ни свет, ни заря, приготовила ему завтрак и оделась соответственно случаю: старые джинсы, резиновые сапоги, старенькая футболка и выдавшая виды ветровка. Я уже собралась выйти, как вдруг в прихожую выглянул Вадим.

- Привет! Уходишь? Ну, и видок у тебя... Ну, ни пуха, ни пера!
- К черту! Все, я побежала!

Могу голову прозакладывать, что он вышел посмотреть, в каком виде я уйду, и, кажется, остался доволен.

Без четверти семь я подъехала к Настинному дому и позвонила ей. Она мгновенно спустилась.

– Привет, подруга. Ты, как всегда, точна, как я не знаю кто! Ой, а что это тут у тебя? Грибы? Откуда?

- С рынка.
- Господи, зачем?

– На всякий случай, а вдруг ничего не найдем, будет, что мужу предъявить. Во избежание лишних разговоров.

– Господи, Польша, зачем ты... Тебе с ним плохо? Ты его не любишь, что ли?

– Да нет, почему? Просто стараюсь быть мудрой, чтобы в доме был мир.

– Ой, а разве такое возможно, если любишь?

– Настька, ты вот выходила замуж по безумной любви, и что?

– Ты права, ни хрена. Ни любви, ни семьи... А ты молодец, я перед тобой просто преклоняюсь.

Все заранее предвидишь... – грустно проговорила она.

– Ничего, будет и на твоей улице праздник!

– А что ты называешь праздником? У тебя праздник?

– Еще бы! По крайней мере, никто не пристаёт с вопросами, почему не замужем, когда выйдешь замуж. Достали уже!

– Ну, у тебя и характер.

В лесу пахло приближающейся осенью, прелью, свежестью. Ах, хорошо! Люблю лес. Но так давно не выбиралась.

– Настя, спасибо, что вытащила меня, так хорошо.

– Ага, куча кайфа. Воздух какой! Чем мы в Москве дышим, уму непостижимо.

Грибы пока не попадались, только Настя нашла две сыроежки.

– Что-то тут не очень, давай к сосняку двинем, там почти всегда маслята есть.

До сосняка было около двух километров, но идти по лесу было так приятно, что я сразу согласилась. И вдруг мы услышали какой-то шум – словно кто-то ломился сквозь кусты.

– Стой, падла, не уйдешь! – заорал какой-то жуткий голос. Мы замерли.

– Врешь, не уйдешь! – И тут же раздался выстрел. Кто-то вскрикнул и, по-видимому, упал. Стало тихо.

– Ну, что я говорил!

Настя ахнула. Я зажала ей рот рукой.

– Ну, вот, парень, ты и отбегался! Сейчас еще контрольный в голову и прости-прощай! Поверь, ничего личного!

И тут я вспомнила, что в кармане у меня лежит одна штучка. Я мгновенно нащупала ее и сильно сжала. Раздался такой свист, как будто Соловей-разбойник явился. Мужик с пистолетом присел и вдруг рванул с места. А я все жала на привезенную мне из Швеции пугалку для уличных хулиганов. Сама не знаю, зачем я сегодня сунула ее в карман ветровки. Настя была почти в обмороке. А я выглянула из-за кустов. На земле лежал мужчина. И на груди у него растекалось кровавое пятно.

Но подойти к нему было страшно. А вдруг убийца где-то рядом? Прошло несколько минут. Никого не было ни видно, ни слышно.

– Поль, что это было? – едва слышно прошелестела Настя.

Я вытащила из кармана пугалку.

– Держи! Если что, сожмешь вот так.

– Если что?

– Я пойду, посмотрю, жив ли он.

– Ты спятила? А если...

– Если, если... А если ему можно помочь? Что ж мы бросим в лесу раненого человека?

– Надо полицию вызвать.

– Во-первых, сама говорила, мобильник тут не ловит, и пока еще менты приедут... И как им объяснить, где мы...

– Они по мобильнику вычислят.

– Ага, это только в кино на раз вычисляют... Короче, стой тут и следи,

что вокруг творится.

Мне, конечно, было здорово страшно, но адреналин в крови требовал какого-то действия, и я, стараясь ступать совсем тихо, подошла к раненому. Это был мужик лет тридцати в драной светло-серой футболке. Глаза были закрыты, но он явно был жив. Губы кривились от боли.

– Эй, вы живой?

Он открыл глаза. Такие синие, каких я еще не видала.

– Что за чудное явление? – улыбнулся он. – Или я уже в раю? Но разве гурии носят резиновые сапоги?

Мне показалось, что это сцена из какого-то фильма. И это мой герой. Я его спасла и теперь люблю на всю жизнь...

– Послушайте, вы можете встать?

– Не пробовал, но, вероятно, смогу. Этот хренов киллер попал мне в плечо. Рана не смертельная, но чертовски больно, девушка. Да, это вы так свистели? Жуть какая-то.

– Эта жуть, между прочим, спасла вам жизнь. Но я, к сожалению, так свистеть не умею. Слушайте, что ж вы так и будете валяться? Давайте я вам помогу встать.

– А у вас в кармане нет белоснежного платка, чтобы перевязать мою кровоточащую рану? А то очень все на кино похоже.

– Да? Вам тоже так показалось?

– Конечно! И у нас с вами должна начаться любовь...

– Никакой любви. Только первая помощь!

И тут вдруг опять раздался этот жуткий свист. Я вздрогнула.

Свист приближался. Я оглянулась. Настя с безумным видом подбегала к нам.

– Что там?

– Ничего. На всякий случай! А тут что? Э, да вы живой!

– Исключительно благодаря двум барышням. Ну, что ж... Надо как-то выбираться отсюда. Вы тут живете или по грибы приехали? Может, еще и на машине?

– Да, на машине. Вас куда-то отвезти?

– Если не сложно... А если серьезно, спасибо вам, девочки! Я теперь по гроб жизни ваш должник. А машина ваша далеко?

– Порядочно. Но у вас же не нога ранена. Дойдете, – сказала я.

– Ваша правда. Но только мы сделаем так. Я пойду один. И встретимся в условленном месте, – он говорил тоном, не терпящим возражений.

– Это почему? – спросила Настя.

– Мало ли кто нам встретится по дороге... И я не уверен, что этот трюк

со свистулькой еще раз прохилияет. Сможете подъехать к старой водокачке?

– Я не знаю, где это...

– Я знаю, – вмешалась Настя. – Сможем.

– Вот и отлично. Ждите меня там.

И он вдруг очень даже резво поднялся и пошел прочь. Потом оглянулся и тихо сказал:

– В любом случае спасибо вам!

Вскоре он уже исчез из виду.

– Поль, что это было?

– Кино... Ты видела, какие у него глаза?

– С ума сошла? При чем тут его глаза?

– А как ты думаешь, что он имел в виду, когда сказал: «в любом случае спасибо»?

– Ну, в случае, если не дойдет живым, по-моему, ясно. Господи, Полька, как страшно-то!

А ты смелая... Я даже не думала. Надо же, не растерялась... Я бы даже не вспомнила про эту свистульку...

– Ладно, пошли, Настька, а то пока дойдем, пока отыщем эту водокачку. Кто возьмет билетов пачку, тот получит водокачку! Помнишь, откуда это?

– Из «Бриллиантовой руки», что ли?

– Ага...

И мы чуть ли не бегом бросились прочь от страшного места. И вдруг Настя захохотала.

– Насть, у тебя истерика?

– Полька, ты чудо! Даже вернешься с грибами!

Мне тоже стало смешно. Видимо, страх уже отпускал нас. Мы прыгнули в машину.

– Говори, куда ехать! – потребовала я. Мне было до ужаса страшно, вдруг незнакомец не дойдет... Вряд ли убийца так смертельно перепугался, что даже не вернется. Насколько я поняла, синеглазый парень был безоружен, а у того пистолет. Ох, не к добру мы смеялись.

Мы прождали у водокачки четыре часа. Он не появился.

– Поль, – всхлипнула Настя. – Неужели его убили?

– Подождем еще.

– Да ну... Я чувствую, убили его... Давай поедем в милицию.

– В полицию, – мрачно поправила ее я.

– Какая, блин, разница!

– Нет, Настя, никуда мы заявлять не будем. Что мы им скажем? Видали

в лесу двух дяденек, один хотел другого кончить, а мы их своей свистулькой вспугнули? Да и вообще... Нас же на смех подымут.

– Ну, и подумаешь!

– А если убийца как-то связан с полицией? И узнает наши адреса и явки? Тогда как? Мы же были свидетелями покушения. Нас запросто могут и убрать...

– Польша, это ты так шутишь? – жалобно пролепетала Настя.

– Какие уж тут шутки. Но я все же почему-то думаю, что он жив.

– И что, в лесу заблудился?

– Нет. Просто он решил, что не будет нас подставлять.

– То есть он типа настоящий мужик? А разве они в жизни бывают?

– Хотелось бы надеяться. Ну, все. Поехали! Ждать дальше бессмысленно.

– Ну, давай еще полчаса подождем, – взмолилась Настя.

– Давай! – легко согласилась я.

Мы прождали еще час. Незнакомец не появился.

– Ладно, поехали, не придет он... – всхлипнула Настя. – Какая ты хладнокровная, Польша, я даже не думала.

Если б она знала, какая буря бушевала у меня внутри!

– А как ты думаешь, вернее, как тебе кажется, он жив?

– Честно? Я в этом почти уверена.

И мы уехали. На дороге бабки торговали яблоками и грибами. Я купила еще грибов. И в частности кучку лисичек. Для мужа. Пусть попробует.

Когда я вошла в квартиру, Вадима еще не было. Я сразу взялась за грибы. Через минут двадцать Вадим позвонил.

– Поляш, ты уже дома?

– Да, недавно вернулась, грибы чищу!

– Неужто набрали?

– Да, и немало! А ты скоро будешь?

– Боюсь, что не раньше, чем через час-полтора. На третьем кольце застрял.

– Зато к твоему приезду будут готовы грибы.

– Здорово! Даже слюнки потекли.

Лисички я приготовила отдельно, на небольшой сковородке.

Вадиму лисички безумно понравились.

– Поляш, а ты чего какая-то возбужденная?

– Возбудишься, когда столько грибов! Это такой сумасшедший кайф!

Рассказывать мужу о приключении в лесу нет смысла. Он только

испугается за меня, зачем его тревожить? И вообще, этот эпизод лучше забыть. Моя совесть чиста. Я, безусловно, спасла человеку жизнь, по крайней мере, на том этапе. А что там дальше... Я готова была и дальше ему помогать, но он не захотел. Или не смог? Наверное, я никогда об этом не узнаю. Но какие синие у него глаза... Интересно, я смогла бы узнать его на улице? Я не помню его лица... только глаза... Почему-то вдруг в памяти всплыла строчка из песни: «И только небо в голубых глазах поэта...» Но этот человек вряд ли поэт. Поэты, как правило, не бегают по лесам от киллеров. Да и кому придет в голову заказать поэта? Поэты отнюдь не герои нашего времени. Нашего сугубо прагматичного и почти напрочь лишенного романтики времени.

Прошло недели две. Вадим вернулся с работы в приподнятом настроении.

- Поляш, тебе светит очень крупный заказ!
- Откуда? – удивилась я.
- Шеф меня сегодня вызвал и спросил, не согласишься ли ты оформить свадьбу его любимой племянницы. Я сказал, что почтешь за честь...
- А он что, видел мою работу?
- Не знаю, может быть. Или кто-то ему тебя рекомендовал. Но там свадьба на двести человек.
- Кошмар какой!
- Но тебе же не надо там гулять...
- Это да! К счастью. А когда мероприятие планируется?
- В начале ноября.
- Нормально. Годится.
- Я так ему и передам. Он с тобой свяжется.
- Хорошо. А он меня на правах твоего шефа с деньгами не кинет?
- С ума сошла! Он приличный человек!
- Слушай, Вадь, а ты от него никогда не слышал такого словечка «красава»?
- Красава? Что за идиотские выдумки?
- Да нет, это я так...
- Нет, ты все же объясни, что ты хотела этим сказать?
- Да ничего. Просто меня в начале моей работы кинул один тип, который всех девушек называл красавицами. Я это в шутку спросила.
- Идиотские шутки! – обиделся за патрона Вадим.
- Признаю, глупо пошутила.

Вероятно, Адочка все-таки обозналась. Ведь столько лет прошло, да потом от таких привычек очень трудно избавляться. Ну, если «красава» не его словечко, то, скорее всего не кинет.

На другой день мне позвонила племянница Юлиана Григорьевича. Значит, придется иметь дело с ней. Меня это только обрадовало. Зачем лишние контакты с шефом мужа?

Племянницу звали Кристиной. Мы встретились, как обычно, в кафе. Девушка мне сразу понравилась. Не слишком красивая, но лицо умное, приятное.

– Здравствуйте, Полина! Я столько о вас слышала. И просто счастлива, что вы согласились.

– Давайте, Кристина, обсудим все. Мне очень важно знать, есть ли у вас какие-то определенные пожелания?

– Если честно, нет. Просто чтобы было красиво... Я, Полина, вообще не очень понимаю, зачем столько народу звать на свадьбу. Но дядя настаивает. Он дает деньги... Он хочет, чтобы все было по высшему разряду. А я не знаю...

– Ну, хорошо, значит, определенных пожеланий нет. А какие-то предпочтения есть?

– Какие предпочтения?

– Ну, какие цветы вы хотите, а каких не хотите. Какой общий цвет вам нравится? Платье у вас, какое будет?

– Ну, такое... не очень пышное, цвета слоновой кости...

Кристина была темненькая, черноглазая, и я вдруг подумала, что больше всего ей подошли бы анютины глазки.

– Кристина, а как вы относитесь к анютиным глазкам?

Она вдруг расплылась в улыбке.

– Как вы угадали? Это мои любимые цветы! Но сейчас ведь не сезон...

– Это уже моя забота. Предлагаю украсить стол анютиными глазками, а в зале...

– Полина, – грустно сказала она, – я боюсь, что дядя не поймет... это ведь скромные цветы...

– Не волнуйтесь. Все будет достаточно роскошно, просто анютины глазки будут как бы основной темой, так сказать, лейтмотивом. И букет невесты тоже будет с анютиными глазками.

– Ох, как здорово! Знаете, у меня есть любимое платье – кремовое с разными анютиными глазками. Я в нем с Сергеем и познакомилась. И он сразу в меня влюбился, так что он тоже будет рад.

– Отлично, от этого и будем танцевать. А на столе анютины глазки – это очень удобно. Они не будут мешать.

Я сама страшно обрадовалась. Мне еще не приходилось работать с анютиными глазками и показалось, что это очень интересно.

Мы обсудили все детали предстоящего торжества. И расстались очень довольные друг другом. Едва я села в машину, позвонила Настя, вся в слезах.

– Полька, ты не представляешь... – рыдала она, – я просто не знаю, что делать...

– Настя, кончай реветь! Говори, что стряслось? – У меня вдруг мелькнула мысль, что она была на даче и там узнала, что нашего синеглазого убили. – Настя, не тяни kota за хвост!

– Меня с работы выгнали!

– За что?

– Ни за что! Просто наш журнал продали, а новый хозяин на мое место впендюрил свою любовницу.

– Как-то мало он свою любовницу ценит. На твою зарплату...

– А где я теперь работу найду? И не такая уж плохая у меня была зарплата... Полька, что мне делать?

– Радоваться!

– Ты спятила? Чему радоваться?

– Новому месту работы!

– А где оно, это место?

– Будешь работать со мной!

– Как это?

– Мы с тобой зарегистрируем фирму. ИП.

– Это что?

– Индивидуальные предприниматели. Я давно об этом думаю. Но мне все некогда. А ты с завтрашнего дня займешься регистрацией.

– Полька, ты это серьезно?

– Абсолютно! Наша фирма будет заниматься не только флористикой, но и кулинарией! Ты ж на этом собаку съела! А хочешь, я сию минуту позвоню своей новой клиентке и предложу тебя в качестве кондитера? Мы им такой торт забацаем, что у нас отбою от заказов не будет!

– Полька, ты что, серьезно? Да, я хочу! Я хочу с тобой работать! Мы же вместе такого наворочаем! – безмерно воодушевилась Настя.

И мы договорились встретиться через час. Я тут же позвонила Кристине.

– Алло, Полина? Вы что-то забыли?

– Да. Кристина, а торт вы уже заказали?

– Нет еще, а что?

Я быстро изложила ей свое предложение.

– Здорово!

– И более того, этот торт вам ничего не будет стоить.

– Почему?

– Ну, это будет что-то вроде бонуса.

– Отлично! Спасибо, Полина! Я в восторге!

Настя сперва не поняла, почему торт будет бесплатным.

– Потому что это твой первый опыт, – втолковывала я ей. – Мне за работу платят очень щедро, и я возьму расходы на материал на себя, а с тебя только украшение. Я тоже свою первую свадьбу оформляла бесплатно.

– Поняла! – обрадовалась Настя. – Конечно, ты права! Полька, как хорошо... Мне утром казалось, что мир рухнул, а теперь... Вот уж точно. Не имей сто рублей, а имей...

– Сто друзей не надо, это лишнее. А имей верных друзей, я бы так сказала.

– Права, как всегда! Ох, Полька, а похороны ты тоже оформляешь?

– Бывает.

– А торт на поминки надо в виде гробика делать?

Мы покатались со смеху.

– Слушай, а если торты не будут заказывать, тогда я тебе зачем?

– Будешь мне помогать! Короче, я буду тебе платить зарплату, а торты – это уже твой отдельный заработок будет. Годится?

– Еще бы! И работать с тобой, а не с этими...

– Но учти, никакой расслабухи, я этого не потерплю. В работе я тебе не подруга, поняла?

– Ух ты! – восхитилась Настя. – Это, между прочим, очень правильный подход. Я про это читала... Полька, ты даже вообразить себе не можешь, как ты меня выручила, можно сказать, спасла.

– Да, кстати, о спасении... Ты не слыхала... У вас там, на даче...

– Ни звука! Ни про какие убийства, ни слуху, ни духу. А что, волнуешься?

– Естественно, человек же все-таки.

– Знаешь, Полька, я что думаю... Наверное, если б ты с ним вдруг встретишься, у вас бы закрутился роман...

– Здравьете, я ваша тетя! С какой это радости? Я, между прочим, замужняя женщина.

– Ну, и что? Это ж так романтично! Ты его буквально от смерти

спасла!

– Да я его и не узнала бы. Только глаза запомнила.

– Вот по глазам бы и узнала!

– Слушай, хватит чушь молоть! Давай лучше о Делах поговорим. У тебя деньги есть?

– Какие деньги?

– Что значит какие? Обыкновенные, на жизнь.

– А, да, недели на две хватит... Ой, Польша, а у нас будет офис?

– Будет. Когда найдем подходящее помещение.

– А что надо-то?

– Небольшое, но приличное помещение, желательно в центре. А то по Москве из конца в конец многим ехать не захочется.

– Ну, ради шикарной свадьбы, куда хошь попрутся.

– Я ж не только свадьбами занимаюсь.

– Ну, да.

– А пока так будем, встречи с клиентами в кафе. Кстати, значительно дешевле.

– Так, может, ну его на фиг, этот офис?

– Там видно будет. А ты вот что, Настя, подготовь фотографии тортов, самые красивые, какие у тебя есть. Помнишь, ты деду на семидесятилетие делала? У тебя есть его фотка?

– Еще бы! Я за него тогда еще приз в журнале получила.

– Отлично! Завтра мне привезешь. А кстати, сможешь сделать на торте анютины глазки?

– Запросто! А зачем?

Я объяснила.

– Ну, надо же, Польша... У тебя такой нестандартный подход... Анютины глазки... Знаешь, мне эта твоя идея работать вместе напоминает какой-то американский то ли фильм, то ли роман... Две подруги открывают фирму по обслуживанию банкетов и всяческих торжеств, молодые, красивые, и все у них получается по высшему классу... А потом они находят свою любовь...

– Одну на двоих?

– Нет, каждая свою.

– Я в этот сценарий не вписываюсь. Я замужем и люблю своего мужа.

Настя смерила меня скептическим взглядом.

– Аутотренинг, да?

– Да иди ты!

Вечером Вадим поинтересовался, как прошла встреча с племянницей босса. Я рассказала.

– Молодец! – похвалил он меня.

Тогда я рассказала о том, что буду работать с Настей.

– А что, это мысль... Тебе будет полегче, да и Настя хорошая баба. Почему бы и нет? Но офис все-таки нужен, и я могу вам помочь.

– Как это?

– Помнишь ресторанчик «Цапля»?

– Ну?

– Его закрыли. А помещение разделили на две части. В одной открыли салон красоты. А вторую пока не сдали. Езжай завтра, поинтересуйся. Место прекрасное, недалеко от Чистых прудов.

– Погоди, там ведь полуподвал?

– Да. Ну, и что?

– Вадька, это было бы здорово! – воодушевилась я. – Завтра прямо с утра поеду!

– Если будут затруднения, скажи мне, помогу.

– Вадь, спасибо тебе! Ты лучший в мире муж!

– Лучший муж лучшей жены? – засмеялся он. – Мы же идеальная пара. Потому-то я на тебе и женился!

Мне даже показалось, что он говорит совершенно искренне и нет за этим никакого второго плана.

Говорят, дружба и совместная работа невозможны. Неправдочка! Мы с Настей идеально совместились в работе. Она на редкость аккуратно и ответственно подходит к любым документам, умеет найти общий язык с любой теткой, которая выдает всякие нужные и не очень справки, каким-то образом они все начинают ее любить, даже самые лютые мегеры. Мне это совершенно не дано.

Меня через три минуты начинает трясти от начальственно-хамского тона этих баб, хотя вообще-то я человек выдержанный, но тут, видимо, непреодолимая идиосинкразия... А Насте ништяк!

– Насть, знаешь, кого я безумно люблю?

– Синеглазого, да?

– Еще чего! Того идиота, который выгнал тебя из журнала. Он теперь просто мой кумир!

Таким образом, уже в конце октября мы праздновали новоселье в нашем офисе. Вдвоем! Накупили фруктов, открыли шампанское. Назвали мы нашу контору просто «Полина», но писалось это так: «ПОЛиНА».

Придумала это Настя.

– Это правильно будет, Польша! Все-таки фирма твоя, и если вдруг мы разбежимся, то «Полина» останется «Полиной», просто писаться будет по-другому и все.

В день свадьбы Кристины я с самого утра уже занялась украшением ресторана. Букет невесты я отправила с посыльным, который тоже понадобился в нашей фирме. Кристина позвонила мне в полном восторге.

– Полина, вы волшебница! Букет просто чудо, ни у кого такого не видела.

А Настя второй день колдовала на ресторанной кухне под ревнивым взглядом тамошнего кондитера.

– Ну, вообще-то принято на свадьбу делать многоярусный торт, с фигурками...

– Афанасий Афанасьевич, – ласково улыбалась Настя, – мало ли что принято! У меня свой подход, ну не сердитесь вы на меня... я ж тоже лицо подневольное, мне дали заказ, я выполняю... – И так улыбалась сорокапятилетнему кондитеру, что тот готов был все ей простить.

– Ишь, навывдумывали, цветочницы... Но красиво, забодай тебя баран!

Кристина настояла, чтобы мы с Настей и с Вадимом были гостями на свадьбе. Приготовив все, помчались по домам приводить себя в порядок. И в ресторан приехали часа за полтора до банкета, чтобы еще раз все проверить. Все оказалось в порядке, и мы в некотором ошалении сели перевести дух.

– Польша, я просто преклоняюсь... Как ты все это придумала... Тут и роскошь, и вроде все скромно... Обалдеть!

Я только устало улыбалась.

– Боже ты мой, как красиво! – раздался густой баритон.

Это явился дядя невесты.

– Здравствуйте, Юлиан Григорьевич!

– Здравствуйте, девушки! Полина, позвольте ручку поцеловать и представьте меня вашей прелестной подружке. Как я понимаю, вы Настя, которая делала свадебный торт?

– Настя, это Юлиан Григорьевич, дядя Кристины.

– Очень приятно, – как-то робко произнесла Настя.

– Мне тоже чрезвычайно приятно! А я могу взглянуть на торт?

– Конечно, пойдёмте!

– С ума сойти, какая красота! И как оригинально! А эти цветочки, как их...

– Анютины глазки, – напомнила я.
– Ну, да, анютины глазки... Прелесть, а их тоже можно есть?
– Конечно! Хотите попробовать? – вдруг предложила Настя.
– Разумеется, хочу! Но нельзя же нарушать такую красоту, неудобно...
– Да что вы, – засмеялась Настя, – такого кощунства я вам и не предлагаю, я сейчас! – И через минуту она подала на блюдечке три запасных цветочка.

– Грандиозно! – воскликнул Юлиан Григорьевич. – Ничего подобного не пробовал, хотя люблю сладкое и побывал во всех лучших кондитерских Европы! Настя, вы чудесница. Позвольте ручку! А если я съем все три цветочка?

– Ешьте! – радостно разрешила Настя. – А хотите чашку кофе?
– Конечно, хочу! До ужина еще далеко, пока гости съедутся, пока еще за стол сядем... И вот что, девушки, как я понимаю, глава фирмы у вас Полина?

– Правильно понимаете! – подтвердила Настя.
– Полина, я чрезвычайно, подчеркиваю, чрезвычайно доволен вашей работой. Как вы предпочитаете получить гонорар, кэшем или переводом?

– Кэшем, если не сложно.
– А давайте-ка так, вижу вы еще неопытные предприниматели. Давайте часть кэшем, а часть я вам перечислю по безналу, с этой части и налоги заплатите, а? Пойдет?

– Да, спасибо.
– Тогда вот вам... – Он достал из кармана шикарного пиджака довольно пухлый конверт. – А уж как вы поделите деньги, меня не волнует.

– А торт идет бесплатно! – сказала Настя.
– Девушки, это уже не мои проблемы. Завтра же вам переведут вторую часть. Все! С этим торжеством покончено. Но я хочу, чтобы вы помогли мне устроить на Новый год новоселье в моем загородном доме. Какие-нибудь невиданные елки, цветы и сладости! Сделаете?

– Сделаем! – хором ответили мы. Хотя я знала, что перед Новым годом у нас уже есть заказы. Но не столь масштабные. Ничего, будем работать день и ночь, справимся.

Тут приехали родители жениха и невесты, озабоченные тем, чтобы все было готово. Они ахнули, пришли в восторг и т.д. и т.п.

– Поль, – отвела меня в сторону Настя. – Поль, скажи, мне не показалось...

– Что он положил на тебя глаз?
– Ну, да...

- Однозначно, как говорит Владимир Вольфович.
- Как ты считаешь, это нам не испортит малину?
- Да откуда же я знаю? Я его вообще вижу второй раз.
- А у него есть семья?
- Да понятия не имею. К нам на свадьбу он приходил один. Могу спросить у Вадьки. А что? Ты за него замуж собралась?
- А почему бы и нет? Я устала...
- Отчего ты устала?
- От вечной нехватки денег... От одиночества... А он не такой уж старый, довольно даже красивый... А главное, я хочу, чтобы меня любили...
- Насть, охолони! Два раза мужик на тебя благосклонно глянул, а ты уж придумала себе невесть какую сладкую жизнь. Бред! Бред, подружка!
- Понимаю, что бред... Но ты все-таки расспроси Вадика, ладно?
- Да сама его расспросишь, он скоро появится.
- Нет, мне неудобно.

Свадьба получилась хорошая, наши труды были оценены очень высоко, и прямо на свадьбе мы получили заказ еще на одну свадьбу в конце января. Выходила замуж подружка Кристины, милая девушка Вика с глазами цвета васильков. Вадим сиял.

– Поляш, ты супер! Такую красоту навела, обалдеть! Я даже не ожидал... И Юлиан в восторге. Кстати, он, по-моему, на Настюху глаз положил, тебе не кажется?

- Вроде да. Слушай, а он женат?
- Да, но жена давно живет за границей. Сын у него есть от первого брака, тоже вроде за границей...
- А сколько ему лет?
- До хрена!
- И все же?
- Летом шестьдесят стукнет.
- Правда, до хрена...
- Слушай, Поляш, ты скажи Настюхе, чтоб иллюзий не строила... Не тот случай.
- Да какие там иллюзии! Подумаешь, какой-то старпер на нее глаз положил, да у нее таких поклонников тринадцать на дюжину! – кипятилась я.

- Ладно, не злись, но предупредить я должен.
- Вадь, между прочим, он заказал нам оформление своего нового дома к Новому году.

- Да ты что! Круто! Справитесь?
- Обязаны!
- Ты у меня чудо! Просто супер! Как бы тебя твои коллеги не сжевали...
- Ну, если оглядываться на завистников, то и начинать ничего не стоит!

Мы с Настей вкалывали с утра до ночи, домой я попадала поздно, Вадим явно был недоволен, но помалкивал. Я, конечно, запустила домашние дела, на что мне не преминула указать Зоя Игоревна, заглянув к нам, как всегда, неожиданно.

– Послушай, Полина, работа, конечно, дело хорошее, но семья-то важнее. Раньше ты как-то справлялась...

– А сейчас не успеваю, очень много заказов, – почему-то вдруг стала оправдываться я. – До Нового года просто зарез! Но зато я хорошо заработаю.

– Тебе чего-то не хватает?

– Многого, Зоя Игоревна. И я предпочитаю сама на это многое заработать, а не ждать от вашего сына. У вас есть по этому поводу возражения?

– Что ты лезешь в бутылку? Я просто хочу тебе помочь. Найми домработницу. Ты теперь, наверное, можешь себе это позволить.

– Господи, конечно, могу. Просто в голову не пришло. Да, это хорошая мысль.

– Поля, а о ребенке вы не думаете? Пора бы уж.

– Пока не получается.

– Но ты... извини меня, ты предохраняешься?

Надо же, куда лезет!

– Нет! Но не получается!

– А ты к врачу обращалась?

– Зоя Игоревна, мы поженились в начале августа, сейчас конец ноября, и я пока не вижу оснований в истерике носиться по врачам.

– Полина, что за тон!

– Извините, но это все-таки мое личное дело.

– Ошибаешься, дорогая моя! Мы с Виктором жаждем внуков, да и вам пора, не такие уж вы с Вадиком молоденькие!

– Ничего, у нас еще есть время.

В результате я примчалась в офис взвинченная. Настя сразу это

заметила.

– Ты чего такая?

– Классика жанра! Свекровь допекла.

– Ясно. Слушай, звонила Тимашова, требовала тебя. У нее возникла новая идея.

– Охренть можно! Времени все меньше, а дурацких идей все больше. Что на сей раз, она не сказала?

– Сказала. Теперь она хочет, чтобы основным цветом был оранжевый.

– Ничего, пока я цветы не заказывала, мне параллельно! А вот когда закажу...

– А ты пугни ее.

– Чем?

– Неустойкой! Включи в договор пункт о том, что если на такой-то стадии идея у заказчика меняется, то неустойку он оплачивает в... допустим, тройном размере.

– Господи, Настька, ты же гений! Я сейчас же ей позвоню! Алло, Эльвира Тимофеевна?

– О нет, Полиночка, просто Эльвира! Я настаиваю!

– Как угодно!

– Полиночка, золото мое, я тут подумала, что зимой хочется солнца... Давайте все сделаем в оранжевых тонах.

– Не проблема! Но должна предупредить – мы же завтра собирались подписать договор...

– И что же нам мешает?

– Просто вы все время меняете ваши требования.

– Не требования, золото мое, а пожелания.

– Боюсь, что это последний вариант. Вы в нем твердо уверены?

– А в чем дело?

– В том, что я сегодня должна заказать материал.

– Какой материал?

– Как какой? Цветы. Если вы хотите оранжевый цвет, это одно, а если завтра вам придет в голову что-то другое, то будет поздно. В случае если концепция меняется по вашей инициативе, то заказанный материал может пропасть, и это обойдется вам в кругленькую сумму. В таких случаях заказчик платит неустойку в тройном размере.

– Вы мне этого не говорили.

– Да, я виновата, но я же не предполагала, что вы так быстро меняете свои предпочтения. Если я не ошибаюсь, это уже четвертый вариант. Сперва был фиолетовый, потом желтый...

– Да, золото мое, вы правы! Но я же не знала... А что, за оранжевый тоже придется платить в тройном размере?

– Если мы на нем остановимся, то нет.

– Вот и чудненько! Остановимся на оранжевом. А какие цветы вы предполагаете заказать?

– О, разные.

– Ну, например?

– Думаю, очень уместны будут стрелиции, розы, тюльпаны, герберы...

– Оранжевые розы я видела. А тюльпаны тоже есть?

– Есть.

– А что такое стрелиции?

– Я привезу вам фотографии.

– Вот и отлично. Так я вас завтра жду?

– Да, разумеется.

– И у вас уже будут эскизы?

– Ну, только первые наброски.

– Но вы успеете к сроку?

– Не волнуйтесь!

– Ну, как же не волноваться! Все-таки юбилей любимого мужа... Пятьдесят лет, не кот начихал!

– Поль, ты чего такая злая? Достала она тебя?

– Еще как! И дело даже не в словах. Тон у нее непереносимый... И я просто уверена – она наверняка останется недовольна и вторую часть гонорара не заплатит, хоть наизнанку вывернись.

– Так, может, послать ее подальше, а?

– Да нет, она гнусная баба и может здорово нам подгадить... Ладно, риск благородное дело.

– Но в договоре же...

– Насть, у ее мужа юридическая фирма. Если она спустит на нас свору ушлых юристов...

– Поль, что-то я не понимаю, ты ж вроде у нас оптимистка, откуда вдруг такой пессимизм?

– Да, ты права... Это от Зои Игоревны оскомина.

– А, действительно, классика жанра!

К концу дня вдруг позвонил Вадим.

– Поляш, как дела?

– Идут! А что?

– Когда освободишься?

- А что?
- Да ничего особенного. Просто решил пригласить жену поужинать в ресторане.
- Оголодал, бедолага? – засмеялась я.
- Ну, не то чтобы очень... Но просто подумал, мы с тобой вдвоем после Португалии еще ни разу нигде не ужинали. Как тебе такая идея?
- Хорошая идея, плодотворная, тем более что я голодная, как... С утра ничего не ела.
- Вот и хорошо, поешь с аппетитом. Где встречаемся и во сколько? Выбор ресторана за тобой.

Я ела так, что за ушами трещало. Вадим смеялся.

- Ну, ни фиги себе, как ты наворачиваешь. Совсем оголодала.
- Столько работы, вздохнуть некогда, но зато смогу без проблем после...

Я не успела договорить, что смогу без проблем купить себе новую машину, как у него зазвонил телефон. Разговор был явно деловой, и он вышел из-за стола. А я на сытый желудок вдруг подумала: кажется, я счастлива... И Вадим меня, кажется, любит, и я, похоже, его люблю, и работы у меня невпроворот... Хорошо, черт побери! До сего момента я смотрела только в тарелку и на мужа, а тут подняла глаза и стала осматриваться. Надо же, до чего я была голодна, не заметила даже чудовищно безвкусных цветочных композиций в углах зала. Гадость какая... И вдруг я почувствовала на себе взгляд. За столиком напротив сидели мужчина и две женщины. Одна пожилая, а другая совсем молоденькая, лет двадцати. И мужчина явно смотрел на меня. Вот наглец, сидит с юной девушкой и пялится на меня. Может, какой-то старый знакомый? Нет, я точно его не знаю. Значит, я просто ему приглянулась. А что, это всегда приятно, он же просто смотрит, значит, любит. Охота ему, пусть.

Вернулся Вадим.

- Что-то важное? – спросила я.
- Более или менее. Но мне во вторник придется лететь в Хабаровск.
- Ничего себе! Надолго?
- На неделю, не меньше. Так что живи спокойно. Я тебе забью холодильник, с голоду не помрешь.
- Вадька, я люблю тебя, знаешь?
- Надеюсь. Хотя ты явно пользуешься успехом. Я когда возвращался, спугнул какого-то парня, который глаз с тебя не сводил, стоя в дверях.

- Да ты что? А я не заметила.
- А вон тот чел с двумя бабами... Знаешь, тебе здорово идет такая авральная работа. Ты, видно, трудоголик...
- А ты не ревнуешь?
- К кому? К праздным наблюдателям? Зачем? Ты же моя, и мне приятно, пусть завидуют.

Кажется, это она, думал Макар в смятении. Надо же... Судьба второй раз посылает мне ее. А я даже не знаю ее имени. Надо бы узнать... Хотя зачем? Она замужем, и муж у нее такой какой-то чересчур респектабельный, в дорогом костюме, с галстуком. Женщины таких любят... И вообще... Зачем я ей? А она мне разве нужна? Но ведь она спасла мне жизнь! Это не шутки. Она мне подходит... И нравится очень... Эти каштановые волосы, эта смугловатая кожа. Какого цвета у нее глаза? Не помню! Но тогда она была в старенькой футболке, в резиновых сапогах... Они с мужем красивая пара. Гармоничная, как принято выражаться. А со мной разве возможна гармония? Дурной ты парень, Макар... Ни к чему не прикрепленный... Всю жизнь хотел свободы, жрешь ее полными ложками, эту свободу, чуть на тот свет не загремел, а судьба послала в тот лес храбрую девушку со свистулькой... Смешно, ей-богу...

Он подошел к своей выдавшей виды машине. Сел за руль, включил зажигание. Нет. Не могу! Я должен узнать, где она живет. Это ведь неспроста – в гигантской Москве, где народу неисчислимы миллионы, куда приехал на два дня из родного Питера, встретить девушку, которой обязан жизнью! Это судьба, фатум! Но ты ей ни на фиг не сдался, Макар, напомнил он себе. Она замужем и, похоже, счастлива. А я что, обречен всю жизнь где-то скитаться? Что я, Агасфер, что ли? Все, Макар, кончай дурью маяться, вали домой, в Питер, сказал он себе в который уж раз. Но вместо этого выключил зажигание. Я дождусь ее. А вдруг это не муж, а любовник? Женатый любовник? А она одинокая, любит его, надеется на что-то... Может, они проведут эту ночь вместе, а утром она опять останется одна... Она уже не юная девочка, она только теряет с ним драгоценное время... А я... А что я? Что я – то могу ей предложить? Свободу свою любимую? Запущенную квартиру в Питере? Я и сам не могу там жить, мне не хватает солнца, хотя люблю Питер до беспамьятства... Вот, Макар, ты весь состоишь из противоречий, девушки таких не любят. Хотя пожаловаться на нехватку девушек ты вряд ли можешь... Но это что-то другое Она спасла тебе жизнь... Не побоялась... И я видел, девчонки ждали меня у той водокачки... С ума сойти, все как в дурном кино...

В этот момент из дверей ресторана вышел ее то ли муж, то ли любовник, подошел к припаркованной прямо перед машиной Макара «Субару» и стал прогревать мотор. А вот и она! О, какие у нее красивые ноги! Она подошла к машине, гипотетический муж предупредительно открыл ей дверцу изнутри, она села, как-то уверенно, по-хозяйски. Скорее всего, это муж, черт бы его взял.

Макар поехал за ними. Они подкатили к кирпичной башне в каком-то незнакомом ему переулке. Она вышла из машины и направилась к единственному подъезду, а муж, видимо, собрался отогнать машину на стоянку. Или он уезжает? Привез ее домой и поедет к жене? Нет, он открыл багажник и достает оттуда какие-то пакеты.

– Поль! Поля! – крикнул он. – Подожди, тебе нужна эта коробка?

– Да, очень нужна! – Она вернулась к машине. – Вадюш, я забыла свою папку с заказами.

– Где?

– На заднем сиденье. – Она достала папку, зажала ее под мышкой. – Дай мне хоть один пакет.

– Сам донесу, не развалюсь. А что у тебя в этой коробке?

– Да фурнитура разная. Все, я сейчас здесь засну. Так устала...

– Иду-иду!

И они скрылись в подъезде. Значит, все-таки муж. Ну, муж так муж, придется накормить его грушами до отвращения.

Макар вдруг ощутил прилив такой бешеной неукротимой энергии, которая всю жизнь толкала его на всяческие безрассудства. Я ее добьюсь! Не может быть, чтобы она не вспоминала обо мне! А вдруг я тоже запал ей в душу? Вряд ли ей часто доводилось спасать еще молодого мужика, которому грозит контрольный выстрел в голову! Нет, не может такого быть, конечно, она вспоминает обо мне и даже наверняка терзается мыслью, а жив ли я? Я жив, Полина, девочка моя! Полина, Полина! Красивое имя!

– Явился, бродячий пес! – приветствовал его старый друг Сашка Калашников, по прозвищу, естественно, «Калаш».

– Да, все никак не запылюсь!

– Ну, положим, пыль твоих скитаний уже въелась в тебя, не смоешь! Ну, где шатался?

– Сашка, со мной такое случилось...

– Было бы странно, если б с тобой ничего не случилось. Ты ел?

– Ел.

– Так что опять стряслось?

- Знаешь, кого я встретил?
- Даже и гадать не буду, колись.
- Помнишь, я тебе рассказывал о двух девчонках, которые...
- Которые тебя спасли в лесу?
- Люблю тебя за сообразительность, друг! Именно!
- Ты их встретил?
- Одну, ту, которая и спасла.
- Она тебя узнала?
- Она меня даже не видела...

И он рассказал другу о сегодняшней встрече.

– Да, а вообще-то ты прав... Это не просто так... Я, Макарка, фаталист. Скажи, а тебе не надоело всю жизнь вот так жить... Нормальная баба тебя ведь не выдержит.

– Беда в том, что и я нормальную бабу не выдержу. Но мне сдается, она другая...

- Ненормальная, что ли?
- Нет. Понимаешь, она такая... боевая подруга. Сечешь?
- Относительно. С чего ты взял?
- Нутром чую. Я снял ее на телефон. Показать?
- Покажи.

Макар достал телефон.

- Вот она!
- Блин! Да это ж Польша Зацепина!
- Ты ее знаешь? – мгновенно охрип Макар.
- Знаю. Она внучка Андрея Антоныча, моего препода по Строгановке.
- Ты уверен? – заволновался Макар.
- Железно.
- У тебя с ней что-то было?

– Успокойся, никогда! Я и видел-то ее всего несколько раз. А вообще-то ты, возможно, прав... В свое время она влюбилась как ненормальная в одного художника и умчалась с ним в Париж, все тут бросив на фиг. Дед бушевал! А потом вернулась. Я недавно видел старика на вернисаже, он сказал, что она вышла замуж. Но большого энтузиазма в его голосе я не слышал.

- Санек, познакомь меня с этим дедушкой.
- А на хрена?
- Надо! Просто жизненно необходимо!

– Знаешь что, Макар, иди-ка ты... Не буду я тебя ни с кем знакомить. Я, знаешь, в сводники не гожусь.

– Тогда я сам к нему пойду! А ты только адрес дай. Ты ж понимаешь, я и сам узнать могу, но зачем время терять.

– Макар, я, конечно, понимаю, история в высшей степени романтическая, но...

– Никаких но! Это моя судьба!

– Слушай...

– Я ничего не хочу слушать.

– А пошел ты!

– И пошел. Спать!

– Кто там?

– Мне нужен Андрей Антонович.

– А вы кто?

– Я по поводу вашей внучки.

Дверь распахнулась. На пороге мастерской стоял молодой человек. Чуть выше среднего роста, сухощавый, с копной довольно светлых, похоже, выгоревших волос и с пронзительно синими глазами.

– Здравствуйте, – произнес он. – Можно войти?

– Входите, юноша. А какое отношение вы имеете к моей внучке? – глаза старика горели любопытством.

– Я обязан ей жизнью, не больше и не меньше.

– Даже так? И это не фигура речи?

– Нет. Это истинная правда. Моя жизнь висела на волоске, а Полина...

– Пойдите, юноша. Вы зайдете. Хотите, может быть, выпить?

– Очень хочу, но я за рулем и вообще... Такой разговор надо вести в здравом уме и твердой памяти.

– Ого! Тогда, может быть, кофе?

– С удовольствием!

– Пошли на кухню. Я заинтригован. А моя внучка в курсе, что спасла вам жизнь?

– Да.

– И что? Она вас шуганула? А вы пришли ко мне за протекцией, так сказать?

– Боже упаси! Ваша внучка вчера была с мужем в ресторане, где по прихоти судьбы оказался и я. Я сразу ее узнал, хотя она выглядела совершенно иначе, чем в тот день. А она меня вообще не видела. Но я понял, это судьба...

– Вы в нее влюбились, что ли?

– Похоже на то.

– А каким образом она вас спасла? И что такое вам угрожало?

– В двух словах не скажешь.

– А я никуда не спешу. В моем возрасте, знаете ли, спешить вообще вредно. И с удовольствием выслушаю эту весьма занимательную историю. Только с самого начала, уж будьте так любезны. Стариковское любопытство, никуда не денешься. Да, кстати, как вас зовут, юноша?

– Да, я не представился... Макар.

– А отчество? Мы все-таки в России живем. И фамилию тоже назовите.

– Макар Иванович Плетнев.

– Макар? Довольно редкое по нашим временам имя. Итак, Макар Иванович?

– Дело было так...

– Одну минутку, вы курите?

– Нет.

– Превосходно, но вы не против, если я закурю?

– Нет, что вы! Курите, Сколько хотите.

– Вот и славно. А вы не голодны?

– Нет. Благодарю вас.

– Тогда начинайте. Но с самого начала, кто родители, где родился...

Макар удивленно глянул на старика.

Тот понимающе усмехнулся.

– Ну, вы же пришли из-за Польки, у вас явно на нее какие-то виды. И я должен все о вас знать. Только учтите, вранье я чую сразу. А теперь валяйте!

Макар улыбнулся. Старик ему страшно понравился. Более того, он ощутил с ним какое-то духовное родство.

– Хорошо. Я родился в Ленинграде, недалеко от Карповки, тридцать пять лет назад. Мой отец был хирургом, мать преподавателем химии в Техноложке, словом, обычная советская семья. А я рос хулиганом, тогда это так называлось, а по сути, просто глупым бунтарем. Бунтовал против школы с ее правилами, против семьи с ее правилами, короче, против всех возможных правил детской жизни. Но учился я неплохо, были кое-какие способности, все хватал на лету, поэтому мое бунтарство как-то сходило мне с рук. А там уж подросла перестройка и многие правила сами по себе отпали. Я торговал сигаретами, маргарином, мыл машины, подрабатывал, как мог, помогал семье, и мне было здорово весело! И компашка у нас подобралась, будь здоров, кстати, ваш ученик Сашка Калашников, хоть и старше меня на два года, стал моим закадычным другом.

– О, теперь я понял, как вы на меня вышли! – засмеялся Андрей Антонович. – Продолжайте, юноша.

– Вот так мы и жили. Потом я окончил школу, никуда не поступил, и меня забрили в солдаты. Вот там приходилось выживать. Годы были совсем голодные... Вспоминать об этом не хочу, но одно я там понял – для меня нет ничего дороже свободы. Хотел сбежать, но, поразмыслив, пришел к выводу, что быть дезертиром не по мне. И отрубил по полной до дембеля. А дембельнувшись, решил, что не останусь в стране, где армия изничтожает своих солдат. И уехал, благо было уже можно. Сперва в Голландию, у меня там были знакомые, но вскоре почувствовал – мне там тесно, там тоже все по правилам... И я нанялся матросом на судно... О, море – это моя стихия! Как ни странно, живя в Ленинграде, я этого не понимал... Я был очень сильный, совсем еще молодой, и мне казалось, весь мир у моих ног.

– Ну, и девушки?

– А куда же без них? – улыбнулся Макар. – Но, как известно, «первым делом самолеты». В какие только переделки я не попадал! Однажды на Филиппинах, как раз из-за девушки, я отстал от судна, без вещей, без денег... И стал петь на улицах русские песни. Так и кормился, пока не удалось наняться коком на проходящую яхту. На ней путешествовали довольно состоятельные люди, в том числе и двое русских, муж и жена...

– И у вас с этой женой закрутился роман?

– Если бы! Беда в том, что на меня положил глаз ее муж и стал недвусмысленно ко мне клеиться. Я, конечно, на многое способен, но не на это... И однажды, когда он ко мне просто полез, дал ему в морду. Что тут началось! Капитан был мужик умный, он ссадил меня в ближайшем порту и дал хорошую рекомендацию. И меня взяли на судно, шедшее в Индонезию, а потом в Австралию. В Австралии я задержался... Но через годик взвыл, не мое... Я не трус, отнюдь, но при виде крокодилов в океане так струхнул...

– Крокодилы в океане? – поразился Андрей Антонович.

– Да, есть, как выяснилось, и соленоводные крокодилы. Плывет тебе навстречу такой красавец метров в пять длиной... Брр! Да и вообще, я понял, что надо возвращаться... Если не в родную страну, то хотя бы в родное полушарие. И вообще братья за ум. Я вернулся в Голландию и стал учиться на врача... Но и это оказалось не мое. Тогда я нанялся на рыболовецкое судно и однажды, пользуясь тем минимумом знаний, которые приобрел в медицинском институте, под давлением обстоятельств, как говорится, непреодолимой силы вырезал аппендикс у одного нашего матроса.

– О господи! – воскликнул Андрей Антонович.

– Да, представьте себе! И он не только не умер от грозившего ему перитонита в случае задержки с операцией, а наоборот, довольно быстро поправился. И тут я осознал, что медицина – это все-таки мое. Выучился и стал судовым врачом. И вот тут я, как говорится, нашел себя. Практики в море большой не было, но я старался не отстать от последних веяний. А однажды в круизе заболела маленькая девочка – жар, кашель, начала задыхаться, синеть, а я понял, что с ней, и, короче, вылечил ее. И отец девочки, насмерть перепуганный, на радостях подарил мне домик. Крохотный домик на берегу океана в Бретани. Две комнатки, но я был счастлив! Так что у меня есть даже небольшая недвижимость во Франции.

– А что же вы делаете в Москве? И что, собственно, случилось с вами такого, что моей внучке пришлось вас спасать?

– Но вы же сами хотели подробного рассказа...

– Да, прошу прощения, продолжайте. А кстати, вы женаты?

– Нет, и никогда не был.

– Продолжайте, юноша.

– Я вдруг элементарно затосковал по России. Захотелось говорить по-русски. И я вернулся, тем более что мама давно меня звала. Отец умер уже пять лет назад. И я поехал. Мама тоже была больна. Ее убивал питерский климат. И я отвез ее в Бретань, так что теперь там живет мама. А я устроил себе долгие русские каникулы. И вот как-то приехал в Москву, остановился у Калаша...

– Кстати, Сашка очень талантливый парень.

– Я знаю. Ну, так вот, меня пригласили в гости на дачу к одному...

В этот момент зазвонил домашний телефон.

– Ох, кому это неймется, – проворчал Андрей Антонович раздраженно. Он был весьма заинтригован рассказом Макара. – Алло! Польша, ты? – заулыбался он и подмигнул Макару.

Макар вдруг смутился.

– Что, детка? Соскучилась по деду? Хочешь зайти? Давай, жду тебя. – Он положил трубку. – Вот, как говорится, на ловца и зверь бежит. Что это вы, как будто смущены?

– Ну, да... я не знаю... Я не готов, наверное...

– Молодой человек, не разочаровывайте меня. Неужто вся ваша одиссея была враньем и вы вовсе не храбрый мореход, а...

– Да нет, это лишь минутная растерянность... Не более того.

– А знаете что, давайте проведем эксперимент.

– Какой эксперимент?

– Посмотрим, узнает ли вас Полина? Если узнает, значит, это судьба, значит, она помнит о вас... А если нет, уж не взыщите, мы и говорить ей ничего не станем. Пусть живет спокойно со своим мужем. А?

– Нет, Андрей Антонович, я так не хочу! Я просто обязан поблагодарить вашу внучку...

– Ишь ты, гордый, значит, ишь как губу-то закусил! Ну, давай, рассказывай дальше!

– Да не стоит уже...

Макар был в смятении. Встреча с Полиной в присутствии ее деда не очень ему улыбалась. А может, лучше просто уйти? Нет, старик поднимет его на смех.

И тут позвонили в дверь. Макар напрягся. А старик усмехнулся, погрозил ему пальцем и пошел открывать.

– О, Польшка! Что-то вид у тебя замученный!

– Столько работы, дед! Ни на что нет времени, кручусь как заведенная, а ты цветешь! Дед, мне тут подарили какой-то шикарный китайский чай, я тебе привезла.

– Ну, да, ты со своим муженьком пьешь чай из пакетиков! Презираю! Ну, пошли, у меня тут гость...

У Андрея Антоновича часто бывали гости. Полина ничуть не удивилась, увидав в мастерской незнакомого мужчину. Он стоял к ней спиной и внимательно рассматривал какое-то полотно. Андрей Антонович рассмеялся про себя. Отважный мореплаватель явно струхнул.

– Полюшка, вот позволь тебе представить. Это отважный мореход, Макар Иванович Плетнев! А это моя внучка, Полина Зацепина.

– Здравствуйте, очень приятно, – равнодушно проговорила Полина.

– Добрый день, сердечно рад, – тихо произнес Макар. – Вы не узнаете меня?

Вероятно, он повел бы себя как-то иначе, если б не присутствие старика.

– А мы разве встречались? Ох... Это вы? Вы живы? Слава Богу! – задохнулась Полина.

– Исключительно благодаря вам.

– Но как... Как вы сюда попали? Вы знакомы с дедом? – она вконец растерялась.

– Нет, Поля, Макар Иванович друг Саньки Калашникова. И вот явился ко мне, чтобы найти тебя, а ты сама вдруг нарисовалась. Чрезвычайно романтическая история... Обожаю романтические истории! Ладно, молодые люди, вы тут поговорите пока, а я пойду поколдую над твоим чаем.

– Но как вам удалось тогда выбраться? А мы вас долго ждали у водокачки.

– Знаю. Я вас видел. Но не хотел втягивать двух девушек в эту историю, мало ли чем все могло закончиться.

– Я так и поняла. И почему-то была уверена, что вам удалось выбраться.

– То есть, вы думали обо мне?

– А разве могло быть иначе? Не каждый день попадаешь в криминальные разборки. А почему вас хотели убить?

– Я увидел, как трое мужиков загнали в яму четвертого и засыпали землей. Живого. Я врач и знаю, что если он сразу не умрет от инфаркта, то у меня есть еще небольшой запас времени, чтобы попытаться его спасти. И я попытался. Земля была сухая, рыхлая и я довольно быстро его откопал. Но он умер... Хотел все-таки сделать ему массаж сердца, но один из этих подонков вернулся. Тут уж или пан, или пропал. И я бросился наутек, а он за мной... Но он задержался на мгновение, чтобы все-таки пристрелить жертву, и у меня оказалась крохотная фора... Ну, а дальше вы сами знаете...

– Да... Недаром мне тогда показалось, что все было, как в дурном кино.

– Да нет, в кино я бы успел спасти того мужика.

– Но как вы меня нашли?

– Судьба, Полина. Судьба! Я увидел вас в ресторане с вашим мужем. И сфотографировал на телефон. Показал другу, он узнал вас, ну и вот...

– А вы не боитесь, что они вас все-таки найдут?

– Сперва боялся, недели две. Но я сразу же свалил во Францию, у меня там мама... А потом вернулся в Питер. Да вряд ли они меня запомнили... И вообще. Они довели дело до конца и уже знают, что никто на них не заявлял. Знаете, в другой стране я наверняка пошел бы в полицию, но тут...

– Да, это правильно, кто гарантирует, что полиция не крышует этих бандитов?

– Господи помилуй, такие слова в устах прелестной девушки...

– О, я еще и не такие слова знаю!

– Да, судя по вашей храбрости и решительности, вы отлично знаете русский язык.

И она рассмеялась.

Господи, сколько раз я представляла себе эту встречу, но не так же! Все что угодно могла вообразить, только не чаепитие у деда. А деду он нравится, я вижу. И разговор идет какой-то такой светский, что ли... Я разочарована? Пожалуй. Но вот интересно, если бы я не завалилась к деду,

как он действовал бы? И чего бы мне хотелось? Точно, что не чаепития! А может, и к лучшему? Романтический герой поблек. Ну, и прекрасно. Буду жить спокойно. Он живехонек-здоровехонек, я, безусловно, спасла ему жизнь, сознавать это приятно и только. Надо спешить. Пусть еще поболтает с дедом, а мне пора.

– Дед, я пойду! У меня еще прорва дел, а эти пробки сбивают любой график.

– Полина, я...

– Полька, ты как себя ведешь? Молодой человек тебя искал...

– Но ведь нашел же! И выполнил свой долг, принес сердечную благодарность, я не без удовольствия ее приняла. Так что...

– Дай-ка молодому человеку свою визитку, чтобы ему не приходилось выслушивать всякие стариковские бредни, когда взбретет в голову поговорить с тобой. А может, он еще пригласит тебя украсить цветами его свадьбу...

– Какую свадьбу? – испуганно вскричал Макар.

– Вы же не в курсе, вероятно, что моя внучка архизнаменитый московский флорист.

– Да? Я не знал, но это прекрасно. Правда, в ближайшем обозримом будущем ваши профессиональные услуги мне вряд ли понадобятся, но, может, кому-то из друзей... Полина, в самом деле, дайте визитку.

– Хорошо, вот, держите.

Я прекрасно понимала, что дед все равно дал бы ему мои координаты. Ну, не жалуется он Вадима.

Макар подал мне жакет.

– Полина, а мы не могли бы встретиться?

– Зачем?

– Пообщаться. Я все равно чувствую себя в неоплатном долгу...

– И что?

– Черт, вы меня сбиваете с толку!

– Вас так легко сбить с толку?

– Практически нереально, но вам удастся. Так вот, давайте завтра поужинаем где-нибудь.

– Исключено.

– Тогда пообедаем?

– Боюсь, тоже не получится. Перед Новым годом столько заказов, не разгрести.

– Но до Нового года еще больше месяца!

– А я не люблю и не умею все делать в последний момент.

- О, какая вы...
- Да, Макар, я вполне скучная особа, которая ненавидит опоздания, необязательность, расхристанность...
- О!
- Всего доброго, Макар! Была искренне рада увидеть вас целым и невредимым. Кстати, как ваша рана?
- Да ерунда. Как говорится, пуля не задела никаких жизненно важных органов. Но позвонить вам можно будет?
- Звоните! – пожала плечами я. И ушла.

Андрей Антонович рассмеялся. Макар удивленно взглянул на него.

- Ах, стерва девка! Актриса! Как сыграла!
- Думаете, она играла?
- Я что, свою внучку не знаю? Думаю, она от смущения... А впрочем, у нее это красиво получилось. Молодчина! А скажите, Макар, или нет, не говорите, а просто молча кивните. Я задам один деликатный вопрос.
- Слушаю вас!
- Макар, а вы, часом, не связаны как-то со спецслужбами?
- Помилуйте, с чего вы взяли? – воскликнул Макар.
- Да как-то факты вашей биографии навели меня на эту мысль.
- Синдром советского человека? – улыбнулся Макар. – Все, что не укладывается в привычные рамки, вызывает подозрение в причастности к органам?
- Да, вероятно, вы правы... Знаете, я в глубоко советские годы встречал как-то Новый год в одной теплой компании, где все друг друга знали, доверяли друг другу. И вдруг кто-то сказал, что по каким-то подсчетам каждый четвертый в Союзе стукач. Сказано было между прочим, но в компании воцарилась тишина. Люди стали подсчитывать, кто тут этот «каждый четвертый». И вдруг хозяин дома, ученый с мировым именем, улыбается и говорит: «Друзья мои, говорят, что каждый пятый человек в мире китаец. Но среди нас ведь китайцев нет!»
- Супер! – воскликнул Макар.
- Да, я тоже был в восторге. А впрочем, я старый дуралей, даже если бы вы работали на спецслужбы, вы бы мне этого и под пыткой не сказали.
- Также верно, – расхохотался Макар. Старик ему страшно нравился. А в его внучку он уже был влюблен по уши. Какая девка!

- Поль, ты чего такая? – спросила Настя.
- Какая?

– Взъерошенная.

– Настька, знаешь, кого я встретила?

– Кого?

– Синеглазого!

– Врешь!

– Честное слово! Он жив, Настька!

– Ох, вот здорово! Это все благодаря тебе! А где ты его встретила?

– Не поверишь! У деда!

И я все ей рассказала.

– Ну, ни фиги себе! Поль, а что теперь будет?

– Да ничего не будет.

– Он, небось, уже влюблен в тебя по уши?

– Возможно. Но мне это не нужно. И вообще... Он сказал, что он врач.

– И что?

– Да ничего, просто к сведению...

– И у тебя сердце не екнуло?

– В первый момент екнуло, конечно. Но понимаешь, я миллион раз представляла себе, что встречу его и как это будет. Но на кухне у деда, за чаем с курабье...

– Но ведь он явился к твоему деду из-за тебя.

– Да. Явился, но в дороге как-то здорово запылится.

– Дура ты, Полька!

– А ты больно умная, ждала, что этот старый хрен Юлиан на тебя клюнет...

– Я ждала ровно один вечер, под воздействием дорогого шампанского.

– Все равно дура. И я дура. Романтики хотела...

– Ну, так романтики у тебя были полные штаны. Спасла мужика в лесу от верной смерти. И вообще, ты сама виновата!

– В чем это?

– Зачем поперлась к деду? Если б не поперлась, может, этот... Слушай, а как его зовут?

– Макар.

– Так может этот Макар придумал бы что-то невероятное, супер-супер, но ты своим появлением подрезала ему крылья. Так что не ворчи! Он еще что-нибудь отчебучит, можешь не сомневаться!

– Настька, ты прости, беру дуру обратно. Кругом права.

– Слушай, а он интересный, когда не в лесу и не истекает кровью?

– Да. В нем есть изюминка. И даже довольно красивый... Мужик в нем очень чувствуется... Но я буду держаться от него подальше.

- Почему?
- Так я, на минуточку, замужем. И мужа люблю.
- Не слышу железной уверенности в голосе.
- Ладно, отвяжись.
- Да, Польша, свекровь твоя звонила.
- Тебе? – удивилась я.
- Не мне, а нам.
- За каким чертом?
- Хочет торт заказать.
- Зачем?
- На юбилей своего начальника.
- На здоровье. В чем проблема. Ты согласилась?
- Конечно.
- Большой торт?
- На пять кило. А тебе надо изготовить мужской букет.
- Не проблема. Вот только почему она позвонила не мне, а в офис?

Странно.

– Она, по-моему, звонила с работы и разговаривала как-то очень официально. Я сперва даже не поняла, с кем говорю.

– А, тогда понятно. Она не хочет, наверное, чтобы на работе знали, что она это заказывает у своих, так сказать. Это нормально. Знаешь, она оказалась лучше, чем я думала. Ни во что особенно не лезет. Первое время, правда, все норовила меня врасплах застать, а сейчас отстала. И, слава богу, а то у меня сейчас хозяйство далеко не в образцовом порядке. И даже посоветовала найти домработницу.

– А Вадька не жалуется?

– В общем и целом нет. Понимает, что я зашиваюсь, даже сам предложил сдавать рубашки в прачечную, а эти рубашки такая морока.

– Ну, надо же, кажется, и вправду хороший муж?

– Почти идеальный! – засмеялась я и позвонила Зое Игоревне, чтобы оформить заказ. Она обрадовалась, но по имени меня не называла и говорила на «вы». Я сбросила ей на почту наши банковские реквизиты и текст договора. Словом, все сделала сугубо официально. Через час она мне перезвонила на мобильный.

– Поля, спасибо, ты нас очень выручила. Сейчас сложно куда-то обратиться, все так загружены...

– О, у нас тоже все под завязку, но мы же свои люди.

– Знаешь, ты... Короче, я рада, что у Вадика такая жена!

– Спасибо, Зоя Игоревна, – растрогалась я. Назревала семейная

идиллия.

- Ты, вероятно, поняла, что я не хочу афишировать...
- Конечно, естественно. Никому это не нужно.
- Значит, ты не обиделась?
- Да боже упаси! И я надеюсь, что торт и букет понравятся вашему начальству.
- Я в этом просто уверена.

Попав вечером в пробку по дороге домой, я взяла с заднего сиденья свой рабочий блокнот и стала просматривать эскизы елок, которые собиралась сделать для дома Юлиана Григорьевича.

Настоящая живая елка будет только одна, и с ней я уже все придумала. Она должна быть непременно традиционной, но без пестрых игрушек, все только белое и серебряное. С настоящими свечками. Хозяин хочет, чтобы небольшие елки были везде, но разные. Иными словами, десять не похожих одна на другую елок. Одна будет из кружев, одна из шелка... А утром я увидела в окне одного дома роскошный аспарагус. Я сделаю елку из аспарагуса! Идея меня захватила, я принялась рисовать, но зазвонил телефон. Дед! Очень интересно!

- Алло, Польша! Ты где?
- В пробке, дед!
- Значит, можешь разговаривать! Ну, что скажешь?
- О чем?
- Не притворяйся!
- Дед, мне совершенно нечего тебе сказать, кроме того, что я рада.
- Чему ты рада?
- Тому, что он жив и здоров. Значит, не зря рисковала.
- Ну, вообще-то ты ненормальная, этот бандит мог с испугу в тебя пальнуть.

- Ну, не пальнул же! И более того, удрал.
- И что, он тебе совершенно безразличен?
- Дед, я не понимаю, чего ты хочешь?
- Я хочу, чтобы моя внучка была счастлива.
- Счастлива на твой лад? Я вполне счастлива, дед, поверь мне!
- И сердчишко не затрепыхалось?
- Дед, он что, так тебе глянулся?
- Честно сказать, да. В нем есть тайна.
- Да какая там тайна!
- По-моему, он шпион или разведчик, словом, что-то сугубо

романтическое...

– Дед, по-моему, у тебя уже маразм. Только шпиона мне в жизни не хватало!

– Как ты разговариваешь с дедом, мерзавка! Я о тебе забочусь!

Я рассердилась.

– Дед, извини, но я не хочу больше говорить на эту тему. Не нужен мне сто лет твой протезе, так ему и передай!

И я в сердцах отключила телефон. Пробка постепенно рассасывалась. Через десять минут меня начала мучить совесть. Зачем я нахамила деду? Он же мне добра желает, хоть и весьма оригинальным способом. Но решила, что позвоню ему завтра, когда мы оба остынем.

Домой я добралась в половине первого ночи. Вадим уже спал. Я пошлепала на кухню. На плите стояла сковородка. Это меня безмерно удивило. Я точно помню, что ничего не готовила. В сковородке лежали блинчики. Я понюхала. С мясом! Надо же! Неужто Зоя Игоревна заезжала? Разогреть блинчики на сковородке я не стала, а сунула их в микроволновку. Есть хотелось ужасно.

– Поляша? – раздался сонный голос мужа.

– Вадь, откуда блинчики?

– Вкусные, правда?

– Правда. Мама принесла?

– Зачем? Сам купил в кулинарии. Мне Федор Борисыч сказал, что у нас там хорошая кулинария, особенно блинчики. Я и купил. Мне понравились. Тебе ж некогда сейчас...

– Вадька, какой ты умница! Я тебя просто обожаю!

– Совсем зашилась, бедная моя! Рада блинчикам из кулинарии.

– Рада, а еще больше рада, что муж у меня такой заботливый.

– Ну, не преувеличивай. Знаешь, я тобой горжусь. Мне сегодня шеф сказал, что у тебя огромный потенциал, изысканный вкус и все такое... Мне так приятно было.

– И ты решил на радостях перебиться блинчиками из кулинарии?

– Фу, Полька...

И кто меня за язык дергал? Испортила такую душещипательную сцену! Что я за человек? Мерзавка, дед прав. Пришлось заглаживать свою вину ласками, хотя у меня уже не было сил, но... Положение обязывает!

Как только Вадим уехал на работу, я помчалась в супермаркет, накупила продуктов и быстро приготовила роскошный ужин и обед на два дня. Рассчитывать на длительный восторг по поводу блинчиков из

кулинарии было бы, по меньшей мере, наивно. А для меня важнее всего мир в семье. Пока я возилась у плиты, позвонила Настя с сообщением, что ей придется сегодня пойти в префектуру, там возникли какие-то сложности.

– Насть, умоляю, не объясняй, все равно не пойму. Скажи только, есть шанс все уладить?

– Без вопросов! Только это требует времени. Обойдешься с утра без меня?

– Конечно. Я буду в офисе не раньше, чем через часа полтора.

– Хорошо. А я, боюсь, могу и задержаться.

– Не страшно! Тебе ж сегодня торт не сдавать.

Потом позвонила какая-то девушка.

– Вы Полина?

– Да.

– С вами говорит секретарь Аделаиды Тумановой.

Кто такая Аделаида Туманова, интересно знать?

– Я вас слушаю.

– Дело в том, что госпожа Туманова хотела бы пригласить вас на встречу, чтобы обсудить один вопрос.

– Простите, не знаю, как вас зовут?

– Меня? Женя. Евгения.

– Скажите, Женя, кто такая госпожа Туманова?

– Как, вы не знаете Аделаиду Туманову?

– А должна?

– Ну... Неважно... Госпожа Туманова хотела бы, чтобы вы оформили презентацию ее книги.

А, понятно, какая-то писательница, сейчас их как собак нерезаных.

– Это возможно?

– В принципе, возможно все, но о каких сроках речь?

– Полина, я бы просила вас все-таки встретиться с госпожой Тумановой как можно скорее. Она вам сама все изложит, я всего лишь секретарь, и мне велено было просто договориться с вами о встрече.

– Ну что ж, если госпожа Туманова сможет приехать ко мне в офис сегодня до... ну, скажем до трех часов дня...

– К вам в офис? Я должна согласовать этот вопрос. Я вам перезвоню через несколько минут.

Что это за шишка такая? Надо посмотреть в Интернете, но сейчас некогда, все может подгореть... Через десять минут Женя перезвонила.

– Да, Полина, госпожа Туманова будет у вас в половине второго.

– Отлично. Буду ждать.

Мне было любопытно, что это за зверь такой – Аделаида Туманова. Я набрала Настин номер.

– Алло! Поль, что случилось?

– Ты сейчас очень занята?

– Нет, сию в очереди на прием.

– Ты знаешь, кто такая Аделаида Туманова?

– Первый раз слышу, а что?

Я объяснила ей, в чем дело.

– Нет, не слыхала даже. Посмотри в Интернете.

– Да ладно. Если уж ты не знаешь, то и никто не знает.

Ровно в половине второго позвонила давешняя Женя.

– Полина, госпожа Туманова задерживается, пробки.

– Понимаю. Я в офисе и жду ее.

Чтобы не терять время я позвонила и заказала аспарагусы трех видов – плюмосус, виргатус и аспарагус Шпренгера, из которых я сделаю волшебную воздушную елку. У меня уже буквально чесались руки, так мне хотелось этим заняться, но аспарагусов нужного размера в наличии не было, да и рано сейчас.

Около трех в дверях вдруг появилось поистине сказочное существо. Довольно высокая девушка волшебной красоты, вся в белом. Шубка из белых песцов, белые сапоги на высоченных каблуках, светлые волосы и огромные голубые глаза. То ли девушка, а то ли виденье.

– Здравствуйте! Вы Полина Зацепина?

– Да, – я поднялась ей навстречу, остро чувствуя, как я далека от совершенства. Никогда не видела женщины красивее.

– А я Аделаида Туманова. Очень приятно! Вы позволите присесть?

– Конечно! Располагайтесь. Снимайте шубу, у нас очень тепло.

– Да, спасибо! – она великолепным жестом сбросила шубку на кресло. На ней было опять-таки белое платье из какой-то явно безумно дорогой ткани, подчеркивавшее абсолютно идеальные формы. Ну надо же!

– Полина, я много слышала о вас! О вашем удивительном вкусе... И я бы очень хотела, чтобы вы оформили цветами небольшой зал, где будет проходить презентация моей книги. Это мой первый литературный опыт. И все должно быть очень стильно и изысканно.

– Сделаю все, что в моих силах, вопрос только в том, когда будет презентация?

– Восемнадцатого декабря. Это реально?

– Одну минутку, я посмотрю свои записи. Да, пожалуй, я смогу. Если сегодня же заказать материал... У вас есть какие-то определенные

пожелания?

– О да! Все должно быть чисто белым. Только белые цветы! Даже никаких оттенков не нужно. Все снежно-белое...

– Да, вам идет белый цвет.

– Дело не во мне, просто белый символизирует чистоту помыслов... Белый – цвет благочестия...

Так, кажется, меня сейчас стошнит. Но дело есть дело.

– Хорошо. Белый так белый! А может, есть какие-то цветы, которых вы не любите?

– Нет, если они белые! И даже сердцевинки желтые или красные не хотелось бы видеть. Совершенная незапятнанность российских снегов и российской души...

Незапятнанность российских снегов? Я с тоской взглянула в окно. Незапятнанность?

– Я надеюсь, вы меня поняли?

– Конечно. Все предельно ясно, японский траур!

– Что вы хотите этим сказать?

– Белый цвет в Японии считается траурным.

– Но при чем тут Япония? – искренне не поняла Аделаида. Кажется, она даже обиделась. Надо выходить из положения.

– Дело в том, Аделаида, что на нашем профессиональном жаргоне такой стиль называется японским трауром, только и всего.

– А, я поняла, – ослепительно улыбнулась красавица. – Так вы беретесь?

– Да, пожалуй, я возьмусь, но мне сперва нужно взглянуть на помещение, где будет проходить мероприятие, составить смету...

– В расходах не стесняйтесь, все будет оплачено. И когда вы сможете посмотреть помещение?

– Да хоть сейчас можем поехать.

– О, превосходно! Давайте поедem на моей машине, а потом мой водитель вас отвезет. И по Дороге я вам все объясню.

Машина, разумеется, была белоснежная. И внутри тоже. Более того, на водителе был белый вязаный кардиган и белая, тоже вязаная, кепка. А она, похоже, полная идиотка.

– Вы писательница? – поинтересовалась я.

– Ну, так сказать еще нельзя, я только начинаю...

– О чем вы пишете?

– О поисках себя, о незапятнанности русской души, о вечном...

– А... – Боже, зачем я связалась с этой кретинкой?

Мы приехали в ресторан под названием «Снежная королева». Там тоже преобладал белый цвет.

– Вот тут и будет проходить презентация. Может быть, выпьем кофе?

– С удовольствием. А я думала, вы пьете только молоко.

Она взглянула на меня испуганно.

– Почему?

– Да нет, это я так... извините.

– Ну, столы, конечно, уберут, поставят белые стулья...

– Пластиковые?

– Помилуйте! Просто обитые белой кожей... на эстраде будет стол, белое кресло и над этим мой портрет. Хотелось бы все украсить цветами... Ну, и в углах зала тоже композиции из цветов.

– Не проблема! И к портрету тоже цветы?

– Ну конечно! Скажите, Полина, а нельзя сделать раму из белых цветов, это было бы так возвышенно!

– Можно. Все можно. Будете прямо как Острабрамская Божья мать.

– Какая? – не поняла заказчица.

– В Вильнюсе есть знаменитая надвратная церковь Острабрамской Божьей матери...

– А Вильнюс – это где? В Греции?

– Почему в Греции? – обалдела я. – Это столица Литвы.

– Литвы? Это где-то в Африке?

– Вы что, шутите? – не поверила я своим ушам.

– Нет, почему шучу? Просто я никогда не слышала про такую страну. Я, Полина, выросла в Швейцарии...

– А! Но тогда почему бы вам не писать про незапятнанность швейцарской души и тем паче снегов?

– Потому что я русская!

– Извините, это вообще меня не касается. Мое дело оформить зал к заданному сроку.

– Вы справитесь?

– Полагаю, что да. Но сначала мы должны подписать договор. И вам придется внести аванс.

– Это не проблема.

– Вот и отлично. Я взяла с собой бланки, сейчас можно и подписать.

– Хорошо, я вызову своего юриста. Я без него ничего не подписываю!

– Она вытащила из белой сумочки белый телефон с бриллиантами. – Алло! Эдуард? Вы не могли бы сейчас приехать в «Снежную королеву»? Необходимо подписать договор с флористом. Отлично, мы вас ждем! Он

будет самое большое через полчаса, это тут неподалеку... Полина, я вас тоже приглашаю на презентацию, вот! – Она вытащила из сумочки отпечатанное на роскошной бумаге приглашение, украшенное белыми кружевами.

– Благодарю вас, непременно приду!

Я совершенно не знала, о чем с ней говорить в эти полчаса. Одно я понимала – денег у нее куры не клюют. И я решила – за такую глупость надо платить. Возьму с нее по самым высоким расценкам. Как компенсацию за моральный ущерб. Я с большим интересом ждала юриста. Неужто он тоже будет в белом? Но вскоре в ресторан вбежал молодой парень в нормальной кожаной куртке, черной, на меху.

– Аделаида, привет!

– Здравствуйте, Эдуард! Вот познакомьтесь...

– Полька? – ахнул юрист. – Ты?

– Эдик? Анисимов? – узнала я своего одноклассника.

– Вы знакомы? – почему-то страшно удивилась Аделаида.

– Ну да, мы в одном классе учились... Полька, как я рад тебя видеть!

– Я тоже! Надо же...

– Господа, давайте воспоминаниям вы будете предаваться в нерабочее время! – вдруг сухо проговорила Аделаида. – Мое время лимитировано.

– Разумеется, предадимся, и, разумеется, в нерабочее время, – ответила я. Еще один такой пассаж, и я пошлю ее куда подальше. – Эдуард, вот типовой договор, посмотрите и поставьте свою визу.

Эдька просмотрел договор и заявил:

– Здесь все в порядке, Аделаида. Можете подписывать. Суммы вы оговорили?

– Да. Давайте их сразу впишем, я подпишу и поеду. Полина, вот мои телефоны... – она протянула мне белоснежную визитку, украшенную серебряными вензелями. – Если у вас будут какие-то вопросы, звоните в любое время. Для меня эта презентация сейчас на первом месте. Надеюсь, вы Меня не подведете.

– Нет.

– А то я знаю эту вашу русскую расхлябанность... и ненавижу ее. Но вас мне рекомендовали с самой лучшей стороны.

– А как же незапятнанность русской души? Расхлябанность – это тоже пятно... – не удержалась я, а Эдька толкнул меня ногой под столом.

– Я имею в виду незапятнанность русской души в высшем смысле, а не...

– Поняла.

– Вот и чудесно! Эдуард, вы мне понадобится завтра и, вероятно, на целый день.

– Без вопросов! – обрадовался Эдька и подмигнул мне.

Когда она ушла, Эдька перевел дух.

– Польша, как я рад! Как жизнь? Смотрю, замуж вышла!

– Вышла. А вот как тебя угораздило связаться с такой... Белоснежкой?

– А что было делать? Я после юрфака не мог найти нормальную работу, а у меня мама больная... А эта жопа хоть платит хорошо.

– А что за книжку она наваляла?

– Бред сумасшедшего. Но денег море, почему бы и книжку не издать...

– Ты можешь себе представить, она полагает, что Литва находится в Африке?

– С Ливией спутала. Большое дело! – пожал плечами Эдька.

– А тебя она не пыталась обрядить в белое?

– Слава богу, нет.

– Она замужем?

– Нет, живет с каким-то бизнесменом. Жаждет женить его на себе, но у него трое маленьких детей, так что вряд ли... А вообще, ну ее к бесу, надоела, скажи лучше, ты...

Сейчас спросит о Насте, догадалась я.

– Ты с Настей видишься?

– Практически каждый день, мы работаем вместе. Эдька, неужто ты до сих пор не забыл школьную любовь?

Он вдруг густо покраснел.

– Да я... просто так спросил... Ну, как она, замужем?

– Да нет, развелась.

– А знаешь, я почему-то недавно вспоминал школу, девчонок наших... А ты, значит, флорист... Красиво! Все считали, что ты будешь художницей. А Настя чем занимается? Тоже флорист?

– Нет. Она кондитер высшего класса, окончила Венскую школу кондитеров, забыла, как она точно называется. Но одно время работала в кулинарном журнале, а теперь вот мы вместе трудимся. Так что, если решишь жениться, мы тебе большие скидки сделаем!

– Ох, не надо! Мне и так хорошо, свобода еще не надоела. Ой, девчонки, а давайте встретимся втроем? Я вас приглашу куда-нибудь поужинать, поболтаем, школу вспомним, а?

– Давай после Нового года, а то сейчас работы невпроворот. Но это у меня. А у Насти вечера свободные бывают. Так что можешь ей позвонить.

– Да? – опять залился краской Эдик. – Хорошо, я попробую...

– Полька, куда ты запропастилась? – накинулась на меня Настя. – А я все уладила в префектуре.

– Кто бы сомневался! Что бы я без тебя делала? А знаешь, кого я встретила?

– Пока нет. Говори.

– Эдьку Анисимова.

– Да ты что! И где?

– Он служит юристом при Аделаиде Тумановой.

Настя внимательно на меня посмотрела.

– Поль, как тебе удастся, не сказав ни одного дурного слова, обосрать человека?

– Не поняла!

– Служит юристом при... Если б ты сказала «служит у», было бы нормально.

– Настюха, не придирайся к словам.

– А кто все-таки эта Туманова?

– Тупейшая Белоснежка, которая считает, что Литва находится в Африке.

– Ладно, врать-то!

– Святой истинный крест! – и я ввела подругу в курс дела. – Между прочим, Эдька будет тебе звонить. Знаешь, как он алел, когда о тебе спрашивал!

– Он вообще-то хороший парень, – задумчиво проговорила Настя.

– Вот и займись!

– Да ну...

– Ох, не зарекайся, подруга. Он и вправду нормальный.

– Да, а твой-то спасёньш не объявлялся?

– Спасёньш? – засмеялась я. – Хорошее слово! Нет, не объявлялся.

В этот момент открылась дверь и на пороге возник спасёньш собственной персоной.

– О-па! – воскликнула Настя. – Какие люди!

– Привет моим спасительницам! Как тут у вас красиво, стильно... Полина, представьте меня своей подруге!

– Настя, это Макар. Макар, это Настя. Вы намерены что-то у нас заказать? Вы женитесь? Или у вас юбилей?

Настя метнула в меня испуганный взгляд.

– О нет, я просто заглянул, чтобы попрощаться. Я уезжаю.

– Далеко ли? – спросила я, чувствуя, что меня это известие слегка

расстроило.

– Не очень. В Питер всего лишь. Я там живу. Девушки, еще раз спасибо вам!

– Я тут ни при чем, – заявила вдруг Настя. – Я так испугалась, а Полина вот сообразила... Так что, все благодарности ей и только ей. Поль, у нас кофе кончился, я смотаюсь...

И она, на бегу надевая пальто, умчалась.

– Какая у вас тактичная подруга! Поля, я хотел уехать раньше, но меня почему-то страшно тянет к вам. И что вы на меня так насмешливо смотрите? Вам смешно? А, я знаю... Вы считаете, что я не должен был заявляться к вашему деду. Согласен, сглупил, хотя я от вашего деда в восторге. Потрясающий человек! Знаете, я как-то сразу нашел с ним общий язык. Поля, если б вы были свободны, я бы просто предложил вам выйти за меня замуж...

– С ума сошли?

– Поневоле сойдешь! О такой женщине всю жизнь мечтал.

– Мечтать не вредно! – насмешливо сказала я, а у самой сердце больше всего напоминало заячий хвост.

– Ну, я же в сослагательном наклонении...

Он вдруг кинул на меня озорной взгляд.

– Ну, если в прозе не доходит, то...

И вдруг запел приятным баритоном:

*Я бы был хорошим мужем,
Я бы вам готовил ужин,
Не говоря уже про завтрак и обед.
Я варил бы детям кашку,
Я забыл бы про Наташку
И купил бы полированный буфет!*

– Это что? – рассмеялась я.

– Песня! Слушайте:

*Я бы был хорошим мужем,
Накупил бы вам жемчужин*

*И надел на каждый пальчик по кольцу!
Я дарил бы вам брильянты,
Но возможны варианты,
Если б были вам брильянты не к лицу.*

*Был бы, бабы, я бы баобаб,
Мне бы, бабы, было не до баб.
Был бы, бабы, я не баболюб,
Я бы, бабы, был бы просто дуб.*

(Здесь и далее все стихи принадлежат перу Б. А. Абарова)

Я уже хохотала в голос.

– Ну, вообще-то там еще до фига куплетов, но... Вижу, вам понравилось?

– Очень! А чья песня-то?

– Моя.

– Нет, правда?

– Обижаете, девушка, мне чужого не надо!

– Так вы еще и бард?

– Нет, я просто так... пишу песенки, иногда стишки, не более того. Но вам, правда, понравилось?

– Очень. А на гитаре вы играете?

– Увы, не освоил. Ленъ.

– Вы не похожи на ленивца.

– Поля, вы любите мужа?

Я огорчилась. К чему этот вопрос?

– Люблю, конечно.

– Допустим. Но мы можем быть друзьями?

– Друзьями? Почему бы нет? Я всегда умела дружить с мальчишками.

– Ну что ж, ограничимся пока дружбой.

– Макар, а спойте что-нибудь еще!

– Да нет, Поля, этот ваш офис как-то не располагает. Я ведь не всерьез сочиняю, так, для души... Как-нибудь в другой раз...

– Вы полагаете, он будет, этот другой раз?

Он пристально посмотрел на меня. В его невозможных синих глазах мне почудилась даже какая-то угроза. Но он засмеялся и сказал:

– Вы меня совсем не знаете, Полина! Я вернусь! И на прощание несколько строчек:

*Прекрасна ночь,
И день,
И дол,
И бор,
И соль земли,
И горечь шоколадки.
Весь бытия божественный убор –
На прочной дьявольской подкладке.*

Я молчала, испуганная и даже потрясенная.

Он шагнул к двери.

– Пока, любимая!

– Макар, вы это к чему?

– Вы о чем? – ответил он вопросом на вопрос.

– О стихах.

– О том, что человек предполагает, а Бог располагает. А иной раз отнюдь не бог...

– Это тоже вы сочинили?

– Я.

– Здорово!

– Я рад, что вам понравилось. Ну, я пошел.

Он улыбнулся. От этой улыбки можно было сойти с ума. И исчез.

Вернулась Настя.

– Ушел?

– Как видишь.

– А ты чего такая?

– Какая?

– Глаза сумасшедшие. Что тут было?

– Он пел. Стихи читал. И сказал: «Пока, любимая». – Я сама слышала, что голос у меня какой-то деревянный...

– Пел? Что он пел?

- Он пишет песни и стихи тоже.
- О господи! Хоть не очень бездарно?
- Я бы даже сказала, талантливо. Ох, Настя, чуёт мое сердце, он мне жизнь разобьет.
- Влюбилась?
- Нет. Испугалась.
- Да, понимаю, в нем есть... смешно, глаза синие, а какие-то чертячи...
- Знаешь, я запомнила две последние строчки: «весь бытия божественный убор на прочной дьявольской подкладке».
- Ни фига себе! Но ты же вроде не веришь ни в бога, ни в черта.
- Не верю. Но... Понимаешь, в нем есть какой-то сумасшедший драйв, который меня захватывает и в то же время жутко пугает...
- А зря ты ни во что не веришь. Уж не знаю, чей это промысел – ваша встреча в лесу...
- Твой, Настюха, только твой! – рассмеялась я. – Это ты меня вытащила в лес.
- Ой, Полька, как подумаю, что не вытащила бы тебя тогда, этот синеглазый лежал бы с простреленной башкой... И муравьи бы по нему ползали, – всхлипнула Настя.
- Ладно, Настька, кончай разводить сырость. Все прекрасно, а будет еще прекраснее. Синеглазый уехал в свой Питер, наверное, уйдет скоро в плавание, а у нас работы выше головы.
- Ох, Полька...

Макар нещадно ругал себя. Идиот, что за безвкусица – прочесть эти написанные в ранней юности строчки, выставить себя в каком-то inferнальном свете, фу! Хорошая, реальная, очень нормальная и веселая девушка, а ты... Дурак! Да это же не на таких рассчитано, а на глупеньких и восторженных, а она... Неужто тоже на поверку глупенькая и восторженная? Но тогда на фиг она тебе сдалась? Романтическая история, она мне реально жизнь спасла... А если б все то же самое, а она была бы страшенькая? Тогда ты тоже запал бы на нее? Нет? А черт его знает... Но на эту запал. И ведь встретил ее не где-нибудь, а в Москве, в этом гигантском многомиллионном городе. Даже то, что она оказалась внучкой Сашкиного препода, ерунда в сравнении с этой встречей. Какие шансы у меня были еще хоть когда-нибудь ее увидеть? А тут всего ничего времени прошло, какие-нибудь два месяца, и вот... Это твоя судьба, Макар! Ей совершенно не подходит этот ее муж. Слишком уважаемый, слишком

гладко выбритый и хорошо одетый. Разве такой ей нужен? А что, ты ей нужен? С твоей сумасшедшей жизнью, с твоей работой, с твоими холостяцкими привычками? С твоей любовью к морю? Нет, Макар, ты только поломаешь ее налаженную жизнь. Она того и гляди ребеночка захочет... А куда тебе ребеночек? Нет. Нельзя! О, это я умею – говорить себе «нельзя»! Обучили! Тянет к ней? Хочешь ее? Как говорилось в любимой детской книжке: «Перехочется, переможется, перетерпится!»

Он сел за руль, томясь в нескончаемых пробках, выбрался, наконец, из города и на бешеной скорости погнал домой, в Питер. Подальше от Полины и всей этой истории. Он обязан был заявить о виденном убийстве, но страх за ни в чем неповинных девчонок не позволил ему этого сделать. Но за это ему не было стыдно. Ему нестерпимо стыдно было за то, что он пел перед Полиной и читал свои старые стишки. Нестерпимо стыдно!

Зал для презентации шедевра Аделаиды Тумановой был готов, но наводил на меня такую тоску, что хотелось хоть как-то разбавить это «белое безмолвие». И я придумала! Поскольку дело уже шло к Рождеству, хоть и западному, да и Новый год не за горами, а эта мымра не желала ничего, кроме «незапятнанного» белого цвета, я решила внести малую толику юмора в эту тоску. Я купила пару белоснежных валенок и каждый украсила всякой новогодней мишурой, тоже белой – веточками, хлопушками и т.д. Получилось изумительно! В день презентации я привезла эти валенки в ресторан, чтобы поставить их поэффектнее. Администратор ресторана, элегантная женщина лет сорока, пришла в восторг.

– Ой, Полиночка, какая прелесть! Надо ж такое придумать! У меня дома есть валенки, я своим детям в них подарки под елку положу и тоже как-нибудь украшу. А ничего, что валенки серые?

– Да прекрасно, еще лучше даже. Но тут такой специфический клиент...

– Ох, не говорите!

Я поставила валенки с двух сторон маленькой эстрады под двумя белоснежными искусственными елочками.

Презентация начиналась в шесть вечера. А в пять я должна была встретиться с заказчицей. Мы вместе вошли в зал.

– О, как красиво! Просто восхитительно! Восторг! А как смотрится портрет в этой раме! Божественно! – И вдруг взгляд ее упал на валенки. – А это еще что?

– Скоро Новый год и...

– Вы что, с ума сошли? – завопила вдруг она. – Как вы посмели?

– А что такое?

– Вы издеваетесь, да? Решили надо мной посмеяться? – Она подскочила к эстраде, схватила один валенок и метнула его прямо в меня. Я, правда, успела пригнуться, и он угодил в какого-то парня.

– Что тут происходит? – спросил он.

Но Белоснежка уже от ярости ничего не соображала. Она топтала ногами второй валенок, а молодой человек с явным удовлетворением снимал ее на камеру. От бешенства она ничего не замечала. Куда девалась ее красота? После первой оторопи я опомнилась, подскочила к ней и оттолкнула.

– Вы что тут беситесь! – крикнула я, поднимая валенок, безнадежно уже испорченный. – Совсем оборзели, да? Ну, не понравились вам валенки, сказали бы, я бы их убрала, и дело с концом!

– Ты что себе позволяешь, сука? – завизжала Аделаида. – Какое право ты имеешь тут голос подымать? Тебе заплатили, вот и вали отсюда! Дрянь подзаборная!

– О! Это вы зря! Вон, вас уже снимают, и наверняка записали ваши вопли, завтра вся Москва об этом узнает. Так что презентация будет шумная! Как вы и хотели. Дура набитая!

– Ах ты тварь! – Она хотела броситься на парня с видеокамерой, но он ловко увернулся и выскочил из зала.

Я тоже предпочла ретироваться.

– Девушка, – окликнул меня давешний папарацци.

– Да? – засмеялась я.

– Чего она взбеленилась, я не въехал? И чем она в меня запустила?

Я подробно ему объяснила. Я чувствовала себя отмщенной. Завтра этой идиотке мало не покажется! Хорошо еще, она успела со мной расплатиться. Девушка с незапятнанной русской душой.

Вечером я рассказала Вадиму об этой истории.

– Поляш, ну кто тебя просил лезть с этими валенками? Это ж чистой воды хулиганство! – укоризненно покачал головой муж.

– Да нет, это просто нотка юмора...

– Зачем ей твой юмор? У нее, видимо, чувство юмора напрочь отсутствует. Она же хотела предстать в роли чуть ли не мадонны, а ты тут со своими валенками!

– Ну, убрала бы и все, а то устроила... Сплошное, можно сказать, благочестие! Вот уж точно: «Весь бытия божественный убор на прочной дьявольской подкладке!»

– Это что за стихи? Чьи?

- Не помню!
- А она с тобой расплатилась?
- К счастью, да. Эдик проследил.
- Кто такой Эдик? – нахмурился муж.
- Мой одноклассник. Он, оказывается, юрист у этой Белоснежки. И, кстати, здорово приударяет за Настькой. Он еще в школе по ней сох.
- А она?
- Нет! Она тогда на него и не глядела, и сейчас вроде не снизошла...
- Странно, она такая славная бабенка, и красивая, а вот не везет ей...

Почему так?

– Потому что слишком уж рьяно предается любимому. Все к его ногам... А так нельзя.

– Ишь ты, какие вы, бабы, хитромудные... – засмеялся Вадим. – А может, ты и права. Когда баба вся твоя, с потрохами, невольно хочется чего-то новенького. Ты вот другая... – как-то отстранение произнес он.

– А тебе разве не хочется чего-то новенького?

– Знаешь, пока нет. Как ни странно! – засмеялся он.

И это разговор двух любящих людей? Но люди ведь разные бывают... Мы с Вадимом такие, может, поэтому нам и хорошо вместе?

– Поляш, а что насчет Нового года?

– Ох, еще даже не думала. А у тебя есть идеи?

– Ну, вообще-то шеф нас приглашает... Ты ж там у него в доме, как я понимаю, немислимую красу наводишь? Он в восторге от твоих проектов и пригласил нас...

– Нет, Вадь, неохота.

– Почему?

– Ну, с какого перепугу мы наш первый совместный Новый год будем встречать у чужих людей? И у меня нет гарантии, что гости твоего шефа не станут смотреть на меня как на обслуживающий персонал.

– Что за чепуха! Ты же была на свадьбе его племянницы, и все было нормально. Кстати, новых заказчиков надыбала. Может, и в Новый год еще заказов наберешь.

– Понимаешь, если кому-то из гостей вздумается мне что-то заказать, то найти меня будет нетрудно. Вадь, а тебе так хочется встречать Новый год под присмотром шефа?

Вадим внимательно на меня посмотрел.

– Черт возьми, а ведь ты права. Под присмотром совсем не хочется. Ты умная, Поляшка!

– Знаешь, обычно мы встречаем Новый год в мастерской у деда. У него

весело...

- Но твой дед меня, кажется, не очень жалует?
- Ерунда! Я уже говорила с ним. Он ждет нас с тобой и с Настей. И мама со своим хахалем приедет. И еще куча всякого народа будет.
- А кто там готовит?
- Да Анфиса Васильевна. А торт Настя сделает.
- То есть тебе там вкалывать не придется?
- Нет. Представь только, вернемся в чистую квартиру, вдвоем...
- Да все, уговорила! А первого вечером нас ждут мои. Они Новый год всегда встречают у друзей, а первого мама всех собирает на гуся с брусникой и яблоками. Объедение!
- Вот и славно! Обожаю гуся!

Утром Настя сообщила мне со слов Эдика, что презентация книги Аделаиды Тумановой вызвала шум в желтой прессе. Молодой папарацци, в которого разъяренная певица незапятнанной русской души со всего маху запустила валенком, постарался. Фотографии новоявленной писательницы, замахающейся валенком, поместили чуть ли не все газеты, ролик с упоительной сценой пользовался бешеным спросом в Интернете. Благочестивая девушка грозилась подать в суд на всех, словом, привлекла к себе внимание по полной программе.

- Полька, – хохотала Настя, – твое участие превзошло самые смелые ожидания этой Аделаиды. Вот уж реклама так реклама!
- И не говори!

Елка из аспарагуса получилась фантастическая! Я сама пришла в восторг, а Настька чуть не расплакалась.

- Полечка, какая ты талантливая! Это ж надо такую прелесть придумать! Но чем такую нежнятину украсить?
- Нежнятину? – засмеялась я. – Чуть-чуть серебряной краски, несколько жемчужин – и хватит... Хотя нет, я еще одну штучку придумала.
- Я достала свою коробку со всякой всячиной, которую Настя называет «Полькиной сокровищницей». Два мотка шерсти и длинную иглу для так называемого «сухого валяния» и через полчаса закрепила на елке маленького шерстяного снегиря.
- Боже, Поля! Какое чудо! А куда ты эту елку поставишь?
- В гостиной, недалеко от рояля.
- Слушай, а зачем ему рояль? Он что, музицирует?
- Нет. Для понта!

– А он поймет эту твою елку?

– А черт его знает, но если нет, я ее заберу и подарю деду. Он уж точно поймет.

Однако Юлиан Григорьевич не просто оценил мою придумку, а пришел в дикий восторг.

– Полина, вы гениальная женщина! В жизни не видел ничего прелестнее! А этот снежирек! Мне все ваши елки безумно нравятся, но эта истинный шедевр!

– Рада, что вам понравилось, я старалась.

– Настенька, а нельзя ли торт тоже снежирем украсить?

– Можно, без проблем. Только придется его делать из марципана, и я не уверена, что он получится столь же изящным. А впрочем, попробую сделать из теста...

– Да нет, не нужно! Пусть будет один снежирь! Хватит.

– Любой каприз за ваши деньги, – пожала плечами Настя.

– Кстати о деньгах, девушки! Вот вам наличные, как договаривались, а вторую часть я переведу вам сразу после окончания праздников, уже новым годом. Вам же лучше в смысле налогов.

– Да, конечно, спасибо.

– Девушки, а Вадим передал вам мое приглашение на Новый год?

– Да, спасибо большое, но, к сожалению, мы не можем воспользоваться вашей любезностью. Мы всегда встречаем Новый год у моего дедушки, семейная традиция, которую я просто не могу нарушить.

– Настенька, а вы?

– Я тоже с Полей встречаю... уже много лет.

– Но вы же никаких семейных традиций не нарушите, если приедете ко мне, правда? Полина, вы не возражаете?

Я видела, что Настя колеблется. Ей, видимо, хотелось бы встретить Новый год у Бекетова.

– Да что вы, как я могу возражать? Настя моя подруга и партнер, но никак не подчиненная.

– Вот и чудно! Настенька, тогда я пришлю машину за вами и за вашими чудо-сластями. Дом большой, места всем хватит, а первого, когда вам будет угодно, вас отвезут, куда скажете.

По дороге в Москву я спросила:

– Насть, ты уверена, что хочешь встречать у него?

– Уверена!

– А Эдька?

– А что Эдька? Он встречает со своей мамой. И вообще... Мало ли кто

тут будет в гостях, может, судьба... Надо же давать ей шанс...

– Судьбе? – фыркнула я.

– Ну да. Я очень люблю твоего деда, но я знаю всех, кто у него будет, а если и забредет кто-то, то только какой-нибудь художник-алкаш или глубоко женатый, а я замуж хочу, Польша! Ребеночка хочу... Ты не обижайся, Польша!

– Да я и не обижаюсь. Кстати, расскажешь мне, что гости будут говорить о моей работе. Слушай внимательно и запоминай.

– Можешь не сомневаться! Ой, Польша? Как ты думаешь, надо надевать вечернее?

– Откуда я знаю? Позвони ему и спроси...

– Нет, мне неудобно.

– Хочешь, я позвоню?

– Не вздумай!

– Да почему?

– Не желаю, чтобы он думал, что я уже с ума схожу от предстоящего...

– Хочешь совет?

– Ну?

– Надень синее, оно тебе идет необыкновенно и всегда уместно.

– Но оно же не вечернее...

– Оно коктейльное, то есть вполне прохлянет за маленькое вечернее.

По крайней мере, не будешь чувствовать себя глупо.

– Да, пожалуй... Польша, а ты... Мне без тебя будет не очень уютно.

– Твой выбор! Я не желаю встречать Новый год под присмотром мужнего начальника.

– Но у меня-то нет мужа...

– Так в чем проблема? Хочешь встречать у Бекетова, кто тебе мешает?

– Сама не знаю почему, но хочу! Может, интуиция?

– Все может быть!

Однако моя интуиция говорила мне, что вряд ли из этого выйдет что-то хорошее. Но Настя девушка взрослая, и если я начну ее отговаривать, – а если я начну, то отговорю, – она мне потом этого еще долго не простит.

Тридцатого мы уже не работали.

Я с утра занялась домом, украсила маленькую живую елку, наготовила кучу всяких вкусных вещей, смоталась в салон красоты подстричься, созвонилась со всеми знакомыми, которых удалось застать в Москве. А Вадима все не было, хотя я знала, что у них сегодня короткий день. Не иначе мечется в поисках подарка. Я давно припасла ему два

супершикарных галстука, один от Диора, а второй от Ферре. Он обожает галстуки. Звонить ему на мобильный пока не буду. Время еще детское. Но вот в дверях послышался шум. Я выскочила в прихожую.

– Вадь, где тебя носит? Ой, а что это?

– Это? Подарок для любимой жены.

– Чемодан? – крайне удивилась я.

– Не просто чемодан. А от Луи Виттона.

– А зачем он мне? – не удержалась я.

– Как зачем? Это же так шикарно... Ездить с чемоданом от Луи Виттона.

– Первый кандидат на кражу.

– Поль! – огорчился он. – Да почему?

– Да ладно, я пошутила. Спасибо, дорогой!

Я сочла за благо сделать вид, что довольна до смерти. Чемодан стоил бешеных денег. Я вообще не понимаю, как можно с такими чемоданами летать не частными самолетами. Их так безжалостно швыряют на транспортеры, да и вообще... Но ради мира в семье чего не сделаешь. И я открыла чемодан, повозилась с кодовым замочком, которых, вообще-то, терпеть не могу. Помню, как у Насти испортился кодовый замок, а в ее чемодане мы хранили наши деньги, так как в номере испанского отеля сейф был очень уж ненадежным. В результате я под Настины рыдания схватила ножницы и безжалостно вспорола чемодан. Потом пришлось купить новый, с обычным навесным замочком. Правда, половину стоимости я оплатила.

Галстуки были оценены невероятно высоко и абсолютно искренне.

– Кстати, в середине января мне предстоит командировка в Данию. Дашь чемоданчик?

– Дам, не сомневайся!

Вот теперь мне выбор подарка стал совершенно ясен. Одним ударом убить двух зайцев. И жене сделать дорогой подарок, и самому полететь с такой статусной штуковиной. Я даже умилилась наивности этой идеи. Впрочем, простодушие не самое худшее качество в мужчине. 31-го мы оба были свободны и поехали по уже пустеющему городу докупать оставшиеся подарки. Потом завернули в кафе выпить по чашке кофе. Вадим с наслаждением уплетал штрудель с вишней. Интересно, почему в день нашей свадьбы мне вдруг почудилось в нем что-то чуть ли не зловещее? Бред! Он был просто напуган появлением Алики и вообще боялся, что я могу взбрыкнуть и выставить его перед гостями в смешном свете. Теперь я знаю – нет в нем ничего зловещего. Хороший, добрый, может, немного недалекий, но вполне приятный и милый моему сердцу человек, с чем я

себя и поздравила. Во всяком случае, для семейной жизни ничего другого и не надо. А мне нравится семейная жизнь.

– О чем задумалась, Поляша?

– О Насте.

– А что с Настей?

– Твой Юлиан пригласил ее встречать у него Новый год. И она согласилась.

– Да? Ну, и что тут такого? Он и нас приглашал. Настя большая девочка, и что там такое может случиться? Ну трахнется, в крайнем случае, с кем-нибудь по пьяни... Так она, по-моему, не против.

– С чего это ты взял?

– Ну без мужа живет, мужик все же нужен...

– Мне не нравится, когда ты в таком тоне говоришь о моей лучшей подруге!

– Поляш, в каком тоне? Ты чего?

– Да ладно, проехали.

– Поляш, а скажи, уместно будет мне к твоему деду костюм с галстуком надеть, а?

Боже, да он нервничает!

– Вадька, это несущественно! Надевай, что хочешь.

– Но я же знаю, Андрей Антонович ненавидит галстуки.

– Он ненавидит их носить, но ты волен сам выбирать...

– А что, если я надену серый пиджак с вишневым джемпером?

– Отлично, Вадька, – одобрила я.

– Мне кажется, это будет уместнее. Ты не обидишься, если я не надену твой подарок?

– Как я могу обидеться? Мне же не придет в голову тащить с собой шикарный чемодан!

– Поляша, ты прелесть! А там все будет очень богемно, да?

– В меру. Но стол будет шикарный, это я гарантирую. И посуда старинная, дед большой эстет. Он только не признает всяких кулинарных украшений.

– То есть?

– Он просто любит, чтобы всего было много, но, как он выражается, «сажать по три розочки на кусочек колбасы – это дурной тон». Так что все будет в высшей степени эстетично, но без украшательств.

– А мне нравится, как ты умеешь украшать блюда.

– На вкус и цвет...

– Ну да.

– Да ладно, не робей, воробей! Все будет отлично!

– А Ариадна Антоновна будет?

– А как же!

– Это хорошо, замечательная тетка...

С ума сойти... Какой хороший парень мне достался в мужья!

Я надела платье цвета морской волны, купленное когда-то на распродаже в Париже. Оно поразительным образом не выходило из моды. По случаю Нового года я нацепила на плечо собственноручно сделанный цветок и пояс из темно-бежевого шелка.

– Это новое платье? – ахнул Вадим.

– Нет, новые только аксессуары.

– Класс, Поляша! Ты у меня чудо! Слушай, а что мы подарим твоему деду?

– Не волнуйся. Ты подаришь бутылку текилы, а я шейный платок.

– Обалдеть, какая предусмотрительность! Да, с такой женой не пропадешь...

К деду надо приезжать не позже десяти. В половине одиннадцатого все садятся за стол – провожать Старый год. Дед сам открыл мне дверь.

– О, Польша! – Он окинул нас своим острым взглядом и произнес с улыбкой: – Добрый вечер, Вадим! Душевно рад! – и протянул Вадьке руку. А потом обнял меня и шепнул на ухо: – А тебе, похоже, хорошо с ним! Я рад, моя маленькая!

С ума сойти! А на свадьбе дед готов был меня умыкнуть. Неужто у меня такой счастливый вид?

А дочка была уже тут и сразу взяла Вадима под свое крыло. Вскоре приехала мама с новым кандидатом в мужья. Цветущая, красивая, но глаза почему-то грустные. Кавалера звали Валерий Павлович. Мне он не понравился.

– Леночка, у тебя красивая дочка, но уж очень в ней чувствуется бизнес-умен, – сказал он маме, даже не стараясь понизить голос.

Мама вспыхнула и поджала губы. Так, подозреваю, что в первое утро Нового года Валерию Павловичу дадут от ворот поворот. Мама не любит, чтобы задевали ее дочь. Впрочем, скатертью дорожка!

Я пошла на кухню, к Анфисе Васильевне. Это была высокая статная женщина, уже больше двадцати лет служившая у деда в домработницах. В середине восьмидесятых дед подобрал ее на улице в одном халатике, избитую и выгнанную мужем-алкашом на мороз. Дед привел ее к себе в мастерскую, и она у него осталась. Подозреваю, что домашним хозяйством

ее функции не ограничивались, но официально она считалась его экономкой. Так он ее называл и относился к ней с огромным уважением. Она была великолепной хозяйкой, очень неглупой женщиной и прекрасно знала свое место в доме и в жизни деда. К тому же была очень тактична. Дед, выпив немного, частенько говаривал: «Я на зимней улице нашел истинное сокровище!»

– Ну что, Полинка, как тебе замужем-то живется?

– Да хорошо, Анфиса Васильевна.

– А детишек-то планируете?

– Обязательно. Просто пока не получается. Но у нас еще есть время.

– Это точно. Вот что, Полинка, отнеси-ка эти две миски на стол.

Я отнесла миски и вернулась на кухню.

– А что у вас сегодня на горячее? – любопытствовала я.

– Глухари!

– Ой, правда? Откуда? – обрадовалась я.

– Да тип один Андрею Антоновичу презент сделал, целых три глухаря!

– Ох, а возни-то с ними, пока общиплешь...

– Да ладно! Дедушка твой так уж радовался.

В ее голосе было столько любви! Я не удержалась, обняла и поцеловала милую женщину. Она засмузилась.

– Да что ты, Поленька! Как бы платьишко не испачкала, я ж в муке вся... Ладно уж, иди к гостям.

– А помощь не нужна?

– Нет пока. А понадобится, уж позову.

Мне было хорошо и уютно в доме деда. Я слышала, что Вадька расписывает Адочке, какие волшебные елки я изготовила для его шефа.

– Вадим, а вы хорошо его знаете, вашего шефа? – закинула она удочку.

– Да, я с ним уже пять лет работаю.

– Он порядочный человек?

– Ариадна Антоновна, почему вы спрашиваете?

– Нет, просто так. Слышала, что большие боссы в наше время далеко не всегда порядочные люди. А как, кстати, его фамилия?

– Бекетов. Он старого дворянского рода... А почему он вас так интересуется?

– Просто мне безразлично, с кем работает муж моей внучатой племянницы, только и всего.

С ума сойти, Адочку все еще терзают подозрения. Вдруг позвонила Настя.

– Полька, ты не представляешь, гости просто в отпаде от твоих елок и

вообще от всего, что ты сделала, над каждой вазой и корзиной просто слюни пускают!

– А над твоим тортом?

– Ну, до торта еще далеко, даже за стол пока не садятся, все дом осматривают!

– Настька, а тебе там как?

– Нормально!

– Еще никого не закадрила?

– Нет, но глаз уже положила, – шепотом сообщила Настя. – Сейчас подробнее не могу...

– Ладно, я рада. Будет возможность, звякни еще!

– Обязательно! А как вы там?

– Нормально!

Подошел дед, уже чуть-чуть подшофе. Обнял меня.

– Знаешь, я тут на днях встретил Аркадия...

Странно, ни одна жилочка во мне не дрогнула.

– Да? И что?

– Да ничего, он пытался мне что-то объяснить.

– Насчет чего?

– Насчет тебя. Лопотал, что ты неверно его поняла, что он только тебя любит...

– Ой, брешет!

– И сердчишко не екнуло?

– Ни вот столечко!

– А я ему сказал, что ты замужем и счастлива и, как мне показалось сегодня, я не соврал?

– Нет, дедуля, не соврал.

А я вдруг сообразила, что вот до этой минуты ни разу даже не вспомнила своего спасёныша. Наверное, я и вправду счастлива в браке. Ну надо же...

Я посмотрела на мужа. Он, по-видимому, успокоился, расслабился и уже всю общался с гостями. Наконец все сели за стол, стали провожать Старый год. А когда наступил Новый и уже все выпили шампанское, дед, как всегда, поручил мне роль Снегурочки. Я раздавала подарки из огромного мешка, куда все они складывались с записочками. Вадим был в восторге от этой традиции. Ему дед подарил чудесные старинные запонки. А потом началась обычная новогодняя круговерть. Телевизор никто даже не включал. Здесь умели веселиться и без него. Дивно пела под гитару немолодая певица из театра оперетты, соседка деда по дому. Потом играли

в шарады, хохотали до колик. А потом Анфиса подала глухарей, и за столом воцарилась прямо-таки благоговейная тишина. И вдруг в дверь позвонили. Никто не удивился. У деда был достаточно открытый дом. Я побежала открывать. И остолбенела. На пороге стоял... Макар. И еще какой-то человек.

– Привет, Полина, не узнаешь? – спросил этот человек.

– О, Саша! С Новым годом!

– Вы позволите войти? – осведомился Макар.

– Да, конечно, проходите, – вконец растерялась я. За каким чертом он явился? От моего блаженного состояния не осталось и следа. Господи, зачем? Его синие глазищи горели огнем и прожигали меня насквозь. Саша сразу пошел в комнату, а мы топтались в прихожей.

– С Новым годом, моя спасительница! Я не думал приезжать, знаю, что я лишний, но под вечер мне вдруг стало так хреново при мысли, что встречу Новый год без вас, что я помчался в Москву.

– На чем?

– На машине. Гнал как ненормальный и вот... все-таки успел...

– Поляша! Ты куда пропала? – раздался громкий голос изрядно уже поддавшего мужа. – С кем это ты тут любезничаешь?

– Вот, Макар, познакомьтесь, это мой муж!

– Да, я муж, а вы кто?

– А я... просто знакомый! – обезоруживающе улыбнулся Макар.

– А как вас зовут, просто знакомый?

– Макар!

– Макар? Какое редкое имя, а я Вадим, очень приятно. А что тут стоять? Там такие глухари... Сроду ничего вкуснее не ел! Пошли скорее! Макар, а тебя в школе макаронной не дразнили?

– Макароной? – рассмеялся Макар. – Нет, меня только постоянно спрашивали, куда я еще не гонял телят.

А ведь он врет, его, скорее всего, зовут не Макаром, не могут дети в первых классах так шутить... Вот Макароной назвать, это запросто. И вообще, мне показалось, что от него исходит какая-то опасность. Хотя на свадьбе мне и Вадька внушал какие-то опасения. Бред, просто шампанское в голову ударило.

У деда взгляд был весьма насмешливый. Он то и дело подмигивал мне. Но Вадька был в полной эйфории и ничего, слава богу, не замечал. Даже того, что Макар не сводит с меня глаз. Адочка, сидевшая рядом со мной, прошептала:

– Поленька, кто этот молодой человек? Он же влюблен в тебя по уши.

И он очень интересный.

– Да я толком не знаю, видела один раз у деда.

– Макар Иваныч, – начал вдруг дед, – помнится, в прошлый раз вы читали мне отличные стихи, не прочтете ли нам всем? Особенно мне ваш «Гамлет» понравился.

– А может, я лучше что-то спою?

– Споете, голубчик, непременно споете, но я, как хозяин дома, настаиваю, чтобы вы прочли своего «Гамлета» моим гостям.

– Хорошо, не люблю ломаться. Но прошу заранее меня извинить, я все-таки не поэт, а так... В долгих плаваниях всякое взбредет в голову.

*Уж коли мир – нагроможденье декораций,
А в нем – комедия из жизни поросят,
Есть очень многое на свете, друг Гораций,
О чем философы без дела моросят.*

*Конечно, жизнь – она то крестиком, то гладью,
Конечно, стыд порой берет за королей.
Вот как у Гамлета: мамаша стала блядью,
Не износив папашей дареных туфель.*

*Я не певец аморализма – бога ради,
Но все же стыдно принцу путаться в соплях,
Когда мамаше захотелось в койку к дяде
Забраться в папой недоношенных туфлях.*

*Конечно, маме можно высказать придирки,
С покойным папой обсудить – само собой,
Но кто не видел даже вывески «Бутырки»,
Тому и Дания покажется тюрьмой.*

*Есть очень многое на свете, друг Гораций,
Что пониманием возможно охватить.
Здесь первым делом надо с мыслями
собраться, Нормально выпить и спокойно закусить.*

*И тут откроется такая перспектива,
Такая бездна и такой солнцеворот,*

*Что остается только выпить кружку пива,
И все, что надо, то само произойдет.*

Раздались аплодисменты. Адочка с восторгом смотрела на моего спасёныша, да и я тоже. Каков!

– Юноша! – сказал вдруг старый друг деда Михаил Францевич, известнейший искусствовед. – Знаете, я давно не слышал такой прелести! Поздравляю, вы, безусловно, талантливы!

– Спасибо, мне приятно... – с достоинством проговорил Макар.

– Как там у тебя про Данию? – пьяным голосом спросил Вадим. – Я, господа, еду на днях в Данию и надеюсь, она мне тюрьмой не покажется...

Хорошо не сказал, что поедет с чемоданом от Луи Виттона.

– А вы еще и поете? – поинтересовалась жена Михаила Францевича, Тамара Геннадьевна.

– Ну, я бы так это не назвал...

– Спой, светик, не стыдись.

– Ну, я не знаю... Я вижу, тут есть гитара, но я не умею играть...

– А ты так спой, а капелла! – подначила его опереточная дива былых времен.

– Ну, попробую, это старая песенка...

*Встал за аркой Триумфальной
Старый Киевский вокзал...
Было не принципиально,
Что тебя я целовал.*

*Было странно, но не нервно,
Чай в стаканах остывал.
Было не закономерно,
Что тебя я целовал.*

*Было тихо и не больно,
Лишь слегка ломил живот.
Что-то мило про любовь нам
Лопотал водопровод.*

*Было не необходимо
Обнимать меня в ответ.
И сплетались струйки дыма
Наших слабых сигарет.*

*Можно было обниматься,
Можно было есть салат.
Можно было не ломаться,
Так чего ж еще желать?*

*Потянулась без обрыва
Жизни розовая нить.
Можно было жить красиво,
Можно было просто жить.*

*Все кончалось идеально,
Потому что каждый знал,
Что за аркой Триумфальной
Будет старенький вокзал.*

Я заслушалась. Нехитрая и даже старомодная песенка как-то сразу проникала в душу, а голос был хоть и небольшой, но красивый, волнующий...

– Полька, с ума сойти. А глаза... – восторженно шептала Адочка.

– Еще! Еще! – требовала публика.

– О нет, господа, хорошенького понемножку, давайте лучше танцевать! Полина, можно вас пригласить? Хотя нет, не так! Вадим, вы позволите пригласить вашу жену?

– Валяй, приглашай! – разрешил, к моему удивлению, Вадька.

Синие глаза Макара сияли каким-то сумасшедшим блеском, густые светлые волосы растрепались, он был не столько пьян, сколько взбудоражен. У меня и мысли не мелькнуло, что можно ему отказать. Кто-то уже включил музыку. Саша пригласил маму, Валерий Павлович Адочку, та кокетливо пыталась отнекиваться, но потом все же милостиво согласилась.

– Полина, я пропадаю...

– Да ну? От чего это?

– Влюблен, как...
– Как кто?
– О, сравнений массу можно привести. Как мальчик, полный страсти юной, как... сумасшедший, как...
– Сравнения иссякли?
– Почему? Как бобик, как охреневший сомалийский пират...
Я расхохоталась.
– Это круто! Охреневший сомалийский пират... – Надо же что выдумал...
– Полина!
– Что?
– С этим надо что-то делать!
– И что вы предлагаете?
– Встретиться тет-а-тет.
– Даже и не думайте.
– Почему?
– Я замужем. Я люблю мужа.
– А я не верю!
– Это ваша проблема.
– И я вам ничуть не нравлюсь?
– Нравитесь, вы занятный, похоже, талантливый... Глаза красивые, но...
– Ладно, я понял. От ворот поворот? Да?
– Да, – отрезала я, хотя мне нелегко было это сделать. Его синие глаза меня завораживали. И вдруг зазвонил мой мобильник. Это был превосходный повод высвободиться из его объятий. Телефон лежал на столе. Я его схватила. Номер был незнакомый.
– Алло! – я вышла на кухню, чтобы хоть что-то услышать.
– Полька! Это я, Настя! Полечка, милая, спаси меня!
– Настя? Что случилось? – перепугалась я.
– Ты можешь приехать?
– Настя, говори, что стряслось! Не мямли!
– Полечка, родная, – рыдала Настя, – приезжай и привези хоть какую-нибудь одежду...
– Одежку? А твоя где?
– Мы в баню пошли, и меня тут заперли, голую... Одна сучка приревновала и заперла меня...
– А телефон откуда?
– Кто-то оставил, к счастью. Полечка, не теряй время, пожалуйста... А

то...

– Поняла! Сейчас выезжаю!

– Такси вызови, а то ты же, небось, пьяная...

– Не твоя забота!

Я побежала к Анфисе.

– Анфиса Васильевна, дайте мне, ради бога, какое-нибудь пальтишко и сапоги... – Я шепотом объяснила ей, в чем дело.

Анфиса Васильевна покачала головой, но тут же выдала мне пальто с меховым воротником, теплые рейтузы, ботинки на меху. И достала из комодика теплый расписной платок и кое-какое бельешко.

– Ох, спасибо!

– Ты что ж, одна поедешь ночью? Ты ж пила... Мужа с собой возьми!

– Да муж спит сном праведника.

– Тогда кавалера захвати, он вроде не очень пьяный.

– Еще чего! Сама справлюсь, мужик только помешает. Но вы никому ничего не говорите, а то волноваться начнут, просто скажите, позвонила какая-то подружка, у нее...

– Скажу, ее хахель бросил, вот ты и помчалась ей сопли утирать!

– Точно! Спасибо вам огромное!

И я под шумок вылетела из квартиры деда. На улице стоял легкий морозец, и почти не было машин. Я быстро доберусь, за полчаса доеду. В дом даже заходить не стану. Наверняка ключ от бани оставили снаружи. Вот дурища Настя, вечно во что-то влипает, а постоять за себя не умеет. Я набрала скорость, хотя знаю, что сегодня гаишники будут ловить подвыпивших водителей и драть с них три шкуры по случаю праздника. И вдруг какая-то машина резко обогнала меня и подрезала. Я чуть не вмазалась в нее. Что за скотина! Из машины выскочил какой-то тип. Я заблокировала дверь. Этот тип бросился ко мне. Ба, да это же Макар!

– Вы что, спятили! – заорала я. – Я же чуть в вас не врезалась! Совсем сдурели, да?

– Полина, вам нельзя одной ехать! Это абсурд. Я поеду с вами! Мало ли что!

– Очень надо! Освободите дорогу!

– Значит, так! Я сейчас отгоню машину к бровке и оставлю. Поедем на вашей, у меня бензина мало. – Он вдруг просунул руку в приоткрытое окно и выхватил ключи из замка зажигания.

– Ты что делаешь? – взбесилась я. Ненавижу, когда мной командуют.

– Это чтобы ты не уехала. Я через минуту вернусь. – Он действительно отогнал машину, запер ее и бегом вернулся. Открыл дверцу.

– Подвинься, я поведу! – Тон у него был непререкаемый. – Ты сколько шампанского выдула, а я почти не пил.

Пришлось подчиниться. Он и в самом деле пил очень мало.

– Говори, что стряслось.

– Какое это имеет значение? Подруга позвала на помощь...

– А что с подругой стряслось?

– Не все ли равно?

– Нет. Не все равно. Ее изнасиловали?

– Ох, что ты такое говоришь... Нет... кажется, нет. – И я покорно объяснила, в чем дело.

– Будем надеяться, что все именно так и обстоит. Ты дорогу знаешь?

– И дорогу, и расположение бани.

– Уже хорошо.

– А чего ты за мной поперся? Спешить долг отдать?

– Дура!

– Хорошо, – согласилась я. Сказать по правде, с ним мне было куда спокойнее. В нем чувствовалась какая-то внутренняя сила и уверенность в себе.

Минут пятнадцать мы ехали молча. За городом он прибавил скорость.

– Далеко еще?

– Нет, скоро будет поворот направо. Смотри, не проскочи!

– Слушаюсь, командир!

Вдруг откуда ни возьмись, появился гаишник с жезлом и сделал нам знак остановиться.

Макар остановился. Гаишник вразвалочку подошел. Макар чуть приоткрыл окно.

– Здравия желаю! Инспектор ГИБДД Шерстюк, – решил представиться он.

– Командир, мы очень спешим!

– Ничего, праздник нынче, спешить некуда, граждане нарушители!

Предъявите документы!

Я открыла сумочку, чтобы достать права, но Макар вынул из кармана какую-то книжицу и показал ее ретивому стражу порядка на дорогах.

– Извиняюсь, граждане, можете следовать к месту назначения.

И Макар рванул с места.

– И что за ксиву ты ему показал?

– Да ерунда! Есть у меня такая дорожная индульгенция, по благу выдали. Не бери в голову.

– Ну надо же... Вон там поворот.

Он резко свернул направо.

– Теперь командуй.

– Макар, там вообще-то охрана. Нас могут не пустить. Твоя ксива там не сгодится?

– Боюсь, что нет. Но разве тебя там не знают?

– Знают, конечно. Меня тоже приглашали туда. Это дом босса моего мужа. Но вообще-то не хотелось бы светиться.

– А как ты собиралась одна туда попасть?

– Понимаешь, баня стоит на берегу реки. И там есть небольшой пролом в ограде.

– Его запросто могли заделать.

– Там можно перелезть.

– А собак нету?

– Нет, вообще, это вовсе не крепость...

– Это обнадёживает. А машину где оставим?

– Давай проезжай вон тот проулок, потом сверни влево, еще раз влево и теперь направо. Все. Стой. Приехали.

– Откуда ты так все здесь знаешь?

– Так я ж тут полтора месяца работала, дом украшала.

– Значит, ты знаешь хозяев этого дома?

– Хозяина прекрасно знаю.

– А не проще ему позвонить и попросить открыть баню?

Я озадаченно на него посмотрела.

– Макар, мне даже в голову не пришло! Хотя нет, Настька там голая...

И вообще...

– Дурь все это, бабья дурь!

– Согласна, дурь.

– Давай, звони ему! Что за охота играть в детективные истории. Детский сад, ей-богу!

А ведь он прав! Даже не детский сад, а прямо-таки ясли! Я набрала номер Бекетова.

«Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети».

– Набери Насте, может, ее уже давно выпустили.

Я послушно набрала незнакомый номер. Настя откликнулась мгновенно.

– Ой, Польшка, ну ты где?

– Я уже тут! Но не хочу показываться на глаза охране. Ни к чему это!

– Полечка, это правильно... Тут такое... А со стороны речки через кусты можно пролезть.

– Хорошо. Жди.

– Молодец, что догадалась включить громкую связь. Пошли.

К счастью, снег был не слишком глубокий и к тому же смерзшийся, так что мы без проблем добрались до берега.

– Слушай, а на кой хрен эти тайны? – спросил вдруг Макар. – Почему нельзя было открыто все сказать охране? Настя же твоя ни в чем не виновата, насколько я понял? Почему нельзя пойти и потребовать вернуть ее вещи?

– Я не знаю, Макар... Но почему-то очень этого не хочу... Чужая пьяная компашка, кто знает...

– Но я же с тобой, я еще понимаю, если б ты была одна... А впрочем, так интереснее, да?

– Отвяжись! Дай лучше руку!

– Нет, я пойду вперед, а ты...

– Хватит командовать. О, да тут просто никаких проблем!

В самом деле, ограда была сломана. Мы без труда пролезли через нее. И вдруг услышали голоса.

– Тсс! – Макар прижал палец к губам и затаился.

– Слушай, Русланчик, что за баб ты ко мне возишь? В какое положение меня ставишь?

Я добропорядочный бизнесмен, заруби это себе на носу!

– Ну, какой ты добропорядочный, я лучше всех знаю.

– Это никого не касается! Что за дела! Заперли в бане голую девку, она что подумает, к тому же ее подружка – жена моего служащего...

– Ну и что? И вообще, Юлик, вали в дом! Девка явно мне глазки строила, за что и поплатилась, так я теперь выйду вроде как спаситель, ну и... тем более она там голенькая, замерзла уж, небось, а я ее хорошо согрею... Мало не покажется.

– Ну, смотри, только если с ее головы хоть один волос упадет...

– С головы точно не упадет, это я тебе ручаюсь! – похабно хохотнул Русланчик. – А хочешь, вдвоем ее оприходуем, как бывалоча, а, Валерик?

– Совсем спятил, какой я тебе Валерик? Допился уже! Вот что, вали отсюда к своей ревнивой суке, я сам девушку выпущу!

– А, так ты сам на нее заришься? Так бы и сказал!

– Да нужна она мне! Мне, если хочешь знать, ее подружка покоя не дает. А я к блондам равнодушен. Иди-иди! Нечего тут... Еще трепанешь лишнего, поди, проспись!

– Что будем делать, а? – едва слышно прошептала я.

Макар опять прижал палец к губам.

– Нет уж, девка моя! А ты, как эта... собака на сене... ни себе ни людям. Отдай ключи и вали, сам с девкой разберусь!

– Нет, я кому сказал, Руслан! Не надо мне этого. Больно уж ты невоздержанный стал... Мало чего накосячишь...

– Когда это я косячил?

– А вот недавно... Когда нечаянного свидетеля упустил...

– Да он, небось, так перетрухал, что затаился, никуда не заявил, так что...

– Так это пока...

– Да ну... перебздел мужик, небось, вот и сидит тихо. И дальше сидеть будет. Да, ладно, Юлик, больно надо... Вот твои ключи, иди сам спасай деваху.

И Руслан, пошатываясь, побрел прочь. А Юлиан Григорьевич взошел на крыльцо.

Но тут произошло что-то странное. Макар каким-то молниеносным движением выскочил из засады, не успела я даже оглянуться, как Юлиан вдруг привалился к перилам крыльца и рухнул в сугроб, не издав ни единого звука. Макар выхватил у него ключ, влетел в баню и буквально через две минуты выскочил оттуда вместе с Настей. Я была в полном ошалении. Только успела заметить, что Макар держит в руках какой-то букет.

– Скорее, девчонки, дуйте к машине!

Мы припустились бегом. Но я оглянулась на бегу. Макар банным веником заметал наши следы. И свои тоже.

Мы плюхнулись на заднее сиденье. Буквально тут же появился Макар.

– Все, погнались!

Едва отдышавшись, я спросила:

– Макар, что все это значило? И что ты сделал с Юлианом?

– Слегка отключил. Он был здорово пьян, очнется, ничего не поймет. Решит, что просто уснул в сугробе.

Настю колотил озноб, даже зубы стучали.

– Черт, надо было водки прихватить... – посетовал Макар. – Ничего, сейчас печку включу.

– Полечка, милая, спасибо тебе... И вам, Макар... Мне так жутко было... По-моему, этот Руслан вообще бандит...

– Зачем же ты ему глазки строила? – любопытствовала я.

– Я? Да ты что! Даже не думала... Он такой мерзкий... Но он ко мне прилип, а его баба...

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно! Она такое устроила! Позвала меня и еще двух баб в баню и так расписывала, какой это кайф... Ну, мы и согласились... А потом... – Настя снова разрыдалась... – она так орала, так меня унижала и тех баб стала прямо-таки выпихивать оттуда, вопила, что придет ко мне охранников своего Русика, они со мной разберутся, надо ж и им в праздник удовольствие получить, короче, одна из тех женщин пыталась ее урезонить, но она как ненормальная была, но та женщина успела мне мобильник свой кинуть... Я сидела ни жива, ни мертва, боялась, что и вправду охранники ввалятся. Ужас какой, Полька...

– Да ладно, слава богу, никто не пришел, только мы. Все будет хорошо, Настюха.

– Куда едем? – спросил Макар.

– К деду.

– Ой, как я могу? В таком виде? – всполошилась Настя.

– А домой не боишься?

– Нет. Мне бы до ванной добраться.

– Ладно.

Мы довезли Настю, Макар довел ее до квартиры. К счастью, у меня в бардачке всегда лежат запасные Настины ключи. Она вечно их теряет. Ведь ее сумочка со всеми ключами, деньгами и документами осталась в доме Бекетова. И с этим еще предстоит разобраться.

Макар спустился и сел за руль.

– Ну вот, вроде теперь все в порядке.

– Послушай, Макар...

– Да?

– А теперь рассказывай, что все это значило?

– Ты о чем?

– О твоём более чем странном поведении.

– А что странного? В нашу задачу входило вызволение Насти. Так?

– Так. Но...

– Мы ее вызволили?

– Да.

– Так в чем проблема?

– Макар, я ведь не глухая и не идиотка. Скажи, это не о тебе ли они говорили?

– Обо мне? С какого перепугу?

– Макар, ты что, узнал этого Руслана?

– Да ты что!

– Ну, допустим, я тебе поверю. Но зачем тогда ты вырубил Юлиана, и

к тому же еще заметал следы?

– А для прикола!

– Что?

– Ты вообрази – очнулся Юлиан, а девушка из бани испарилась. Одежонка ее у него в руках, ключ от бани тоже, я сунул его ему в карман. И никаких следов! Вознеслась наша девушка! Вот смеху-то будет! И переполоху!

– Дурь какая-то! Там, между прочим, осталась Настькина сумка с ключами и документами... Надо ж будет как-то ее оттуда добыть. И делать это придется мне.

– Почему тебе?

– Так больше некому! К тому же я хорошо знакома с Юлианом...

– Ну, я думаю, с сумкой проблем не будет. Скорее всего, ее, в худшем случае, второго доставят Насте вместе с букетом цветов и тысячами извинений.

– Да, это возможно...

– Ты говоришь, в сумке были ее ключи?

– Да.

– Я бы на всякий случай поменял замки. А то мало ли...

– Ты полагаешь, этот Юлиан может полезть к Насте в квартиру?

– Юлиан – нет. Да, вот еще что... Он же спьяну сказал, что ему не дает покоя Настина подружка. Это, часом, не ты?

– Я? Глупость какая. Никогда ничего такого не замечала, просто пьяный бред.

– Ну, предположим... Кстати, вам с Настей надо выработать какую-то легенду.

– Какую еще легенду?

– Как она оттуда выбралась?

– Не стану я ничего придумывать! Скажу, как было. Только про тебя упоминать не буду, и все дела. Я сделаю вид, что восприняла это все как милую новогоднюю шалость... Чтобы все спали спокойно. И ты в том числе.

– Ты это о чем?

– О том, что ты ведь узнал Руслана! И эти люди чрезвычайно опасны. Поэтому лучше, чтобы все было тихо-мирно.

– Да ерунда. Никого я не узнал.

– Скажи, а Юлиан тоже там был?

– Где?

– Не придуривайся. В лесу?

- Странно, никогда не любил умных женщин. А теперь напоролся...
 - А кто ты такой, Макар?
 - Как кто? Судовой врач, только и всего.
 - Да нет, ты какой-то... Джеймс Бонд... для бедных.
 - Почему для бедных? – фыркнул он.
 - А почему Джеймс Бонд, ты не спрашиваешь?
- И тут зазвонил мой мобильник. Вадим.
- Поляша? Ты где? Что за безумие? Куда ты умчалась?
 - Я через десять минут буду. Все в порядке.
 - Почему ты мне ничего не сказала?
 - Ты спал, как младенец. А я и сама справилась. Все, Вадюш, я скоро.

С Новым годом!

Я отключила телефон.

- Макар, я довезу тебя до твоей машины, и езжай куда хочешь.
- У тебя голос был такой... теплый, когда ты с ним говорила... – как мне показалось, с тоской проговорил Макар.
- Естественно. Он мой муж. И хороший парень.
- А я?
- А ты... Пока не поняла. Знаю только, что страшно хочешь казаться эдаким загадочным мачо...

Он как-то странно рассмеялся.

– Ладно. Поживем – увидим.

Я довезла его до машины.

– Спасибо тебе за помощь, Макар! Без тебя могло черт знает что получиться.

– О, значит, все же на что-то сгодился псевдомачо? Я польщен! Но прими один совет.

– Слушаю тебя.

– Держись подальше от этой компании.

– Боюсь, не выйдет. Вадим у него работает. Рассказывать о сегодняшнем приключении мужу я не стану. Не поймет. И, главное, не поверит. Но я сама буду начеку. Ты прав.

– И запомни. Если вдруг понадобится помощь псевдомачо, обращайся! Я люблю тебя, Полина!

И с этими словами он выскочил из моей машины.

Странно, но его признание меня отчего-то не очень взволновало. Вероятно, я слишком устала сегодня. До квартиры деда я еле доплелась. Вадька кинулся мне навстречу.

– Сумасшедшая, куда ты моталась? Разве так можно? Что стряслось?

– Вадь, сил нет, так устала, язык не ворочается. Завтра расскажу. Вызывай такси. Я больше за руль не сяду, а ты много выпил.

– Да, это разумно.

Он пошел вызывать машину, а я заглянула на кухню. Гости уже почти все разошлись. Анфиса Васильевна прибиравала посуду.

– Ну что, догнал тебя этот синеглазый?

– Догнал. И здорово помог. Спасибо вам, Анфиса Васильевна.

– Да за что? Ох, Полина, не даст он тебе покоя. Шалый он малый...

– Как вы сказали? Шалый малый? В самую точку. Действительно шалый малый...

Первого января часа в два, когда мы только еще продрали глаза, зазвонил мой мобильник. Юлиан!

– Полиночка, с Новым годом!

– С Новым годом, Юлиан Григорьевич!

Вадька вытаращил глаза.

– Полиночка, простите ради бога, что беспокою в праздники... Но тут у нас вышла какая-то идиотская история...

– Да я в курсе. Ничего страшного.

– Вы о чем? – осторожно осведомился он.

– О Насте.

– А она... в порядке?

– Да. В полном порядке.

– Но... каким образом?

– Да все элементарно! Она мне позвонила, хохочет-заливается Мол, помоги, Полька, меня тут в бане заперли... Ну, я и мотанула.

– Это вы ее забрали?

– Ну да. Там же ключ под ковриком лежал. Я когда примчалась, она вообще спала... Еле добудилась.

– Но... дело в том, что ее сумочка у меня и телефон...

– А там кто-то телефон забыл, вот она мне и позвонила.

– А не проще было бы позвонить мне?

– Так мой телефон она наизусть знает, а ваш нет. Все просто, Юлиан Григорьевич.

– Но почему же вы мне не позвонили, а помчались сами ее спасать из заточения?

– А... вот тут, признаюсь, сглупила! От шампанского ум за разум зашел, адреналин, то-се... попросту не сообразила.

– И вы одна поехали ночью за город?

– Именно! Сейчас сама удивляюсь, надо ж быть такой идиоткой, пьяная села за руль и на полной скорости сквозанула. Могла ведь расшибиться. У меня от шампанского бывает такое... Море по колено и все нипочем!

– Но мне охранники ничего не сказали.

– А неинтересно было через ворота-то. Я с берега через кусты полезла... И мы с Настькой так хохотали... И, знаете, даже баннным веником следы замели...

– Господи, просто камень с души! Я как увидел, что Настенька пропала, стал выяснять, ну и узнал, что какая-то корова ее в бане заперла без вещей, бросился ее спасать, а там уж никого... И следов нет, а вы, шалуны, их веником замели... – с облегчением расхохотался он. – Тогда я немедленно пошлю Настеньке сумку и тысячи извинений. Она дома, или лучше вам прислать?

– Лучше мне, она куда-то сегодня еще собиралась. Но мы с Вадимом к восьми тоже в гости поедem...

– Через час все будет вам доставлено! Кстати, Полина, ваша работа имела просто бешеный успех!

– Спасибо, Юлиан Григорьевич, мне приятно.

– Ну, вы сняли камень у меня с души. Я высылаю Василия к вам.

– Хорошо.

– И огромный привет Вадиму.

– Непременно! Только он еще спит.

– Всего наилучшего, Полина, в Новом году, успехов во всем!

– И вам тоже, Юлиан Григорьевич!

Я положила трубку.

Вадим смотрел на меня безумными глазами.

– Что это все значит?

– Ты уже забыл, что задрых у деда в мастерской? И я одна моталась к Юлиану за город.

– Но... Давай, все подробно рассказывай!

Ага, щас!

– Вадь, но ты ведь только что все слышал, неохота снова эту дурь повторять...

– А все именно так и было?

– Конечно!

– И вы, две идиотки, заметали следы?

– Именно!

– Вот дуры! Вроде взрослые женщины, а ведете себя как школьницы...

Да, а куда девался этот...

– Кто?

– Ну как его... Макар?

– А я почему знаю? Я когда уезжала, он охмурил Веру Соломоновну. А когда приехала, ни ее, ни его уже не было.

Вера Соломоновна была знойной женщиной лет сорока пяти, преуспевающей галеристкой, которая всегда бывала у деда на всех праздниках.

– Выходит, охмурил-таки?

– Похоже на то!

Ох, как я устала от лжи во спасение!

И тут мне пришло в голову, что как встретишь Новый год, так его и проведешь! А я Новый год встретила ох как бурно и даже, пожалуй, опасно. Так что же со мной будет в новом году?

Часть вторая. В Новом году

Бесконечные новогодние праздники – сущее наказание для любого бизнеса. И для нашего с Настей в частности. В конце января у нас намечалась очередная пышная свадьба, а жених с невестой усвистели куда-то кататься на лыжах, поэтому согласовывать все приходилось с мамой невесты, она, к счастью, оказалась женщиной вполне вменяемой, но все-таки то и дело возникали какие-то проблемы, связанные с тем, что многие фирмы просто не работали. А потому после одиннадцатого мы уже крутились, как белки в колесе. Тем более что за это время поступило еще несколько заказов и некоторые из них были, что называется, горящими. И у Насти тоже дел было невпроворот, она чуть ли не каждый день делала торты на заказ. К юбилеям, дням рождения детей и т.д.

– Поль, я зашиваюсь! – стонала она. – Вот не думала, что такое возможно! Даже не успеваю тебе помогать...

– Ладно, как-нибудь! Если так и дальше пойдет, надо будет нанять тебе какого-нибудь помощника, так сказать, на черную работу.

– Да разве я доверю кому-нибудь? Помнишь, на первой свадьбе я делала торт с анютиными глазками?

– И что?

– А там еще кондитер местный был, который чуть что говорил: «Забодай тебя баран!» – так он мне все советы давал... Если б я его слушалась, торт нельзя было бы в рот взять. А он кондитер с опытом, с кучей дипломов...

– Ну, тогда не ной!

– Я знаешь, чего разнылась?

– Голодная?

– Ага! А у нас ничего нет...

– Тогда пошли обедать! Я тоже проголодалась, тем более на улице мороз, а я в мороз зверски хочу есть!

И мы пошли обедать в ресторанчик, расположенный в соседнем переулке. После Нового года у нас практически не было возможности спокойно пообщаться, все на бегу и на скаку. Поэтому, когда мы сделали заказ, я сразу потребовала:

– Насть, ну рассказывай!

– О чем?

– Как Новый год встречала.

– Поль!

– По-моему, я заслужила право узнать все в подробностях.

– Ох, Полька... Я такая идиотка...

– Это факт известный. Но что там было-то?

– О, сначала это был сплошной гламур! Такие гости, такие дамы, такие меха-брильянты, я себя просто чумичкой чувствовала... Правда, все вроде как люди воспитанные, тонкие, твоими елками восхищались, словом, красота... И вдруг появился этот Руслан со своей бабой. Видела бы ты ее... Такая хабалка вся в золоте... волосы травленные, брови нарисованные... Юлиан был в шоке. Чувствовал себя жутко неловко. Гости, по-моему, недоумевали. А Руслан вдруг на меня глаз положил, начал приставать, да так назойливо, мерзко... Ну, я старалась его как-нибудь поделикатнее отшить, а он все напирает... Я уж не знала, куда деваться... А тут Таня Трунова...

– Это кто?

– Артистка, в сериалах снимается, милая такая, она замужем за каким-то бизнесменом, вдруг предложила пойти в баню, мол, это кайф такой... на берегу реки, там прорубь есть, ну я и подумала, лучше с бабами в прорубь, чем от этого поганого мужика отбиваться, а там эта хабалка разбушевалась... Вот и все, собственно, а дальше ты сама все знаешь. Мне так жалко было Юлиана...

– С ума сошла?

– Ну, он же не виноват, что к нему такой тип незваным появился.

– Виноват! Если к тебе такие гости заявляются, значит, ты это заслужил! И вообще он все-таки какой-то темный тип...

– Да ну, он нормальный. Такой обходительный...

Я хотела рассказать Насте, что Макар, похоже, узнал Руслана, но решила ее не пугать. Зачем?

– Поль, а скажи...

– Если ты насчет Макара, то у меня с ним ничего нет, и не было.

– Но он же такой клевый!

– Знаешь, как Анфиса его назвала? Шалый малый!

– Здорово! Очень ему подходит.

– Согласна.

– Но он же в тебя по уши.

– Ну и что?

– И ты совсем даже о нем не думаешь?

– Нет, – покривила я душой. Я не мечтала о нем, но опасалась, что он может выкинуть что-то...

- Какая ты, Польшка... Как оловянный солдатик.
- Стойкая, что ли? – засмеялась я.
- Ну да. А ты о нем хоть что-то знаешь?
- Да нет... Но он мне внушает подозрения. И кстати, деду тоже.
- Какие подозрения?

– Понимаешь, он... Вот когда мы ехали за тобой, нас тормознул гаишник. Начал что-то плести, а Макар показал ему какой-то документ. Тот по струнке вытянулся и сразу нас отпустил.

– Ну, подумаешь, вот мама любит рассказывать, как они с отцом поехали на машине в Киев, еще в советские времена. А папа обожает скорость, ну его и останавливают... А он говорит гаишнику: «Извини, браток, спешу в гости к генералу Василишину». Тот сразу честь отдает и отпускает. Мама в полном недоумении. Спрашивает, кто такой генерал Василишин? Оказалось, папа где-то краем уха слышал, что в Киевской ментуре есть такой генерал. Вот и все. А у маминоного брата было блатное удостоверение МВД, он всегда его показывал гаишникам, и всегда его отпускали. Так что это ни о чем не говорит.

– Может, и так... А как он вырубил Юлиана?

– Ну, милая, сейчас каждый третий знает всякие приемчики. Я еще могу понять, что такая фигня приходит в голову твоему деду, советские люди на этом были повернуты, а вот тебе...

– Не знаю я ничего, Настька. Но была очень рада, что он со мной увязался.

– Еще бы... Слушай, а почему ты Юлиану все в таких красках обрисовала, сплошной, видите ли, прикол?

– Инстинкт самосохранения, Настька. Так лучше.

– Почему?

– Настя, выключи дуру! И включи чувство юмора! Помогает...

В этот момент у Насти зазвонил телефон. Она взглянула на него.

– Эдька! Алло, Эдик! Да... Что? – глаза у Насти полезли на лоб. – Эдь, она что, рехнулась? И у нее этот иск приняли? Вот кретинка! Ну, и ты тоже хорош! Не мог внушить этой корове... Вот-вот, постарайся! А иначе больше никогда мне не звони! Тьфу!

– Что случилось?

– У тебя воображения не хватит!

– Почему? Я все поняла.

– Что ты поняла?

– Эта белая задница Туманова подала на меня в суд?

– Как ты догадалась? – опешила Настя.

– Тоже мне теорема Ферма... Эдька ее юрист. Ты на него вызверилась. Говорила о каком-то иске... Делов-то!

– И ты так спокойна?

– Как пульс покойника!

– Но почему?

– Этой кретинке нужен пиар! И нам тоже сгодится. Причем платить за него будет она и немало, а мы задаром попользуемся. К тому же у меня есть координаты того журналиста, который снимал эту прелестную сцену, так что мы спокойно можем подать встречный иск!

– Но что она может тебе предъявить?

– Могу лишь догадываться. Скорее всего, срыв презентации, хотя, насколько я знаю, презентация состоялась. И кругом было еще полно свидетелей... Так что, Настя, бояться нечего.

– Но ты же знаешь наше правосудие!

– Настя, при чем тут правосудие? Это дело далеко не уголовное. На самый худой конец она потребует возмещения ущерба. Боюсь, ей любой судья в этом иске откажет. А Эдька твой, видно, совсем хреновый юрист, если нашел работу только у этой идиотки. И еще не смог объяснить ей... Хотя таким бабам сложно что-то объяснить. Они упертые, а эта особенно. Словом, не волнуйся. А в случае чего дед позвонит Генри Резнику, он с ним хорошо знаком...

– И станет Резник такой чепухой заниматься?

– Нет, конечно. Но порекомендует толкового адвоката. Хотя я и сама обойдусь.

– Ох, ты и крутая, Полька! А я как слышу про суд, у меня сердце болеть начинает.

– Принимай валидол!

– Да ну тебя...

Четырнадцатого января Вадим улетал в Копенгаген. Аккуратно сложил свои вещички в чемодан от Луи Виттона и уехал. Я хотела его проводить в аэропорт, но он категорически воспротивился.

– Поляша, зачем? Не на войну же провожаешь, а в командировку. Поеду на аэроэкспрессе, чтобы в пробках не торчать. А у тебя и так со временем засада.

– Это правда, – согласилась я, хотя мне почему-то было грустно. Впрочем, времени у меня и вправду мало.

Вадим улетел, предположительно, на две недели. Но зато не надо ничего готовить. О, я умею во всем находить хорошую сторону.

Мы с Настей крутились, как белки в колесе. И вдруг мне позвонил Бекетов. Интересно, что ему еще понадобилось?

– Полина, дорогая, как ваши дела?

– Идут, спасибо, Юлиан Григорьевич.

– Полиночка, у меня к вам есть одно очень важное дело, вернее, интересное предложение.

– Слушаю вас.

– Ну, это не телефонный разговор. Может быть, встретимся?

– Ой, у меня столько дел сейчас... Это что-то срочное?

– Ну, в общем, да. А вечером вы свободны?

– Сегодня нет, еду за город и вернусь поздно.

– За город? Не в мои ли края?

– Нет, совершенно в другой конец. А вот завтра вечером, пожалуй, смогу.

– Хорошо. До завтра время терпит. В таком случае в восемь часов в «Туманном Альбионе». Знаете, где это?

– Найду.

– Значит, договорились?

– Конечно. Но, сами понимаете, в Москве пробки, могу и опоздать, хотя опаздывать ненавижу.

– До завтра, Полиночка!

И он отключился.

– Насть, знаешь такой ресторан «Туманный Альбион»?

– Знаю. Говорят, немислимо дорогой и роскошный. А что?

– Меня Юлиан пригласил. Говорит, какое-то дело, которое нельзя обсудить по телефону. Что бы это могло быть?

– У меня есть версия.

– Ну?

– Хочет, небось, устроить какой-то сюрприз своей даме.

– А у него есть постоянная дама?

– Надо полагать.

– А она была тогда у него?

– Ну, я не уверена... Была там одна красотка из какой-то девичьей группы... Он вроде за ней увивался.

– Ну, если пригласил на Новый год и увивался, то, похоже, ты права. Ладно. Еще один заказ нам не помешает, тем более он хорошо платит.

– Это правда. Поль, только в «Альбион» нельзя вечером явиться в джинсах. Не поймут.

– Думаешь?

- Уверена. Это такое пафосное место...
- Ну, в вечернем платье я туда точно не поеду. Но и джинсы надевать не стану, хорошо, что предупредила. Вот только мне пришло в голову, что ничего хорошего от этой встречи ждать не следует.
- Почему? – крайне удивилась Настя.
- Смущает туман.
- Какой туман? – обалдела Настя. – Ты чего?
- Аделаида Туманова, а теперь «Туманный Альбион».
- Да ну тебя, вечно ты...

Но у меня появилось какое-то нехорошее предчувствие. Однако по зрелом размышлении я пришла к выводу, что это чистой воды дурь. Я вспомнила свои страхи на собственной свадьбе. Чепуха на постном масле. Интуиция вообще не моя сильная сторона.

Утром я задумалась, что бы мне такое надеть. Запищал телефон. Эсэмэска. Я открыла.

«Ваш муж улетел не один. Он уже два месяца спит с Кариной Новиковой».

Так, очень интересно. Номер доброжелателя, конечно, не определился. А кто такая Карина Новикова? Меня затошнило. Я почему-то не очень поверила этому сообщению. Я ровным счетом ничего не замечала. Вадим мужчина сильный, страстный, но неужто у него еще есть силы на какую-то Карину? Я никак не могу пожаловаться на недостаток сексуального внимания. Впрочем, может, я не знаю его истинных возможностей... Но это все так неприятно, так противно... Тьфу! Настроение упало ниже плинтуса. Вероятно, Карина Новикова работает вместе с Вадимом... Так вот почему он не захотел, чтобы я его провожала. Отлично, я сегодня все узнаю! Просто спрошу у Юлиана, кто такая Карина Новикова. Так, между прочим. Неужто Вадька так быстро начал мне изменять? Или это инерция вольной жизни? Мне об этом говорила, кажется, Адочка... Да, день начался совсем хреново.

- Поль, что с тобой? – сразу заметила мое состояние чуткая Настя.
- Мигрень. – Зачем посвящать ее в такую пакость?
- Прими пенталгин. У тебя есть?
- Уже приняла. Пока не помогает.
- Сегодня говорили, что будет магнитная буря.
- А!
- Значит, ты метеопатка.
- Значит, метеопатка. И дальше что?

- Поль!
- Извини.

Но тут в офис явилась заказчица, и мне пришлось заняться ею. К счастью. Мысли переключились на другое.

Вечером, совершенно издерганная, я поехала в «Туманный Альбион», расположенный в одном из Арбатских переулков.

Там и вправду все было очень пафосно, но совершенно безлюдно. Странно, супердорогие рестораны в Москве, как правило, по вечерам битком набиты. А тут... Меня провели во второй зал, где из-за столика навстречу мне поднялся Бекетов. Он выглядел чрезвычайно элегантно, и стол был накрыт, как на приеме у английской королевы.

- Полиночка, счастлив вас видеть. Но у вас измученный вид...
- Тяжелый день. И магнитная буря.
- Магнитная буря? – рассмеялся он. – Не рановато ли?
- Рановато. Но что поделаешь...
- Вам надо выпить коньяку, расширяет сосуды. Вы какой предпочитаете?
- Я за рулем.
- Это не должно вас смущать. Мой водитель вас отвезет. Так что не волнуйтесь, выпейте и расслабьтесь после тяжелого дня.
- Да, пожалуй, я выпью... Вы правы.
- И поешьте... Вы же наверняка ничего сегодня не ели, такая бледненькая... Здесь отличная кухня.
- Да, спасибо... Юлиан Григорьевич, так какое у вас ко мне дело?
- О! Разговаривать о делах с женщиной, которая целый день не ела, у которой от голода разламывается голова, – это не по-мужски. Успеется. Вот, попробуйте... Вы любите устрицы?
- Люблю.
- Умница! А то наши девушки, как правило, закатывают глазки, морщат носики и говорят: «Они живые! Фи, какой кошмар!»
- Юлиан Григорьевич, я несколько лет жила в Париже, и рядом со школой, где я училась, был маленький рыбный ресторанчик.
- Понял! Вы из школы бегали в ресторанчик?
- Это была другая школа... Там я училась своей профессии.
- А, вот откуда этот вкус, этот французский шарм...
- А устрицы здесь отличные!
- Рад, что вам нравится. Хотя к устрицам лучше бы белого вина... Но вам сейчас надо коньячку... О, вот вы уже и порозовели...

– Юлиан Григорьевич, а кто такая Карина Новикова?
– Карина? Наш сотрудник, в высшей степени толковая особа. А почему вы спросили?

– Да так... Вадим сказал, что вроде едет с ней в Копенгаген...
– Совершенно верно. Они втроем поехали: Вадим, Кариночка и Николай Львович. Боже, Полина, неужто вы ревнуете?

– Нет, с какой стати?
– Действительно, с какой стати столь обворожительной женщине ревновать мужа к какой-то Карине Новиковой, – как-то странно рассмеялся он.

Я вдруг здорово захмелела. И выпила-то всего ничего, две рюмки коньяка... Впрочем, здесь его наливали, конечно же, не в рюмки, а как положено, в большие подогретые бокалы, где коньяк плескался на доньшке.

– Вы любите мужа, Полина?
– Да.
– А если бы он вам изменил?
– Ну... если бы да кабы...
– Полина, я хочу выпить за вас.
– Зачем?
– Какой странный вопрос? – рассмеялся он. – Зачем пьют за прекрасных женщин?

– Ну, я не такая уж прекрасная... Самая обычная, не очень даже красивая...

– Полина, вы напрашиваетесь на комплимент. И дело вовсе не в красоте. Но... оставим эту тему, я пригласил вас, чтобы предложить вам один проект...

– Слушаю вас внимательно.
– Вы бывали на Майорке?
– Да. А что?
– Там, в Пальма-де-Майорка, есть одно заведение, не помню точно, как называется...

– О, я знаю, о чем вы говорите! Названия тоже не помню, там все украшено или цветами, или фруктами и декор постоянно меняется, да?

– Именно! Вы поняли меня! Я хочу открыть такое же заведение в Питере. Там скверный климат, мало солнца, а в такое заведение люди будут ходить с наслаждением.

– Но там ведь, кажется, не подают еды. Только десерты, напитки, мороженое.

- И прекрасно!
- И вы хотите, чтоб я...
- Конечно, кто же, если не вы?

От восторга у меня закружилась голова. Это было самое интересное предложение в моей жизни! Я о таком и не мечтала.

- И у вас уже есть помещение?
- Есть.

– Но ведь в Пальме этот бар находится в историческом здании. Там такой интерьер...

– Ну, дорогая, в Питере подобный интерьер мне взять негде, да и к чему нам копировать Майорку? Это просто пример.

– Да, да, конечно. Ох, как здорово... И как часто можно будет все менять?

– По мере необходимости... По сезону, но в принципе, когда уже все будет налажено, полагаю, довольно одного раза в неделю. Это же не проблема, раз в неделю съездить в Питер?

– Да, действительно. Но где это помещение?

– На Мойке. Совсем рядом с Невским.

– Боже!

– То есть, вы согласны?

– Господи, это же мечта... Но надо выработать какой-то принцип. Сезонный, например.

– А мне кажется, не нужно никакой конкретной привязки. Вот что вам вздумается, то и делайте!

– А что, так и вправду лучше! – безмерно воодушевилась я. – Во-первых, буду исходить из реальных возможностей на определенный момент, ну и вообще... что в голову взбредет. Господи, я и не мечтала о таком...

– Вот и чудесно! Теперь вы не станете спрашивать, зачем за вас пить?

– Не стану!

– Ох, как у вас глаза горят... С ума сойти можно. А теперь поговорим о конкретике. Помещение готово. Когда вы сможете поехать в Питер?

– Послезавтра.

– Вот и езжайте. Билет вам доставят в офис и в Питере вас встретят. Сколько вы сможете там пробыть?

– Думаю, двух дней хватит, чтобы понять...

– Отлично. Вам забронируют гостиницу. В вашем распоряжении будет машина с водителем.

– А когда вы планируете открыться? И что все-таки это будет? Бар?

Кафе? Ресторан?

– Пожалуй, кафе. Чтобы там можно было хоть что-то съесть, выпить кофе... В Пальме это заведение открывается в восемь вечера, а в Питере с его климатом это было бы неправильно. И вообще, туда должны ходить мамы с детьми.

– Да, я как раз хотела сказать... это не должно быть местом для очень богатых, избранных...

– Так я и задумал. А может быть, Настенька возьмется наладить там кондитерский цех? Чтобы наше заведение славилось еще и своими пирожными, как когда-то «Норд»? Помню, мы с моей девушкой мотались из Москвы в Ленинград поесть в «Норде» профитролей...

– Ну, я про это только слышала от деда. Но, думаю, Настя с удовольствием.

– Чудесно, девушки! У вас останется время и на свой бизнес. Насте достаточно будет, допустим, раз в два месяца проводить, так сказать, мастер-класс!

– Юлиан Григорьевич, нужна реклама!

– Об этом не беспокойтесь! Весь Питер будет увешан рекламой.

Его водитель действительно отвез меня домой. Я пребывала в совершеннейшей эйфории. Строила воздушные замки. Даже спать не могла, все придумывала, что бы такое сделать для начала? Как поразить питерцев? Чем? Летом среди зимы или какой-то сумасшедшей экзотикой? А вот летом, если будет жара, надо устроить что-то зимнее, чтобы душа отдыхала... Словом, я фонтанировала идеями и вдруг, уже под утро, потеряв надежду уснуть, я подумала: а ведь судьба опять меня толкает к Макару! Я буду регулярно бывать в Питере, и он наверняка об этом узнает. Ну и что? Есть ведь еще Карина Новикова, и что прикажете с этим делать?

– Ну, чего от тебя хотел Бекетов? – встретила меня Настя.

– Настька, ты даже вообразить не можешь! Он мне такое предложил!

И я пересказала подруге свой разговор с Бекетовым.

– Ну, ни фиги себе! – поразилась Настя. – А я, кстати, знаю в Питере одного гениального парня, мы с ним вместе в Вене учились...

– Настька, а может, потом мы и в Москве что-то подобное откроем, а?

– Кто знает! Вчера ты и подумать о таком не могла, а сегодня...

Ровно в двенадцать мне привезли билет на «Сапсан», который отходит около четырех. Отлично. Вечером буду в Питере, а утром... начнется новый жизненный этап. Я позвонила мужу. Голос у него был кислый.

– Поляш, я соскучился!

– Ты чего такой невеселый?

- Да тут хрень такая... Не разгрести. Наши так накосячили...
- Вадь, откуда блатной жаргон? От кого набрался?
- Поляш, не придирайся к словам. Скажи лучше, как ты?

Я хотела рассказать ему о предложении его шефа, а потом решила – рано. Вот смотаюсь в Питер, тогда и буду говорить. А пока – молчок!

– Поль, а билет-то в первый класс, – сообщила внимательная Настя, когда я отключила телефон. – Бешеных денег стоит, говорят, там кормят, как в ресторане... Интересно, в какую гостиницу тебя поселят?

- Да ладно, в какую бы ни поселили, меня это не кольшет!
- Полька, а ты Макару будешь звонить?
- Еще чего!
- А как же синие глаза?
- А что синие глаза? Пусть себе синеют.

– Ох, Полька... Ты такая цельная натура! Такая храбрая, я просто перед тобой преклоняюсь.

- Еще не хватало! Преклоняется она, дура набитая.
- И не обижаюсь на тебя.

– Насть, ты хочешь сообщить мне какую-то пакость и поэтому несешь всякую чушь? Ох, по глазам вижу, что права. В чем дело-то?

- Поль, тут на почту сообщение пришло... тебе...
- Неужто про Карину Новикову?
- А ты уже знаешь? – ахнула Настя.
- Конечно, меня еще вчера поспешили порадовать.
- И что?
- А что? Ничего. Бывает.
- Что бывает?
- Все. И измены мужа тоже бывают.
- То есть ты сейчас говорила с Вадькой, уже зная про эту Карину?
- Конечно.

– Ну, ты даешь! Я бы так не могла...

– Насть, а какой смысл скандалить или убиваться? Только семью разрушать. Мне говорили, что у поздно женящихся мужиков сохраняется инерция...

- Какая инерция?
- Вольной жизни. Охоты на баб. Пройдет.
- Поль, так нельзя! Уведут же!

– Ну, если уведут, то я сама буду в этом виновата. И вообще, может быть, это еще и вранье, может, эта Карина просто расчищает себе дорогу. А Вадька и знать про это не знает.

- Но когда он приедет, ты у него спросишь?
- Да боже упаси! Зачем? Я и так пойму.
- А если поймешь, что он...
- Промолчу. Но зато у меня будет козырь в рукаве.
- Нет, я не понимаю... Ты, видимо, совсем его не любишь. Ты просто дала себе установку – быть хорошей женой, сохранять брак. А если бы ты его по-настоящему любила... Но тогда я не понимаю, почему ты не хочешь встречаться с Макаром?
- Насть, тебе что, думать больше не о чем?
- Да, ты права, извини!
- Пойми, чудачка, у меня сейчас все мысли в Питере не из-за синих глаз Макара, а из-за этого кафе.
- Ох, я бы так не могла...

В первом классе «Сапсана» помимо всего прочего выдавали еще и тапочки. Я с наслаждением сняла сапоги. Обычно в поезде или в самолете я сразу засыпаю, но тут сна не было ни в одном глазу. Я была так захвачена новым проектом, что все остальное отступало на второй план. У меня уже созрело несколько идей для открытия, но остановиться на чем-то не получалось. Я то и дело возвращалась мыслями к бару в Пальме, я была там с Аркадием. Стоял сентябрь, и основной темой декора были плоды. Овощи, фрукты, ну и осенние цветы тоже... Я была в полном восторге, но разве могло мне в голову прийти, что я сама буду делать что-то подобное и где? В Питере! Поневоле голова шла кругом. Ах, какой же молодец этот Бекетов! И как мы с ним поняли друг друга... Да, он не просто богатый бизнесмен, он творческая натура. И елки мои он оценил. Да, мне повезло, мне сказочно повезло, более интересной задачи и не придумаешь... И ведь надо все время быть в тонусе, все время что-то придумывать... Это просто счастье!

Вот в таком радужном настроении я сошла на перрон.

– Полина? – окликнул меня молодой человек удивительно неприметной наружности. Такого через пять минут встретишь и уже не узнаешь.

– Да. Это я.

– Здравствуйте, я Варламов и сейчас отвезу вас в гостиницу.

– Спасибо.

Он взял у меня дорожную сумку и повел на стоянку. Было здорово холодно. Похоже, я как-то легкомысленно оделась. Ну да не страшно, в моем распоряжении будет машина.

Мы подъехали к «Астории». Ни фиги себе!

Номер был супер шикарный, двухкомнатный, окна выходили на площадь. По-моему, Бекетов перестарался. Зачем такая роскошь? Мне вдруг стало как-то неуютно. Ну, ладно, билет первого класса, но люкс в «Астории», это уже перебор.

– Полина, вас все устраивает? – спросил неприметный.

– Более чем, спасибо.

– Завтра в десять я за вами заеду.

– Отлично. До завтра.

Я решила сегодня уже никуда не ходить. Есть не хотелось. Я приняла душ, надела белый махровый халат и решила включить телевизор. Побегала по каналам и вдруг наткнулась на какой-то очень старый советский фильм. Гражданская война, пустыня... И тут же началась реклама. Я заглянула в минибар. Нашла маленькую бутылку белого вина и пакетик соленого миндаля. Ах, хорошо! То, что надо! И тут реклама кончилась. И на экране возник титр: «Сорок первый». Никогда не видела этот фильм, только слышала о нем. Вот и посмотрю. Меня увлекла эта история. Но вдруг героиня кричит герою: «Синеглазенький!» И хотя Макар ничуть не напоминал Олега Стриженова, почему-то тревожно екнуло сердце. И отчетливо вспомнились его слова: «Держись подальше от Бекетова!» Я выключила телевизор. Не хочу я думать о Макаре, о его предостережениях. «Держитесь подальше от торфяных болот!» Тоже мне... Но непрошенные мысли уже лезли в голову. Вспомнился подслушанный новогодней ночью разговор с Русланчиком. Ну и что? Сейчас у Бекетова очень крупный и вполне легальный бизнес, мало ли что там было в прошлом. Да у нас какого крупного бизнесмена ни возьми, через одного люди с криминальным прошлым. Ну, что делать, такова специфика страны и определенного исторического периода. Я лично пока от Бекетова ничего плохого не видела. Да и Вадька тоже. К тому же... Да, но я своими ушами слышала, как Бекетов упрекнул Руслана в том, что он упустил невольного свидетеля. Свидетеля чего? Конечно же, преступления... И что же мне делать? Просто забыть об этом разговоре? Мало ли что говорят люди на пьяную голову... И недаром подслушивать чужие разговоры считается как минимум дурным тоном. Но я ведь не собиралась ничего подслушивать... Запищал мобильник. «Вадим спит с Кариной». А может, и вправду? Стало как-то тоскливо. Ну, что за радость слать такие эсэмэски? Кому это надо? Я стерла эту пакость, заодно почистила и другие сообщения. И вдруг, сама того не желая, набрала номер Макара. Он откликнулся сразу.

– Полина! Это ты?

– Я. Привет.

– У тебя что-то случилось? – у него был такой теплый голос... – Скажи, я могу помочь?

– Нет, Макар, ничего у меня не случилось, наоборот, у меня все хорошо, даже прекрасно. Я в Питере.

– В Питере? – задохнулся он. – Не может быть! Ты в Питере и ты мне позвонила! Где ты?

– В «Астории».

– Ишь ты! Круто! А что ты там делаешь? Хотя нет, я сейчас приеду!

– Нет, Макар, ни в коем случае.

– Ты не одна?

– Я одна. Но я здесь по делу и...

– Я понял, ты не хочешь, чтобы меня видели в отеле. Тогда давай встретимся и немножко погуляем по Питеру или посидим где-то... Я так смертельно хочу тебя видеть... Время детское, половина одиннадцатого всего. Поля, умоляю тебя!

– Ладно, не умоляй! Через сколько ты сможешь добраться?

– Через полчаса.

– Хорошо, через полчаса я спущусь.

– Я позвоню, как подъеду. Господи, какое счастье!

Вот и прекрасно! Я сразу обозначила границу, переступить которую мы не должны, встретимся на нейтральной территории, поболтаем, я не буду чувствовать этой подступившей к горлу тошноты. Карина Новикова! Пусть! Выставляем на кон против Карины Новиковой в постели Макара Плетнева всего лишь в баре!

Я быстро оделась, подкрасила немножко глаза и губы и спустилась в холл. Села в кресло, и почти тут же позвонил Макар. Я вылетела на улицу.

– Поля, милая моя, как я счастлив!

– Привет, Макар! Ох, какой ветрище с Невы!

– Садись скорее в машину!

Когда он сел рядом, лицо у него было взволнованное и счастливое.

– Полечка моя, надо же, позвонила... – он погладил меня по щеке. – Что тебя привело в наши края?

– Дело!

– Очередная свадьба?

– Нет, куда интереснее! – И я рассказала ему о поступившем мне предложении, ни словом не упомянув о Бекетове. Зачем? Мухи отдельно, котлеты отдельно.

– И ты будешь регулярно бывать в Питере?

- Ну, если все сладится, да.
- Невероятно...
- Макар, а ты вообще когда-нибудь бываешь в плавании?
- Бываю, но лишь тогда, когда сам этого хочу.
- А разве так можно?
- Можно. Я ж не служу на флоте. Я вольный казак с голландским дипломом. Что хочу, то и делаю.
- А чем же ты, прости, на жизнь зарабатываешь?
- О, разными вещами. Сейчас вот, например, в соавторстве с одним человеком пишем сценарий сериала о кругосветном плавании. Здорово интересно.
- А песни?
- Что песни?
- Ты их больше не пишешь?
- Давненько не писал.
- Жаль! Ты такой многогранный тип...
- Полечка моя... Разве мог я подумать, что сегодня буду сидеть с тобой в машине? А кстати, чего мы тут сидим? Поехали куда-нибудь?
- Куда?
- А куда хочешь? Скажи вот, чего тебе хочется? Пить, есть, танцевать?
- Нет, просто сидеть и разговаривать... И еще... Я выпила бы чаю.
- Вот, это уже какая-то конкретика, – и он завел мотор. А мне страшно понравилось, что он не стал зазывать меня к себе.
- Мы приехали к маленькому симпатичному кафе. Он заказал мне чай с тортом, а себе кофе.
- Поля... Почему ты мне позвонила?
- Просто вспомнила про своего спасёныша.
- Как ты сказала? Спасёныш? – засмеялся он.
- Это Настя придумала.
- Молодец Настя! Поля, знаешь, ты странная...
- Чем это?
- С одной стороны храбрая, даже безрассудная, а с другой такая... на все пуговицы застегнутая...
- Да уж какая есть. А ты, кстати, тоже такой... С одной стороны лихой, прямо-таки рубаха-парень, а с другой...
- И что выходит?
- А что?
- Что мы с тобой одного поля ягоды.
- О, как ты все повернул!

– А мне знаешь, чего хочется?

– И чего же?

Я ожидала услышать все что угодно, но только не то, что он сказал.

– Мне страшно хочется познакомить тебя с моей мамой. Жаль, она так далеко.

– Зачем это?

– Не знаю... Просто хочется. Я еще никогда не знакомил маму с моими девушками.

– Я не твоя девушка, Макар.

– Я так не считаю.

– А...

– Поля, я вот знаком с твоим дедом и от него в полном восторге, знаком с твоей мамой, а кто твой отец?

– Я о нем мало что знаю. Он бросил маму, когда мне было три года. Он был кинооператором, уехал куда-то за границу и сгинул. Так что я, считай, безотцовщина.

– Тебя это гнетет?

– Ни капельки. Дед всегда был рядом. И хотя мы с мамой жили отдельно, но дед меня обожал, баловал, заступался за меня перед мамой, когда я в школе хулиганила. Он и сам тот еще хулиган. Даже на свадьбе предлагал мне сбежать куда-нибудь...

Сказав это, я испугалась. Зачем? Он сейчас уцепится за эту фразу. Но он как-то пропустил ее мимо ушей. Или сделал вид.

– Да, твой дед чудо! И дом его мне страшно нравится. Там ощущается такая патриархальность в укладе... И эта милая женщина, Анфиса Васильевна, она ведь не просто домработница, правда?

– Правда, – засмеялась я. – Она чудный человек. Обожает деда...

– Это чувствуется. И ситуация тоже... что-то из усадебной жизни девятнадцатого века... Прелесть. А при этом Андрей Антонович в высшей степени современный человек. А дача у них есть?

– Нет, дачи нет.

– А разве Анфиса Васильевна не закручивает банки с огурцами? Не варит варенье?

– Закручивает. Варит. Но в городе. Дед ненавидит дачи. Дело в том, что у моего прапрадеда была дача в Подмосковье. Его прапрабабку там и арестовали... когда деду было четыре года... И он остался совершенно один на этой даче. Его через сутки нашла соседка, забрала к себе, а потом передала родителям, когда они вернулись, они геологи оба были. Прапрадед так и сгинул в лагере. А прапрабабка вернулась в начале

пятидесятых, но совершенно сумасшедшей...

– Да, история страны на твоей семье отразилась в полной мере.

– Да уж, а прадед воевал, дошел до Вены, даже танцевал вальс на площади... Знаешь, есть такая старая песня?

– Да, мама ее очень любит. У меня в семье тоже все это было: и война, и аресты... и блокада... Фу ты, ну ты, разве об этом надо говорить с любимой женщиной?

– Макар!

– Что Макар? А вот ответь мне на один вопрос, только честно.

– Попробую.

– Ты почему мне позвонила?

– Сама не знаю, – засмеялась я.

– И все-таки?

– Не знаю, просто вдруг стало как-то одиноко в этом огромном номере...

– А где твой муж?

– В Дании. Как там у тебя... «тот, кто не видел даже вывески «Бутырки», тому и Дания покажется тюрьмой»?

– Смотри-ка, запомнила...

– Да, я вообще легко запоминаю стихи.

– Я польщен. Знаешь, когда ты позвонила, я собирался просто вульгарно выпить... И вдруг чудо! Поля, я люблю тебя! Я совсем дураком стал... Ты мне снишься... Я все время о тебе думаю... Если хочешь знать, я ввязался в эту историю с сериалом, только чтобы не уезжать из Питера. Со мной такого еще не было, чтобы я менял свои планы из-за женщины. Для меня это нонсенс. Поля, только не надо меня жалеть.

– С чего это ты взял?

– По глазам вижу. Но я этого не хочу... А ты вообще когда-нибудь сходила с ума от любви?

– Макар, давай сменим тему.

– Давай! – на удивление легко согласился он.

А мне вдруг стало даже обидно.

– Но в таком случае скажи мне, кто тебе предложил этот чудо-проект?

– Ну, один бизнесмен...

– Питерский?

– Ну... да! – мне ужасно не хотелось говорить о Бекетове.

– А ведь ты врешь. Это Бекетов?

– А какое это имеет значение?

– Значит, я угадал. Поля, не связывайся с ним! Он очень опасный тип!

– Послушай, это мое личное дело. И я с ним уже связывалась. Я сделала для него большую работу, и все было в порядке. Вадим работает у него на фирме, и тоже все обстоит нормально. Так почему я должна отказаться от работы, о которой могла только мечтать? Потому что он тебе не нравится?

– Ты чего кипятишься, дурочка? Просто я... я за тебя боюсь.

– Боишься именно в связи с Бекетовым? А если б это был кто-то другой?

– Ну, тоже смотря кто...

– Макар, а какое ты имеешь право мне что-то диктовать?

– Я не диктую, я советую. Просто ты многого не знаешь.

– А мне не надо ничего знать. Я всего лишь флорист. Меня его другие дела не интересуют. Я хочу сделать эту работу, и я ее сделаю!

– Но ты же о нем ничего не знаешь!

– А что я знаю о тебе? Какую-то достаточно мутную историю морского волка?

– Но послушай...

– Нет, я не хочу ничего слушать! И вообще, я хочу спать. Отвези меня в гостиницу.

– Как угодно даме.

За всю дорогу он не сказал ни слова. Только уже подъехав к «Астории», вдруг проговорил:

– Знаешь, я никогда не любил, я всегда только хотел женщин. А с тобой все наоборот. Я люблю тебя, но почему-то совершенно не хочу...

Я ахнула. Но сдержалась. Этой фразы я ему никогда не прощу!

– Вот и прекрасно. Люби на здоровье. Всего наилучшего.

Он даже не вышел из машины. И сразу рванул с места. А я осталась стоять с разинутым ртом. Это ж надо придумать! Почему это он меня не хочет? А ведь, наверное, и вправду не хочет. По крайней мере, никаких попыток он пока не делал... Более чем странно и до ужаса, просто до слез обидно. Ну и черт с ним! Хорошо, что он это сказал... Хотя чего ж тут хорошего? Или он соврал в отместку за мое равнодушие? Странно, а ведь и я его не хочу... Я закрыла глаза, представила себе, что он меня обнимает... И ничто во мне не шелохнулось. Да, но я ведь его не люблю. А он утверждает, что сходит с ума от любви... Бредятина какая-то. Но все-таки было до жути обидно. Вот с Вадькой все правильно. Мы любим и вечно хотим друг друга. А как же Карина Новикова? Или у него хотелки на многих хватает? Да, без пол-литра не разберешься. Я так до утра и не заснула. Черт бы его побрал, этого морского волка. Ну, допустим, он меня не хочет... Но тогда в

чем заключается эта его пресловутая любовь? Не похож он на человека, способного просто носить в душе образ Прекрасной Дамы! А ведь, кажется, Блок именно так любил Любовь Дмитриевну Менделееву? Что-то я плохо помню эту историю, надо будет спросить у Адочки. Да, но Макар хоть и пишет стихи, но все-таки отнюдь не Блок... Утром, приняв душ, я придирчиво разглядывала себя в зеркале. Что же во мне не так? Да все, в общем-то, так... И желающие всегда находятся, а этот мачо, видите ли... О, а может, он просто импотент? Да, это мысль... Скорее всего! И таким образом решил объяснить свое немного странное поведение? А что, очень похоже! Да, да, все именно так и объясняется! Вот сволочь! Впрочем, чему я удивляюсь? Мужики во всем всегда винят женщин. Вот и объяснение! И как же мне раньше в голову не пришло? Стоило всю ночь не спать из-за хитрожопого импотента!

Совершенно успокоившись, я с аппетитом позавтракала. В десять села в поданную мне машину и вскоре уже входила в помещение своей мечты. Там было совершенно пусто и чисто, еще ощущался запах недавнего ремонта. Помещение было двухэтажным. Старинная винтовая лестница вела на балкон второго этажа. Неприметный молодой человек по фамилии Варламов неотступно следовал за мной.

– Скажите, здесь нет хотя бы стула? – поинтересовалась я.

– Найдем!

Он скрылся и вскоре выкатил мне обшарпанное креслице на колесиках.

– Вот, нашел! Садитесь!

– Спасибо. А когда я смогу поговорить с хозяином?

– Так хозяин же в Москве.

– Ну да, да, а управляющий какой-нибудь, ну или кто тут всем распоряжается?

– Всем распоряжаюсь я. А мной распоряжаетесь вы.

– Понятно! В таком случае найдите себе тоже какое-нибудь сиденье, разговор будет долгим.

Он сел на подоконник.

– Я вас внимательно слушаю!

Боже, что я наделал! Разве можно говорить Женщине такое? Да она же мне в жизни этого не простит, даже если я триста лет ей не нужен. Болван! Вечно ляпну что-нибудь, а потом годами расхлебываю. Это ее-то я не хочу? Да я ни одну бабу в жизни так не хотел. А вот она меня, похоже, не хочет. И

с удовольствием поверила. Но, конечно, оскорбилась... Что может быть оскорбительнее для женщины, чем сомнение в ее желанности... Нет, меня удавить мало! А глупость какая – люблю, но не хочу... Это что-то уж точно не для двадцать первого века. Как там, у Ильфа и Петрова было? «Может, но не хочет, хочет, но не может, может, но сволочь!» Правда, там речь шла о билетах в Ейск... А тут о любимой женщине. И под какую же категорию в ее глазах я попал теперь? Скорее всего, хочет, но не может... Черт, черт, черт! Что я наделал? Она же решит, что я импотент! И что мне делать? Я сказал ей самую нестерпимую для женщины вещь, а у нее сложилось обо мне самое нестерпимое для мужчины мнение! Кретин собачий! Надо немедленно ехать к ней, падать в ножки и... И доказывать, что я не импотент? Но она уже давно спит крепким сном. Или, оскорбленная, ворочается без сна, рассматривает себя в зеркале, что с ней не так... Да за одни эти сомнения она меня возненавидит. Да, брат Макар, умеешь ты сам себе подгадить. Ох, умеешь!

А может, и к лучшему? Пусть думает, что хочет, а я уеду? Уйду в плавание... Подряжусь в какую-нибудь экспедицию. Врачи всегда нужны, а я ведь не только врачевать умею. На море мне вообще нет цены... А вот на суше цена мне, как говорится, медный грош в базарный день. Это ж надо... А все потому, что никогда еще не любил по-настоящему, вообще считал, что любовь писатели выдумали... А тут такая девушка... И жизнь мне спасла, а я... Тридцать шесть лет мужику, а от любви растерялся. Ни разу ведь даже не осмелился ее поцеловать. Ну и что ей еще обо мне думать? Надо с самого утра явиться к ней и... Фу, стыдобища! Извините, девушка, вы часом не подумали, что я импотент? А то могу сразу доказать, что вы не правы? Бред! Нет, все не так! Надо просто прийти и сказать, Полина, любимая, я хочу тебя больше всего на свете! Умираю от желания. А она скажет: на фиг мне твое желание? Думай, что говоришь, остолоп, и вообще, глаза бы мои на тебя не глядели, козел вонючий. Нет, этого я, наверное, не переживу... И вообще, какая дурь! Нет, надо бежать из России. Не моя это страна, видно. Вот пошел же я все-таки в полицию... Тоже мне, полиция! Взяточник на взяточнике сидит и взяточником погоняет... Рассказал, что видел. А они...

даже бровью не повели. Что ж ты, парень, сразу к нам не пришел? А теперь, мол, поздно. Я им – могу показать, где того мужика застреленного закопали. А они – это дело областного управления, а нам и так работы хватает. Иди отсюда подобра-поздорову. Никто никаких заявлений о пропаже человека не подавал... Тьфу на них! Нет, уеду к чертям! Да, но у меня же сценарий... Ну и что? При современных средствах коммуникации

это не проблема. Можно с соавтором хоть с Огненной земли связываться. А сколько одиноких, недотраханых баб по миру и по морям скитаются в поисках нормальных мужиков... Кому рассказать, не поверят! Да, но мне-то одна Полина нужна. Вот ведь... Не такая уж она красавица, видали и получше... Да даже ее подружка Настя красивее. Ну и что? Разве в красоте дело? Она храбрая, она мне подстать. Наверное, если б любила меня, пошла бы со мной на край света. Но ведь не любит же... А почему? Что во мне-то не так? Мозги у меня не те. Что сморозил, идиот!

Всю ночь он промучился, а утром вспомнил, что она приехала оформлять кафе на Мойке. И даже назвала номер дома. Да, точно!

Он вскочил, принял душ, тщательно побрился, выпил большую кружку крепчайшего кофе с солью и выскочил из дому. По дороге, разумеется, попал в пробку. Ему позвонил его соавтор, довольно известный питерский сценарист Георгий Лямин, с которым Макар за последний месяц здорово сдружился.

– Макарка, привет! Не спишь?

– Нет, Жора, а что?

– Понимаешь, есть одна идея...

– Валяй!

– А что, если нам твои песенки в сценарий включить?

– Да? И как?

– Да очень просто! Наша команда где-нибудь на островах наткнется на человека, русского, который то ли отстал от своего судна, ну, помнишь, ты рассказывал, что подрабатывал песенками на Филиппинах или еще где-то? Вот, такой персонаж, да с твоими песенками... такая красочка обалденная была бы... А потом в него влюбилась бы наша Нэнси... А? Как тебе?

– Не знаю, Жор, тебе виднее...

– По-моему, идея роскошная! И петь будешь ты!

– Я?

– А кто лучше тебя споет? А может, ты бы и сыграл этого типа?

– Нет, дружище, играть я не буду. Не мое! Хороших артистов, что ли, мало? Я вам всю обедню испорчу!

– Представляешь, допустим, Нэнси... Хотя нет, Нэнси по-русски не понимает... Таня! Это должна быть Таня! Она идет по острову и вдруг слышит: «Если вырваны копыта, то особо не попляшешь!» Супер! Просто то, что надо! Скажи, Макар?

– Ой, Жор, да не знаю я... Ты профи, тебе виднее!

– Слушай, а ты не мог бы сегодня подъехать к Володьке Куваеву и там спеть несколько песенок? Уверен, он впечатлится! Давай, подваливай к

восьми!

- Не знаю пока. У меня тут дело важное есть,
- Макар, не дури! Ты представляешь, какой может быть эффект? Выпустишь диск, народ тащиться будет... Да и вообще...
- Ну, допустим. А если я приеду не один?
- А с кем?
- С девушкой!
- Красивая?
- А тебе не все равно, Жора?
- Но красивая всегда лучше, чем мордovorот.
- Я похож на парня, который ходит в гости с мордovorотом?
- Ну, вообще-то нет, – засмеялся Лямин. – Ладно, думаю, возражений не будет. Адрес я тебе эсэмэской сброшу.
- Заметано!

Макар подъехал к нужному дому. Припарковаться близко не получилось, и он проехал еще большой кусок, пока, наконец, сумел приткнуться. Вылез и медленно пошел пешком. Интересно, станет она меня слушать? Но тут вдруг он увидел, что из «Ауди», припаркованной у будущего кафе, вышел человек с большим пакетом какого-то шикарного магазина в руках и вошел в помещение. При виде его все волоски на теле встали дыбом! Не может быть! Нет, я, видно, обознался!

Инстинкт подсказывал – уноси ноги, Макар! Но он стоял как вкопанный. Там же Полина! И зачем сюда явился этот тип? Неужто узнал, что она... Но как? Кто мог привести его? Неужто девчонки проболтались? Или дед Полины что-то где-то ляпнул? Но тут же он сообразил, что Поля там не одна и вообще, не станет же он ее убивать среди бела дня на набережной Мойки! Но, может, он хочет увезти ее? Похитить? Но зачем? Бред! Ясно только одно – я не должен попадаться ему на глаза. Между тем какая-то «волга» отъехала, Макар бегом бросился к своей машине и лихо подкатил задом к освободившемуся месту. Вот теперь наблюдать было удобно. Прошло минут двадцать. Тот тип вышел и сел в свою «Ауди» все с тем же пакетом. Убедившись, что он уехал, Макар выскочил из машины и осторожно подошел к дверям будущего кафе. Оглядевшись, толкнул дверь. Попал в довольно просторный тамбур. Вторая дверь была неплотно прикрыта, и он сразу услышал сердитый голос Полины. Она говорила по телефону:

- Очень вас прошу! Для меня это неприемлемо! Ничего, не замерзну! Да, у меня такие ветхозаветные принципы! Вполне достаточно люкса в

«Астории». Кстати, на будущее, мне такая роскошь не нужна. Ни к чему. Довольно просто приличного номера. Это во избежание недоразумений. Хорошо, согласна. Да, прощаю! – голос ее немного смягчился. – Всего доброго, Юлиан Григорьевич.

Так, сообразил Макар. Похоже, Бекетов прислал ей какой-то подарок, который она не приняла. Молодец, Полина! Он продолжал подслушивать. Она опять говорила с кем-то уже не по телефону.

– Да вы поймите, если в помещении будет слишком жарко, цветы быстро завянут. Нужно будет выдерживать определенную температуру, полагаю, это возможно?

– Да, мы постараемся,отрегулируем.

– Отрегулировать один раз недостаточно. За этим надо постоянно следить. Я буду приезжать не чаще, чем раз в неделю.

– Я, конечно, очень извиняюсь, но к вашему приезду придется на день закрывать заведение?

– Ни в коем случае! Просто раз в неделю будете открываться на два часа позже, предположим, в субботу откроетесь не в двенадцать, а в два. Вполне нормально. А я прямо с поезда приеду сюда и все сделаю. Заказывать материал буду сама. Кстати, мне даже не нужно будет снимать номер, все сделаю и сразу уеду. Отлично!

– Я, конечно, очень извиняюсь, но вы сможете отдохнуть и у нас! На втором этаже есть комната, можем устроить для вас кабинет, поставим диванчик, и в любой момент сможете прилечь. Там тихо.

– Неплохая мысль, кстати! Пошли, покажете мне, что там за кабинет! А мне еще нужна будет подсобка для хранения подручного материала.

– Идемте, там есть еще чуланчик... Знаете, в этих старых домах...

И они стали подниматься по лестнице.

Слава богу, сейчас ей никакая опасность вроде бы не грозит.

Макар вышел на набережную, сел в машину и набрал номер Подины. Она сбросила звонок. Обиделась! Капитально обиделась. Или просто слишком занята? Ладно, тогда я ее дождусь.

Он ждал, прошло часа полтора, прежде чем Полина появилась в сопровождении какого-то мужичка вполне неприметной внешности. Макар не слышал, о чем они говорят, но Полина что-то горячо ему внушала, а он только пожимал узкими плечами. Наконец, он сел в машину и уехал. А Полина подняла воротник пальто и пошла вдоль Мойки. За ней никто не шел. Тогда Макар выскочил из машины.

– Поля! – крикнул он.

Явился – не запылится! И что, будет сейчас просить прощения и объяснять, как он меня хочет? Смешно, ей-богу!

– Макар? Что вы тут забыли?

– Забыл сказать, какой я идиот!

– Сказали? Я приняла к сведению! Всего хорошего!

– Нет, Полина, нам необходимо серьезно поговорить!

– Да уж вчера поговорили. И сегодня я приняла к сведению...

– Полина, не до шуток!

У него было странное выражение лица, какое-то встревоженное и очень серьезное. Я сразу смекнула, что дело не во вчерашней истории.

– Хорошо, поговорим, но только я смертельно хочу кофе!

– Отлично, тут рядом есть хорошее кафе, пошли.

Действительно, на другой стороне Мойки было очень милое кафе.

– Тут отличный кофе и неплохие пирожные. Вы ведь, кажется, любите пирожные?

Он говорил мне «вы», и это свидетельствовало о том, что разговор предстоит серьезный.

– Поля, скажите, что делал в вашем кафе человек в коричневой замшевой куртке?

– Какое это имеет значение? Вы что, за мной следили?

– Поля, все не так... И объясняться по поводу моей вчерашней глупости будем потом, все обстоит слишком серьезно!

Он говорил так, что мне вдруг стало не по себе.

– В чем дело, Макар? Что-то случилось?

– Да. Именно этот человек тогда, в лесу, гнался за мной.

– Господи помилуй, вы уверены?

– На все сто!

– А он вас видел?

– Тогда – видел! А сейчас, слава богу, нет.

– Ничего себе...

– Поля, он вам что-то привез?

– Да... передал подарок, но я его не приняла.

– Что за подарок, можно узнать?

– Можно. Соболья накидка несказанной красоты...

– Но ты... вы ее не приняли?

– Нет.

– Почему?

– Потому что мне дед еще в ранней юности объяснил, что дорогие подарки можно принимать только от мужа или любовника и больше ни от

кого, иначе это... чревато.

– И это был подарок от Бекетова?

– Да.

– Теперь ты понимаешь, с кем связалась? Если матерый убийца у него на побегушках... ты понимаешь, что он за зверь, твой Бекетов?

– Да, похоже, тот еще зверь... Но я же не знала... И потом, какое отношение моя работа имеет к его криминальным знакомым? Может, этот тип ехал в Питер, а Бекетов просто передал с ним... Может, он с ним не связан, а только знаком? И не подозревает ни о чем?

– Да? У тебя что, память отшибло? Забыла его разговор с Русланчиком? Все он прекрасно знает! И вполне возможно, что того мужика убили по его приказу! Ты должна под любым предлогом отказаться от его предложения.

– И не подумаю.

– Почему?

– А на каком основании? И потом... я даже мечтать не могла о такой работе! И в смысле денег это...

– Тебе мало истории с Настей?

– Ну, Настя сама виновата, подставилась по дури. И не он ее там запер, а ревнивая баба. А он как раз хотел ее выпустить.

– Боже мой, даже самые умные женщины такие дуры! Непроходимые дуры! Ты что, не понимаешь ничего?

– Чего я не понимаю?

– Да он же под тебя клинья подбивает!

– Ну, с этим я справлюсь! Я ему уже сказала, что не принимаю подарков, что...

– Все это очень мило, гордо, интеллигентно. Только его это пуще раззадорит! Или ему надоест миндальничать...

– Послушай, Макар, я думаю, почти у любого крупного дельца в нашей стране полно криминальных знакомых, но это не значит, что все они сплошь убийцы и подонки. Мой муж работает у него больше пяти лет... – сказала я, и тут же в мозгу всплыло «и сейчас трахается в Дании с Кариной Новиковой».

– А чем он занимается у него на фирме?

– Он экономист, окончил МГИМО, а на фирме консультант по международным экономическим связям.

– Да, я так и думал... На нем прямо написано – выпускник МГИМО.

– А что в этом плохого? Там дают прекрасное образование! – разозлилась я.

- Ну, допустим.
 - И бизнес этот вполне легальный.
 - Но ты-то знаешь, что за этим стоит!
 - Пока я знаю только, что ты узнал того типа.
 - А разве этого мало? Этот тип напрямую связан с Бекетовым, если тот поручает ему доставить девушке его мечты соболью накидку. Надо же... Соболя накидка... Звучит, как в романе позапрошлого века.
 - Послушай, Макар! Моя работа никак с этим всем не связана! Я не наивная девочка, я сумею держать его на расстоянии, если он вознамерится... Но от такой работы, я не откажусь ни за какие коврижки!
 - Упрямая ослица! Я же тебя предупреждаю...
 - Вот и чудесно! Предупрежден – значит вооружен! Я приеду в Москву и сразу переговорю с ним. Скажу, что я готова работать, но с условием, что никаких подарков, никаких люксов в «Астории», вообще ничего, кроме... Короче, сразу обозначу границы. Я не стану ездить к нему в дом, ну и... Полагаю, ему этого будет достаточно.
 - А если он предложит тебе... руку и сердце, как в тех же романах позапрошлого века?
 - На фиг мне его сердце? У меня есть муж. И я его люблю!
 - Это мечь за вчерашнее? – прищурился он.
 - За вчерашнее? А что было вчера? – притворилась я.
 - Ох, Поля, актриса из тебя никудышная. Ладно, делай что хочешь, в конце-то концов, но запомни две вещи – никогда, ни при каких, даже самых невероятных, обстоятельствах не упоминай при нем о той истории в лесу. Это первое!
 - Естественно!
 - А во-вторых, я хочу тебя, как никогда ни одну женщину! А теперь до свиданья!
- Он кинул на стол тысячерублевую купюру и почти бегом вышел из кафе.
- Вот те здрасьте! Шалый мальй!

Я вернулась в Москву в растрепанных чувствах. С одной стороны – Карина Новикова, с другой – вся эта история с Макаром и Бекетовым. Вот уж точно – шалый мальй! Всю дорогу до Москвы я думала, что же мне делать, и пришла к выводу, что такая работа может мне до конца жизни больше не обломиться. И подноготную Бекетова, не будь встречи в лесу, я никогда бы не знала, и работала бы на него спокойно и счастливо. Но рассказывать обо всем этом я не буду ни одной живой душе, даже Насте.

Когда я вошла в наш офис, Настя встретила меня на удивление сухо.

– Ну, как съездила?

– Насть, что с тобой? Плохо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя ужасно!

– Что-то случилось?

– Это как посмотреть...

– Насть, как говорил Гоцман: «Не тяни кота за все подробности!»

– На вот, посмотри и скажи, подруги так поступают?

И она протянула мне какой-то глянцевый журнал. Мне сразу бросился в глаза снимок моей елки из аспарагуса. Это была статья обо мне, с фотографиями моих работ последнего времени. Выглядело все это очень эффектно. Была там и моя фотография. И называлось все это «Изыски Полины Зацепиной».

– Откуда это? – ошеломленно спросила я.

– Ладно, не притворяйся! Как ты могла, Поля? Там же нет ни слова обо мне! О моих работах, а мы же вроде бы вместе... Столько лет дружбы... А ты обо мне даже не вспомнила! Как ты могла? Знаешь, я ухожу из фирмы! Ты меня в расчет не принимаешь, так что мне тут делать? Считаю, у тебя больше нет подруги! – рыдала Настя.

– А ну прекрати истерику! – прикрикнула я. – Ты что, спятила? Да я знать не знала, ведать не ведала ни о какой статье! У меня никто не брал интервью, я вообще впервые слышу обо всем этом! И можешь не сомневаться, я бы такого не допустила!

– Да? Но так не бывает! Что ж, по-твоему, эту статью напечатали по прихоти какого-то сотрудника редакции?

– Да я понятия не имею! Хочешь, я сейчас позвоню в этот журнал и устрою им такой скандал?

– Так ты действительно ничего не знала?

– Насть, тебе не стыдно? Как ты могла подумать, что я о тебе забыла или, того хуже, намеренно о тебе не упомянула? Зачем? Чтобы не делиться славой, что ли? Я все-таки не такая идиотка.

– Но ведь кто-то же эту статью заказал? Тогда кто?

– Есть у меня одно соображение...

– Какое?

– погоди, сперва надо все проверить. И не вздумай мне тут демарши устраивать! Уйдет она... Куда, хотелось бы знать? Да и вообще, это я должна обижаться, как ты могла обо мне такое подумать!

Я сразу набрала номер Бекетова, но телефон был заблокирован.

Наверное, у него совещание. Ладно, потом позвоню.

– Не отвечает.

– А кому ты звонишь?

– Бекетову. Уверена, это его рук дело.

– Почему?

– А откуда, хотела бы я знать, взялись фотографии из его дома, а?

– Ой, правда!

– И со свадьбы его племянницы. Это точно он!

– А зачем ему это надо?

– Ну, он же дал мне работу в Питере, вот и решил пропиарить меня.

– А ты взялась за эту работу?

– Ой, Настька, это мечта! У меня уже столько идей... Это будет самое популярное кафе в Питере! А потом, может, и в Москве что-то подобное сделаем. Между прочим, я дала управляющему телефон твоего приятеля, он очень заинтересовался. А кстати, мы сможем, допустим, раз в две недели устраивать там твой день. Торты от Насти! Твой дружбан не будет в претензии?

– Откуда я знаю?

– Неважно, мы это забьем в первоначальный договор. Так что будет тебе твоя порция славы!

– Поль, прости меня... Но когда ты уехала, мне вдруг стало как-то одиноко и страшновато, сама не знаю почему. А тут еще этот журнал... Ты такая сильная и смелая, а я... дура, я как-то не уверена ни в чем...

– Ладно, проехали, и вообще, не робей, воробей, прорвемся!

– Поль, а ты с Макаром не виделась?

– Виделась.

– Да? Ну и как?

– А никак.

– И ты с ним не...

– Еще чего! Он вообще мне сказал, знаешь что?

– Что? – испуганно спросила Настя.

– Что он меня любит, но не хочет!

– Да ты что? Вот скотина! Но разве так бывает, Поль? Хочет, но не любит, это сплошь и рядом, но чтобы любит, но не хочет... Ерунда какая-то. Скажи, а ты обиделась?

– Еще как! Всю ночь не спала.

– А он?

– А он... Утром примчался, стал прощения просить, а потом мы с ним опять поссорились и на прощание он сказал, что просто помирует, как

хочет...

– А ты?

– А я, Настька, все думаю, что там, у Вадьки с Кариной Новиковой.

– Польшка, тебя это мучает?

Настя ахала, хваталась за сердце, но зато окончательно забыла о своих обидах. Про соболью накидку я не стала ей рассказывать, а то опять расстроится, она ведь в самом начале хотела закрутить с Бекетовым, правда, после Нового года уже этой темы не касалась. Но все равно, зачем дразнить гусей? Для меня важнее всего мир в семье и на фирме. А как же шалый малый – спросила я себя и сама себе ответила – а никак!

Во второй половине дня позвонил Бекетов.

– Полина, как доехали?

– Спасибо, все нормально.

– Так вы беретесь за эту работу?

– Да, конечно. Кстати, у меня есть еще одна идея, я бы хотела, чтобы в кафе регулярно устраивались дни Насти.

– Что вы имеете в виду?

– Чтобы Настя представляла там свои кондитерские шедевры. Предположим раз в две недели.

– А что, мне нравится эта идея! Прекрасно! Я сразу почуял в вас не только креативную личность, но и настоящую бизнес-леди! Браво, Полина! Но вы меня все-таки страшно огорчили, отказавшись принять накидку. Мне Варламов сообщил, что вы приехали в легком пальтишке, мерзнете, ну я и позвонил своему питерскому приятелю...

Ух ты! Выходит, тот тип вообще питерский! – пронеслось у меня в голове. И, значит, шалый малый в постоянной опасности!

– Только, Юлиан Григорьевич, прошу вас, не нужно никаких подарков.

– Я уже понял.

– И публикаций в прессе без моего ведома тоже не нужно.

– Вы догадались? Что значит, умная женщина. Умная, сильная, талантливая, столько достоинств в одном флаконе, как теперь выражаются. Но это была просто реклама.

– Эта реклама мне чуть не стоила многолетней дружбы.

– Боже, об этом я и не подумал! Ничего, в следующем номере поместим заметку о Насте, в чем проблема? Да, я прошу прощения. Полина, давайте в ближайшее время встретимся и, как говорится, помолясь, подпишем договор. Я убежден, у вас за это время возникнет еще не одна роскошная идея. Может быть, завтра?

– Нет, завтра мы сдаем серьезный заказ. Я не смогу.

– Хорошо, тогда, наверное, послезавтра, но точно пока не скажу. С вами свяжется мой секретарь, я буду очень занят.

– Да не беспокойтесь, это все-таки не горит.

– Горит, Полина, просто полыхает! – каким-то, как мне показалось, идиотски-пошлым тоном произнес он. Ну, ничего, я сумею поставить его на место!

– Юлиан Григорьевич, вы не пошутили, когда сказали, что будет заметка о Насте?

– Полина! Никаких шуток, все предельно серьезно, тем более Настенька будет участвовать в нашем деле и к тому же, так сказать, пострадала у меня в доме, я просто обязан...

– Вот за это спасибо!

– Всегда рад служить!

А вскоре позвонил Вадька.

– Поляш, как я соскучился! Даже не думал... Но тут так все складывается, что мне придется, наверное, еще задержаться. Поляш, а ты соскучилась?

– Ужасно, Вадька! Так противно возвращаться в пустую квартиру... – У меня на языке вертелся вопрос про Карину Новикову, но я сдержалась. А может, ничего у него с этой Кариной и нет? Голос у мужа был теплый, нежный, родной. – Вадь, тут такое дело... Мне твой Бекетов предложил фантастически интересную работу.

– Да? Ишь как он тебя ценит! А что за работа?

Я вкратце описала ему предложение его шефа.

– А как ты считаешь, соглашаться мне?

– Но тебе-то это интересно?

– Не то слово!

– Конечно, соглашайся! С шефом хорошо иметь дело. Да ты и сама уже знаешь.

– Значит, ты даешь добро?

– Ask!

– Вадька, а ты там датчанку себе еще не завел? – помимо воли вырвалось у меня.

– Поляш, ты бы знала, какие они некрасивые... И вообще, я люблю свою жену!

Ну и при чем тут шалый мальш?

И я решила отправить ему эсэмэску. Он мне не нужен, но зла я ему не желаю. «Макар, чел. в корич. куртке живет в Питере. Уезжай от греха

подальше». Ответа на мое послание не последовало. Ну и фиг с ним!

Бекетов назначил мне встречу в только недавно открывшемся французском ресторане. Я уже краем уха слышала, что это чуть ли не самый модный ресторан в Москве. То и дело попадались какие-то «медийные лица».

– Полина, страшно рад вас видеть! Никогда еще не видел вас в черном, вам удивительно идет. Сейчас обеденное время, вы голодны?

– Сказать по правде, да. А что тут надо есть?

– Вы жили в Париже, должны знать французскую кухню, вам и карты в руки.

– Да нет. Мне там было не до изысков... Кстати, это вы придумали заголовок «Изыски Полины Зацепиной»?

– Да боже упаси! Я его только утвердил. Как вы относитесь к луковому супу?

– Нормально, если он хорошо приготовлен.

Он долго что-то втолковывал официанту; а тот с большим почтением кивал. Видно, Бекетов проявил себя тонким знатоком французской кухни.

– Вина выпьете?

– Я за рулем, поэтому только овощной фреш.

– Ох, я все время забываю, что современные молодые дамы днем ничего не пьют. Впрочем, это здорово. Ну, Поля, что вы еще придумали для нашего кафе?

– К лету обязательно надо будет устроить там маленький фонтанчик, в Питере жара бывает очень тяжелой...

– Сделаем, не проблема. Знаете, когда я был совсем еще пацаненком, мама водила меня на ВДНХ, и там был мой любимый узбекский павильон, рядом с ним по голубой стене стекала вода, мне это так нравилось... Вообще, для ребятшек моего поколения ВДНХ было чуть ли не самым желанным местом в Москве. Туда ходили чинно, с родителями... Но главной моей мечтой там были сосиски.

– Сосиски? – удивилась я.

– Да. Тогда это был страшный дефицит, а там, помню, две или даже три, да точно, три сосиски вкладывали в разрезанную половинку французской булки, и запивалось это великолепие или квасом из бочки или газировкой с двойным сиропом. Вот счастье-то было! А один раз, помню, приехал из Киева дедушка, и мы всей семьей отправились на ВДНХ. Но сосисок в булке мне не купили, а повели обедать в чайхану. Знаете, Поля, я объездил полмира, бывал в самых роскошных ресторанах, но никогда не

забуду эту чайхану. К сожалению, ее уж больше тридцати лет нету. Она была на открытом воздухе, построена полукругом, и там тоже лилась вода по голубой стенке, стоял невероятно вкусный запах шашлыка... Ох, до сих пор слюнки текут. Помню, папа и дед взяли плов и шашлык, а мама люля-кебаб. Я хотел только шашлык, но мне дали попробовать всего... А потом пили зеленый чай из синих пиал со свежим чуреком и сахаром вприкуску...

Я смотрела на него с удивлением. И не верила, что этот человек, с таким выражением лица предающийся детским воспоминаниям, может быть опасен. Чепуха все это. Мало ли кто с кем знаком...

– Ох, Поля, простите, сам не знаю, что на меня нашло... Хотя нет... знаю... Вы страшно похожи на одну девочку, мою школьную любовь, Люську Попову... Знаете, когда я увидел вас на свадьбе, сразу вспомнил Люську...

– Это был серьезный роман? – улыбнулась я. Он мне сейчас даже внушал симпатию.

– О да! Я был влюблен до чертиков, и она не была ко мне равнодушна, но мы же тогда были другие, куда более целомудренные, чем нынешние детки... После школы она собиралась поступать в медицинский, но... ее сбила машина на Садовом кольце. Насмерть. Вот такая грустная история первой любви. Я, наверное, надоел вам, Поля, со своими стариковскими воспоминаниями.

– Нисколько, мне очень интересно. И кстати, я что подумала... Ваши слова навели меня на еще одну идею. А что, если нам устраивать в кафе, допустим, дни бывших союзных республик? Предположим, день Узбекистана. Подаем узбекские сладости, заморачиваться с целиком национальной кухней слишком громоздко для кафе, а вот сладости в национальном стиле, декор тоже, ну, еще можно какую-то деталь костюма для официанток. Тюбетейку, сванскую шапочку, украинский веночек с лентами... А?

– Здорово! Просто здорово! И никто нас не обвинит в плагиате! В Пальме куда меньше выдумок... Вы чудо, Поля! И планы ваши все какие-то удивительно реальные и приемлемые. Я чувствую, вы действительно прониклись...

– Это правда!

– Вы уже посоветовались с мужем?

– Да. И он одобрил эту идею.

– Вы очень любите мужа, Поля?

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Потому что на свадьбе вы не выглядели счастливой невестой.

Я только собралась ему ответить, как в зал вошла Аделаида Туманова в сопровождении какой-то тоже весьма гламурной девицы. Разумеется, Аделаида была вся в белом.

– Господи, что это за ангельское видение? – усмехнулся Бекетов.

– Женщина, которая считает, что Вильнюс находится в Греции, а Литва в Африке.

– Шутите?

– Какие шутки! Это моя бывшая клиентка, которая собирается со мной судиться.

– Из-за чего?

Я рассказала ему эту идиотскую историю с белыми валенками.

– И она пишет книги? О чем, господи помилуй?

– О незапятнанности русских снегов и русской души.

– О времена, о нравы! Она уже подала на вас в суд?

– Пока только грозилась.

– Думаю, и не подаст. Кто-то, наверное, ей объяснил, как она будет выглядеть. Но красива, ничего не скажешь.

– Бесспорно. Почти совершенство.

Бекетову кто-то позвонил. Он нахмурился, взглянув на дисплей.

– Извините, Поля, я отойду.

А мне с ним легко, даже приятно, и никакой он не преступник... А если даже, ко мне это отношения не имеет, я об этом ничего не знаю и буду с ним работать. Это такая фантастическая перспектива!

Краем глаза я видела, что на стол Аделаиде подали какие-то блюда и поставили ведерко с шампанским, которое дамы просто хлестали. Вскоре принесли новую бутылку. Видно, что-то обмывают. Может, очередную книгу?

Мне подали лангуста в вине, а Бекетов все не возвращался. Ну, не ждать же мне его, в самом-то деле. А кстати, в по-настоящему хорошем ресторане никогда не подадут блюдо одному из гостей, чтобы другой дожидался, глотая слюнки. Московские понты... Но пахло от этой красоты восхитительно. Ну и ладно, буду есть! Я только успела проглотить кусочек, как к моему столику, пошатываясь, подошла Аделаида Туманова собственной персоной. Похоже, она была пьяна в стельку.

– Сидишь? Жрешь? – злобно проговорила она.

– Сижу. Жру, – невозмутимо отозвалась я.

– Чтоб ты подавилась, сука рваная!

– Да ни за что на свете не доставлю вам такого удовольствия.

Она, видимо, ждала от меня другой реакции. На мгновение

растерялась, потом издала какой-то воинственный клич и вцепилась мне в волосы. Я схватила стакан с зеленым овощным соком и выплеснула на ее белый туалет. Она завизжала и выпустила меня.

А я спокойно и громко заявила:

– Это к вопросу о незапятнанности.

Между тем вокруг уже суетились официанты.

Аделаида отбивалась от дюжего охранника. А я спокойно поправила прическу и продолжала есть своего лангуста, в душе умирая со смеху. Тем более что кто-то – я видела – снимал роскошную сцену на мобильный телефон!

– Боже мой, Поля, что тут случилось? – воскликнул Бекетов.

– Да так, старые счеты!

– Ты мне заплатишь, гадина! Это платье стоит столько, что ты вовек не расплатишься! Я тебе покажу! – И дальше последовала такая заковыристо-матерная фраза, что все оторопели.

– Где метрдотель? – спокойно произнес Бекетов.

– К вашим услугам! – подскочил к нему вертлявый молодой человек.

– Советую вам впредь не пускать в ваш ресторан эту особу, иначе неприятностей не оберетесь. Она же не адекватна! Зачем вам эти проблемы?

– О, не сомневайтесь, она больше не переступит порога нашего ресторана! Мадам, я прошу прощения, мы не доглядели... Надеюсь, у вас нет к нам претензий?

– Есть претензии.

– Боже, какие именно?

– Они никак не касаются госпожи Тумановой. Просто в ресторане с такими понтами нельзя подавать блюдо одному из посетителей, заставляя другого дожидаться. Это не комильфо!

– Bravo, Полина! – воскликнул Бекетов. – Вы абсолютно правы. Полагаю, больше моей ноги тоже здесь не будет.

– Господа, простите нас, мы учтем ваши замечания. Вы абсолютно правы, это недосмотр официанта, он новенький...

– Это, прежде всего, ваш недосмотр! – заметил Бекетов. – Вы выпустили новичка в зал, не проинструктировав его в должной мере.

Меня безумно забавляла вся эта ситуация. Обычно я вполне снисходительно отношусь к подобным просчетам, попросту плюю на них, но сегодня меня подстегивал боевой задор.

Между тем Аделаиду вместе с ее подружкой вывели из ресторана. Она здорово присмирела.

– Поля, вы были великолепны! Такая невозмутимость, вы были как... королева, не обращающая внимания на чернь! Браво!

– А вы, что же, наблюдали эту сцену со стороны?

– Каюсь! Хотел увидеть, как вы себя поведете! Чудо! Ни капли вульгарности... А эта белоснежная кретинка – просто сама вульгарность!

– И вы решили не вмешиваться, пусть она выдерет мне все волосы, да?

– Поля, все произошло в доли секунды, едва она схватилась за вас, как вы ее облили соком, никто и глазом моргнуть не успел! Не думайте обо мне так плохо! Просто реакция уже не та. Возраст, дорогая моя!

– Да, наверное, – ядовито заметила я.

Он расхохотался.

– Да, вы и штука! С ума сойти можно! Восторг и упоение! А если серьезно – чего она от вас хотела?

– Чтоб я подавилась.

– С ума сойти! И эта хабалка пишет книги?

– Знаете, сколько хабалок сейчас пишут книги?

– По-видимому, так... Это грустно.

– Почему? Просто не надо покупать эти книги.

– Ох, Полина, что вы сделали со стариком!

– С каким еще стариком?

– Со мной, Поля, со мной.

– А что такое я с вами сделала?

– Я до чертиков в вас влюблен!

– Вот это лишнее, Юлиан Григорьевич.

– Все, умолкаю. Это и вправду лишнее. Нельзя путать деловые отношения с... чувствами.

– Вот и славно! А лангуст все-таки был превосходный. Повар тут отличный.

– Согласен.

Когда подали десерт, подбежал метрдотель.

– Господа, мы приносим наши извинения! Все за счет заведения.

– Поля, вы спешите? – спросил Бекетов.

– Да нет.

– Возникла еще одна тема. Поговорим?

– Давайте!

– И вот что... Необходимо выпить. Не возражайте! Вас отвезет мой водитель и доставит потом вашу машину, куда вы скажете. Идет?

– А можно спросить, что за тема?

– Конечно. Я хочу и в Москве тоже открыть подобное заведение. Зачем ограничиваться Питером? А там, возможно, и в других городах. Такая тема интересует вас?

– О да!

– Отлично! Что пьем?

– Я текилу.

– О! Уважаю! Я тоже.

Как это ни дико, но он мне с каждой минутой все больше нравился. Нет, не как мужчина, для меня он слишком стар, но что-то в нем вызывало какую-то странную симпатию, он обладал несомненным обаянием, которое не так уж часто пускал в ход, а сегодня раскрылся по полной программе. И мне с ним было безумно интересно. А может, дело в том, что после победоносной схватки с Аделаидой в крови бушевал адреналин. И я забыла, что он опасен?

– Итак, Поля, я наблюдаю за вами и прихожу к выводу, что вы именно тот человек, который мне нужен. Мы создадим сеть кафе, и вы будете ею управлять.

– Нет, управлять не буду. Я не умею. И ненавижу! Я могу только отвечать за оформление. И все.

– Ерунда! Вы еще не пробовали!

– Даже и пробовать не буду! Я ничего не смыслю в деловой документации, совершенно не умею общаться с чиновниками, словом, на эту роль я категорически не гожусь. И это мое последнее слово.

– Боже, какая вы упрямая!

– Да. Один человек сказал даже, что я типичная ослица.

– Ну, хорошо, может, вы и правы, я что-то сразу так размахнулся. Но в Москве мы откроем такое заведение?

– Запросто и с удовольствием. Только управлять им я не буду.

– Ладно, управленца я найду, не проблема.

– Юлиан Григорьевич, скажите, а зачем вам все это надо? Это ведь, насколько я понимаю, вне сферы ваших обычных интересов? И ваш основной бизнес никак не связан с изящными кафе?

– Конечно, но вдруг захотелось. У нас ведь нет ничего подобного... Так почему же не сделать? Эта мысль посетила меня еще в Пальме, но потом я о ней забыл, а когда познакомился с вами, сразу вспомнил. И потом, чем я только в жизни ни занимался... А начинал вообще фарцовщиком. Вы хоть знаете, что это такое?

– Более или менее. Да нет, знаю, конечно. Дед рассказывал и двоюродная бабка. О, знаете, какой с ней был случай в советские времена?

– Мне вдруг захотелось схулиганить, и я рассказала ему историю с Адопкиной несостоявшейся дублинкой из Канады.

Он слушал меня очень внимательно.

– И что ваша... кто она вам, двоюродная бабка, до сих пор здоровствует?

– Слава богу, да. Недавно отметила семидесятилетие.

– А знаете, Поля, это ведь я ее кинул.

– Вы? – все-таки удивилась я.

– Каюсь! Я!

– Ни фиги себе!

– Я вас шокировал?

– Да, пожалуй, не очень... Вряд ли в наше время найдется крупный бизнесмен, у которого в анамнезе нет чего-то криминального... И это еще пустячок! Подумаешь, кинули на деньги бабенку, которой приспичило иметь модную и дефицитную шмотку.

– Поля, я вас на минутку оставлю.

– Да ради бога!

Он с какой-то загадочной улыбкой вышел из зала и вернулся от силы через три минуты.

– Простите, надо было сделать деловой звонок. Поля, с чего это я с вами разоткровенничался?

– Вот уж не знаю, думаю, дело в текиле, она очень классная тут...

– Да нет, дело в вас. Наверное, если бы я в свое время встретил такую девушку, вся моя жизнь сложилась бы по-другому. А мне попадались все какие-то корыстные, жадные, глупые бабы, из-за которых не стоило ничего в жизни ломать... – с неподдельной, как мне показалось, грустью проговорил он. – А с вами, Поля, так легко говорить... Вы удивительная! Вадиму невероятно повезло. Вы, правда, его любите, Поля?

– Правда.

– Будь я помоложе, я бы еще поборолся за вас, но очень уж силы неравны... И вы ведь на деньги не падки, я не прав?

– Правы, Юлиан Григорьевич. А расскажите о себе... Ну, то, что сочтете возможным...

– Ох, как-то я не умею... Не мое амплуа... Хотя я вижу – вы относитесь ко мне скорее с симпатией, верно?

– Верно.

– Так зачем же я буду портить впечатление о себе? – рассмеялся он. – В моей жизни было очень много такого, о чем надо помалкивать. Я и помолчу.

В этот момент в зале возник его водитель с большим пакетом.

– О, Вася, молодец!

Вася передал ему пакет. И мне показалось, что это тот самый пакет, который мне доставили в питерское кафе.

– Поля, у меня к вам просьба!

– Я это не возьму!

– И не надо! Это не вам.

– А кому?

– Вашей бабушке или кто она вам, так сказать, компенсация за тот кидок! Теперь возьмете? Передадите тетушке?

– Обалдеть! – вырвалось у меня.

– А чего же добру пропадать? И вроде один грех с души сниму.

– Ну, если грех с души...

Он подлил мне еще текилы.

– А знаете, у меня была прабабка, наполовину цыганка...

– И она вам предсказала встречу со мной? – засмеялась я.

– А вы зря смеетесь. Она сказала мне, я тогда еще совсем пацаном был... меня к ней на лето отправили, она жила в Полесье, замшелая такая бабка... По лесу меня водила, травки какие-то собирала... Один раз я что-то учудил, она меня хворостиной огрела и вдруг говорит: «Дурной ты мальчик, и жизнь твоя тоже дурная выйдет, а когда образумишься, уж поздно будет. Девушку приличную встретишь, полюбишь, да уж не по зубам она тебе будет. Только ты ее не обижай, чтобы она ни сделала, все стерпи...

– Это вы что, вроде раскаявшегося грешника?

– Вроде, – кивнул он.

– Ни фиги себе...

– Так что, Поля, наша встреча не случайна, она была мне предсказана еще полвека назад.

– А я в такие штуки не верю!

– Ваше право. Но я, как только вас увидел, сразу понял, вот она, та девушка... Которая уже не по зубам. Только прошу вас об одном, Поля...

– Да?

– Не стоит рассказывать Вадиму обо всем этом.

– Ну, за себя я могу ручаться, а вот за тетушку... Ой, а давайте лучше так сделаем: вы пошлете эту накидку тетушке с водителем. И напишете записку... Мол, прошу прощения и так далее, а?

– А тетушка не испугается?

– Вообще-то может... А знаете, она ведь вас узнала там, на свадьбе, но не была твердо уверена...

– А, значит, вы не просто так рассказали мне эту историю?

– Каюсь!

– Проверяли на вшивость?

– Да нет... Знаете, Адочка еще говорила, что у того парня было любимое словечко «красава». Я даже Вадима спрашивала, не говорит ли его шеф этого слова.

Он весьма добродушно рассмеялся.

– Знаете, меня один человек отучил... Он внушил мне, что такого рода словечки могут быть очень опасны. По ним легко опознать человека, ну... преступившего закон, так скажем. Я ведь был ох в каких неладах с законом в первую половину своей жизни.

– А теперь? – отважилась спросить я.

– А теперь стараюсь этого избегать. Но, увы, не всегда удается окончательно порвать прежние связи. Вот уж точно, и рад бы в рай, да грехи не пускают, – он улыбнулся, и я поняла, что он здорово пьян. Да и я не была трезва... И мне почему-то вдруг стало его безумно жалко. Бред какой-то!

– Но знаете, Поля, я пытаюсь... как это... отряхнуть прах, нет, это что-то другое... Я стараюсь... Беда в том, что я не верю в Бога, а то, может, старался бы замолить грехи. Хорошо верующим: согрешил, даже страшно согрешил, пошел, исповедался, получил отпущение и живи себе дальше и грехи еще, сколько влезет, а на меня все это давит... и никто мне мои грехи не отпустит...

Вот разве что ваша бабушка или тетушка... Как вы думаете, она станет это носить?

– Думаю, с восторгом! Она очень элегантная женщина. И я сама ей отдам ваш подарок и все объясню. Она не станет болтать. Наоборот, она сделает из этого волнующую тайну для своих подружек... Мол, подарок из прошлого...

– Вы ее любите, вашу бабушку?

– Очень. И деда своего обожаю, у меня изумительный дед.

– И мама у вас красивая.

– Да, только невезучая... В любви ей не везет. Она до сих пор в поиске.

– Ей, зато в другом повезло. У нее потрясающая дочь.

– Да ладно вам, что уж такого во мне потрясающего?

– Для меня – все! Вы удивительно цельная, храбрая...

– Храбрая? – вдруг испугалась я. Что он имеет в виду?

– Конечно, храбрая. Сидите тут с практически настоящим преступником, а при этом вам ведь ничего от меня не нужно. И эта идея с кафе не единственный смысл вашей жизни, вы и без этого бы прожили... И

не потому, что я шеф вашего мужа. Это вам тоже, как теперь говорится, фиолетово. Вы тут, потому что я вам чем-то интересен и даже, осмелюсь предположить, симпатичен. А мне с вами удивительно легко... Пообещайте, Поля, что расскажете мне, как ваша бабушка отреагирует на мой подарок. Обещаете?

– Конечно, Юлиан Григорьевич...

– В прошлой жизни меня звали иначе, но это неважно. Так что вы хотели сказать, Поля?

– А вы тоже пообещайте мне одну вещь...

– Все, что угодно, Поля!

– Не надо иметь дело с теми людьми... С Русланчиком, с этим типом, который привез мне мех в Питере... Они убийцы...

Он вдруг смертельно побледнел, а я жутко испугалась. Что я несу? Пьяная идиотка!

– Поля, вы о чем? – он как будто разом протрезвел.

– Нет... Это я сдуру, просто мне рожа его показалась какой-то ужасной...

– А что вы знаете о Руслане?

– Ничего! Просто в Новый год, когда я приехала за Настей, я услышала обрывок разговора с этим Русланом, и мне показалось...

– Значит так, Поля. Раз и навсегда запомните – вы ничего об этих людях не знаете, никогда их не видели, не слышали. И ни одна живая душа на свете не должна обо всем этом знать. Или уже знает? – Он посмотрел на меня совершенно трезвым испытующим взглядом.

– Да нет. Я не из болтливых.

– А с Настей вы не делились впечатлениями?

– Нет.

– А с Вадимом?

– Нет.

– Короче, держите язык за зубами, и все будет хорошо. И помните – я не дам вас в обиду!

– Да кому надо меня обижать? Если вы тому уроду не скажете, что, мол, девушке твоя харя не понравилась...

– Поля... Ладно, что-то мы с вами, кажется, перебрали. Пора по домам! А когда к тетушке?

– Завтра. И знаете, не нужно меня отвозить. Я возьму такси. А ваш водитель пусть лучше пригонит мою машину к офису завтра утром.

– Желание дамы – закон.

В такси я вдруг поняла, что не смогу быть дома одна и позвонила Адочке.

- Полюшка! Детка! Как твои дела?
- Можно мне сейчас приехать?
- Разумеется, можно. У тебя что-то случилось?
- Приеду, расскажу!
- Поля, ты, по-моему, выпила?
- Да, не волнуйся, я на такси.

При виде меня тетушка всплеснула руками.

- Боже, Поля, да ты пьяна вдрызг!
- Ну, где-то как-то...
- Что-то с Вадимом?
- Не что-то, а кто-то!
- То есть?
- Вадим в Дании, а в датском королевстве, сама знаешь, какая-то гниль...

– Детка, начнем с того, что ты путаешь два перевода «Гамлета». «Какая-то в державе датской гниль» – это Пастернак... Хотя, постой, так кто там с Вадимом?

- Карина Новикова!
- Это еще кто?
- Умница, красавица. Да ладно, Адочка, хрен с ней, это ерунда... Не бери в голову, а лучше посмотри, что я тебе привезла!

- Поля, что это?
- Ты взгляни, взгляни!

Адочка осторожно заглянула в пакет.

- Какой-то мех... И как бы не соболь...
- Точно, соболь! Это тебе!
- Поля, ты сошла с ума? С какой стати?
- Это не от меня!
- А от кого же?
- Это, знаешь ли, взамен вишневой канадской дубленки! С процентами!
- Поля! Что за idiotские шутки!
- Адочка, родная, это не шутки! Бекетов молит принять эту вещь и отпустить ему этот грех!
- Но каким образом... Я ничего не понимаю... Он же меня не узнал... Это ты ему сказала?

– Да. Я. Мы с ним здорово подружились, он, Адочка, золотой мужик, хоть и матерый преступник, вот такие пироги! Но он раскаялся... Ты примерь, примерь...

– О, какая роскошь! С ума сойти! Вот не думала, что на старости лет сподоблюсь носить соболя!

– Только, Адочка, он просил никому не говорить.

– Ну, еще бы! А то, наверное, пол-Москвы к нему за соболями выстроится! Нет, детка, я буду помалкивать и с многозначительным видом рассказывать подругам про подарок от бывшего возлюбленного!

Как хорошо я все-таки знаю свою двоюродную бабуку!

Она долго вертелась перед зеркалом, так и эдак прикладывая к себе роскошный мех. При этом она так похорошела и помолодела, что любо-дорого было смотреть. Вот что значит женщина до мозга костей! Наконец, она сняла мех, аккуратно положила его в стенной шкаф и вдруг спросила:

– И все-таки, что там с этой Кариной? У Вадика роман с ней?

– Возможно!

– И ты так спокойно об этом говоришь? Да, кстати, а что тот молодой человек?

– Какой? – искренне не поняла я.

– Синеглазый такой, стишки талантливые декламировал, песенки пел?

– А что с ним?

– Нет, это я спросила! Он же в тебя влюблен до одури! Откуда он вообще взялся?

– Из лесу вестимо!

– Поля, я серьезно!

– Да ну... не о чем говорить.

– Ничего себе! Смылась с парнем в новогоднюю ночь, что называется, от живого мужа, и – не о чем говорить?

Мне так не хотелось опять рассказывать эту идиотскую историю вызволения Насти, что я только рукой махнула.

– Совершенно не о чем говорить!

– Ты с ним переспала?

– Нет, даже не думала. Просто погуляли по ночной Москве.

– Ой, врешь! Чтобы с таким парнем, да просто гулять... Или ты дура, или... Любишь Вадима?

– Ага. Люблю. И мне плевать на Карину Новикову, я так по нему скучаю, Адочка, даже не думала. Он такой... теплый... родной... может, немного недалекий... Но мне и не надо. Понимаешь, он – мой... а тот, Макар, он не мой... Его Анфиса знаешь, как прозвала? Шалый мальчик!

– Шалый малый? Да, забавно... Но будь я на твоём месте, я бы, наверное, выбрала как раз шалого малого. Мне всегда нравился твой Вадим, он такой фактурный, рост, плечи. Но в том есть что-то мятежное, опасное даже...

– Оно мне надо? Опасное? Я, видно, не такая романтическая особа, как ты!

– К сожалению! – рассмеялась Адочка. – Как показывает доигрывание, я в семьдесят лет вдруг появляюсь в соболях с загадочным видом, и никто не усомнится, что это какой-то привет из моего бурного прошлого... А что у тебя будет в моем возрасте?

– Надеюсь, что в твоём возрасте у меня будет старый фактурный муж и мне придется тщательно скрывать от него свои соболя, – рассмеялась я. И вдруг почувствовала, что безумно, нечеловечески устала.

– Адочка, можно я у тебя переночую?

– Конечно, детка! Ты что-то совсем спеклась.

Утром я сразу вспомнила вчерашний разговор с Бекетовым и подумала: он, скорее всего, смертельно болен и потому думает о душе... Он ведь еще не такой старый. А впрочем, какое мне дело до его души? Один грех я помогла с нее снять, и ладно, хотя, если он и вправду болен, мне его жалко. Он, кажется, очень одинокий человек. Но я не собираюсь скрашивать его одиночество. У меня своих забот хватает.

– Ну, чего от тебя хотел Бекетов? – встретила меня Настя.

– Предлагал создать целую сеть кафе и чтобы я ее возглавила.

– Ух ты! Ты согласилась?

– Еще чего! Не хочу! Откроем еще такое же кафе в Москве, и пока хватит. А там будет видно, но это все не интересно, а вот там, в ресторане была Туманова...

И я в красках поведала подруге о вчерашнем инциденте.

– Ох, Полька, какая ты крутая, обалдеть!

– Да ладно, что у нас нового?

– Вчера, когда ты уехала, приходила одна девушка.

– Чего хотела?

– Заказала свадебный торт и букет.

– Отлично. Какие-нибудь пожелания были?

– Просила с ней связаться по поводу букета. А про торт мы уже поговорили. Хочет, чтобы он был шоколадно-сливочный.

– И что тут такого?

- Понимаешь, она за негра выходит.
- Так! И что, вместо фигурки жениха нужен шоколадный заяц, ласковый мерзавец, что ли?
- Да нет, просто хочет, чтобы одна половинка была шоколадная, а вторая белая.
- Не пойму, тебя что-то смущает?
- Уж больно безвкусная идея. Что это будет? Не торт, а какой-то апартеид...
- Ну, Настька, ты даешь, – расхохоталась я.
- Нет, ну, правда...
- Она очень упертая?
- Да нет, вроде нормальная.
- Так переубеди ее, скажи про апартеид. Слушай, а помнишь, ты делала торт для какого-то спартаковца, красно-белый? Там у тебя еще переплетались такие подобиия спартаковских шарфов...
- Полька, гениально! Я сейчас же ей позвоню! И ты заодно обговоришь с ней букет.

При слове «апартеид» девушка так всполошилась, что немедленно приняла Настино предложение. Никаких невероятных требований к букету не было, она только просила, чтобы он был совсем небольшим и не снежно-белым, а скорее цвета сливок. Так что в течение десяти минут все было улажено.

Макар не находил себе места. В первый момент эсэмэска Полины с сообщением о том, что убийца живет в Питере, его взволновала, даже, пожалуй, напугала, но с другой стороны... Можно всю жизнь жить в одном городе и никогда не встретиться. Тем паче, что я не так уж много времени провожу в Питере. Но на душе помимо воли стало тепло. Она все-таки беспокоится за меня, своего спасёныша... Тьфу! Неправильно это! Не женщина должна спасать мужика, а наоборот! Вот если бы я ее спас, она, наверное, влюбилась бы в меня, а так... Я для нее спасёныш... Детёныш... Черт знает что! Какой я, на хрен, детёныш? Разве что для мамы. А зачем мне еще одна мама? И зачем я связался с этим сценарием? По глупости, по дилетантству... Я так красиво себе представил, как мы с Ляминим пишем сценарий, литературные споры, творческие озарения, завихрения... Но он смотрит на меня сверху вниз, он же такой матерый профи, а я начинающий... Да, мне поначалу это казалось интересным, и я готов был терпеть снисходительный тон Лямина, но уж общение с продюсерами... Извините, это не по мне! Во все лезут, ни хрена не понимают, хотя и

считают, что во всем лучше всех разбираются. «Я всегда сам работаю со сценаристами!» – заявил им генеральный продюсер. Ладно бы еще дело касалось только киномоментов, так нет, во все лезет, скотина! Жорка придумал, что герой бомжует на Филиппинах, поет мои песни, так этот хмырь заявляет: это, мол, слишком неправдоподобно, чтобы русский бомжевал на таких далеких островах, да еще песни пел! Много он знает! А когда я сказал, что именно так все и было, он мне говорит: «Правда жизни отличается от киноправды!» Блин горелый! Я бы бросил все на фиг, но не могу подвести Жорку, однако, с киношниками связался в первый и последний раз. Слишком я ценю свободу... И вот попал в зависимость... И ведь не только от киношников, но и от Полины. Она мне снится... Спасёньш... Гадость какая! И еще мне все время за нее страшно. Она связалась с этим Бекетовым, а он такой опасный тип... Недаром же про баб говорят: волос долог, да ум короток! Ох, окаянство какое! Это мне за мое высокомерное отношение к бабам, за то, что как колобок всегда от них уходил, даже от самых лучших, я от Машеньки ушел, я от Берточки ушел... А вот от Полечки не ушел бы... Но она даже не та лиса, что Колобка слопала, не желает она меня лопать... А может, я и от нее бы ушел, будь она со мной? Кто знает? Себя ведь не переделаешь... Ну, предположим, она бы в меня тоже влюбилась, ушла бы от своего мгимошника... А я бы потом затосковал по морю и уплыл бы от нее, и она осталась у разбитого корыта? У меня ведь даже песенка об этом есть «У разбитого корыта артишоки не закажешь, все такие фигли-мигли не кончаются добром»... Вот именно! Тогда зачем? Пусть она будет моей Прекрасной Дамой, как у Блока. Надо сочинить о ней песенку, такую стебную, в моем обычном духе, и, наверное, станет легче... Даже наверняка! Он вдруг почувствовал, что сейчас что-то может получиться, схватил блокнот и начал писать.

Сегодня должен вернуться Вадим. Даже не могла предположить, что так соскучусь по нему. И мне плевать на Карину Новикову. Кстати, возможно, я сегодня ее увижу, они же могут вернуться одновременно. Обязательно поеду его встречать!

- Насть, я сегодня встречаю Вадьку, так что все на тебе.
- Нет проблем! Когда он прилетает?
- В восемь вечера. В Шереметьево.
- Труба! Слушай, не езди на машине. Лучше аэроэкспрессом, полчаса туда, полчаса обратно.
- О, ты права! А я так привыкла быть на колесах. Но в это время в этом месте и вправду труба! Столько времени потеряешь... Лучше я в салон

красоты зайду.

– Правильно! И до Белорусской тоже на метро езжай.

– Конечно, а то там ни фи́га не припаркуешься. Спасибо за мудрый совет, подруга! Да, кстати, не забудь утром купить журнальчик, там про тебя заметка будет! – напомнила я.

– Неужто, правда?

– Ну, Бекетов обещал. Он нас еще ни разу не обманывал.

– Ох, Польша, не надо о нем, я как вспомню ту ночь в бане...

– Сама виновата! Нечего так маниакально искать мужика. Твое от тебя наверняка не уйдет!

– Твоими бы устами... А то где оно, это мое?

– Может, за углом. А может, завтра придет само в офис...

– Ох, не знаю... А как же «под лежащий камень вода не течет»?

– Я же не говорю, что надо быть лежащим камнем, но и суесться без толку тоже нельзя. О, ты уже открыла рот, чтобы сказать: «Хорошо тебе, Польша, говорить, ты замужем!» Я не права?

– Черт бы тебя взял, Польша, ты почти всегда права!

– Где-то я на днях слыхала такую дивную фразочку: «Как сказала Аня Керн Саше Пушкину, отнюдь!»

– Супер! – фыркнула Настя.

Квартира у меня сверкала чистотой, всюду стояли цветы, был приготовлен ужин из самых любимых Вадькой блюд, я успела слегка подстричься и сделать скромный, но удачный макияж в салоне красоты. Так что мы еще посмотрим, кто лучше, я или Карина Новикова?

За полчаса доехав из центра Москвы до Шереметьева, я сказала себе: все, теперь только аэроэкспресс! У меня было еще время спокойно выпить кофе. Кофе, кстати, оказался просто превосходным. Я волновалась, нешуточно волновалась. Первый взгляд после разлуки бывает таким беспощадным... Я сбегала в туалет, подправила прическу и макияж. Нет, я на высоте!

Я заметила мужа сразу, а он явно искал меня глазами, но я не спешила окликать его. Рядом с ним шла какая-то сушеная вобла лет пятидесяти и что-то ему втолковывала. Никаких красоток не наблюдалось.

– Вадим!

– О! Поляша! – расплылся он в счастливой улыбке. – Вот, Карина Ашотовна, познакомьтесь, это моя жена! Полина, а это наша Карина Ашотовна, ум, честь и совесть фирмы!

Вобла посмотрела на меня сквозь очки, сунула мне сухую ладошку и

буркнула:

– Новикова, очень приятно!

У меня от хохота чуть истерика не сделалась, но я сумела сдержаться.

– Мне чрезвычайно приятно с вами познакомиться! Я столько лестных слов о вас слышала!

Но тут к ней подбежал какой-то юноша, видимо сын, и они быстро ушли.

– Полька, до чего ж я соскучился, ты даже вообразить себе не можешь!

А ты чего это ржешь?

– Да нет, ерунда, потом расскажу!

– Где твоя машина?

– Дома. Я на электричке.

– Умница моя! Мы через полтора часа, самое большее, будем дома.

Дай я на тебя посмотрю, выглядишь прекрасно...

– Вадюш, поезд ушел пять минут назад, придется подождать.

– Не страшно, я уже, считай, дома... Знаешь, я так рад, что ты смогла меня встретить... Так хочу домой, лечь с тобой в постель... Я люблю тебя, Поляшка! И так привык за эти полгода, мне никогда так хорошо не было... Моя жена, мой дом...

– Выходит, нагулялся?

– Ох, не говори!

– А знаешь, мне тут частенько присылали эсэмэски...

– Что я сплю с Мариной Ашотовной?

– А ты почему знаешь?

– А это у нас Сашка Жемчужников так развлекается! Вот идиотина! А ты поверила?

– Но зачем ему это?

– О, у него на сей счет целая теория есть. Говорит, что делает это, чтобы ревнивые бабы поняли истинную цену таких сообщений!

– Передай ему, что я поняла! Хотя мне это немалых нервов стоило. А сама Карина в курсе?

– Да не знаю...

– Надо надеяться, что нет. Это же жутко обидно.

– Ничего, она в свое время здорово подгадила Сашке, так что это еще и месть.

– Да, как у вас все в фирме все сложно.

– Это правда, у нас все непросто, особенно в последнее время. Но это все чепуха, когда рядом ты...

Я чувствовала себя такой счастливой!

И вдруг заметила, что у него совершенно другой чемодан.

– Вадька, а где мой Луи Виттон? Неужто сперли?

– Сперли, Поляшка, сперли! Со всеми вещами. Пришлось все покупать... Ты прости меня, подарил вещь и... Мне, правда, обещали все найти и вернуть, но пока что не вернули, как видишь. Получу какую-то компенсацию, но сама понимаешь. Но зато новый чемодан удивительно легкий! А это большой плюс.

– И где ж его украли? В Копенгагене?

– Откуда мне знать? Но, скорее всего, еще в Москве. Я дурак, да?

– Ну, от ошибок никто не застрахован... Только впредь ты лучше меня спроси, что мне подарить, меньше проблем будет.

– Но ведь хочется сделать сюрприз любимой женщине.

– А я тебя научу. Посетит тебя такое желание, ты скажи: «Поляша, хочу сделать тебе сюрприз!» А я скажу: «Чудесно, Вадик! Завтра поедem и что-нибудь купим вместе!» Вот и сюрприз.

– Полька, ты меня совсем лишаешь инициативы... Что тебе дарить, ведь тебя даже цветами нельзя порадовать, обязательно проколешься...

– А помнишь, ты на свадьбе мне босоножки подарил, это было классно и так вовремя!

– Ага, я понял, надо как-то хитро вызнать, чего тебе хочется, что нравится... Ладно, буду стараться. Знаешь, я в Копенгагене все время вспоминал Новый год у твоего деда, так здорово было, такие талантливые люди, такая атмосфера... А на другой день были у моих, так я чуть с тоски не помер. Все только пили, жрали и сплетничали об артистах. Такой контраст... А помнишь, как мы встретились? Ты пришла с каким-то парнем...

– А ты с очень красивой девушкой.

– Я почему-то сразу тогда подумал: эта Полина какая-то совсем другая, не похожая на всех моих знакомых девушек, независимая какая-то, на все у нее свое мнение... И как я ржал, когда ты вдруг заявила: «Я в Египет, Турцию и Таиланд не езжу, Коэльо и Мураками не читаю, и вообще строем не хожу!» Я просто обалдел!

– Ага, и увел меня с этой вечеринки, бросив свою девушку.

– С той минуты ты стала моей девушкой...

– Не льсти себе, ты меня еще полтора месяца добивался.

– А знаешь, мы уже полгода женаты, а у меня все время такое ощущение, что я тебя все равно еще не добился... Не завоевал настоящего... И жутко боюсь тебя потерять... – добавил он совсем тихо.

– Вадька, родной, – задохнулась я.

- Поль, а давай ребеночка родим?
- Давай! Но пока не выходит.
- А ты не предохраняешься?
- Нет.
- Так, может, надо обследоваться? – озабоченно спросил муж.
- Успеем еще. У нас все будет. А начнем бегать по врачам, такие заморочки возникнут... Что мы с тобой живем? Полгода? Это еще не срок.
- Но иногда одного раза достаточно...
- Значит, это не наш случай! Вот Настина мама рассказывала, что забеременела только через четыре года без всяких врачей. Вадька, давай просто жить и радоваться, и нам за это воздастся!
- Полька, ты что-то не по годам мудрая. И я не ошибся тогда, ты и вправду другая, особенная...
- Ох, как хорошо действует на мужчин поездка за границу в компании Карины Ашотовны!
- Я тебя обожаю!
- Одним словом, сплошная идиллия!

С самого утра в офис заявила парочка: красивая, стильная брюнетка лет тридцати и мужчина, лет на семь-восемь постарше, очень интеллигентного вида.

- Извините, мы могли бы заказать у вас оформление дома и сада?
- Конечно. Садитесь. Что именно вы хотите?
- У нас построен новый дом в Хорватии. И мы бы хотели, чтобы вы... ну... навели там красоту. Это возможно?
- Возможно. Но почему вы обратились именно ко мне?
- О, я видела многие ваши работы, и мне бы хотелось чего-то оригинального, чтобы ни у кого такого больше не было. В доме нужен будет еще зимний сад... Мы хотим проводить там как можно больше времени.
- Ну, что ж, давайте обсуждать...

Муж брюнетки участия в разговоре не принимал, его, похоже, все это мало интересовало, он скучливо листал каталоги и журналы.

- Привет! – в офис ворвалась Настя. – Поль, извини, троллейбус сломался, черт бы его взял! Ох, здрасьте! Может, хотите кофе?
- Кофе я бы выпил! – заявил брюнеткин муж и явно оживился.

Его жена была целиком погружена в изучение прайс-листов. А я прикидывала, как мне совместить этот, безусловно, очень интересный и выгодный заказ с питерским кафе. В принципе ничего невозможного в этом

нет.

Настя занимала разговором клиента, а мы, наверное, еще часа полтора обсуждали проект. Наконец, брюнетка, которую звали Лианой, заявила:

– Полина, я должна все это еще хорошенько обдумать, еще раз обсчитать, и, думаю, в ближайшие дни заеду к вам, и мы подпишем договор.

– Прекрасно. Меня ваше предложение заинтересовало.

– Вот и славно! Костя, пойдём!

– Да, да, дорогая, пошли!

– Поль, кто они такие? – спросила Настя.

– Да черт их знает, но, похоже, вполне платежеспособны и работа интересная...

– А как он тебе?

– Кто?

– Ну, муж...

– Да я не поняла, я же с ней разговаривала. А что?

– Понимаешь, он мне свиданку назначил!

– Как? – ошалела я.

– Ну как свиданки назначают? Предложил встретиться сегодня вечером.

– А ты?

– Я согласилась.

– Насть, ты в своем уме?

– А что такое? Я же в нерабочее время.

– А если клиентка пронюхает? Наш заказ накроется медным тазом.

– Это не наш, это целиком твой заказ, и ты не можешь отвечать за свою напарницу. Мы взрослые люди.

– Насть, если тебя опять где-нибудь запрут, и это в лучшем случае, я тебя выручать не поеду, с меня хватит!

– Поедешь, Полька, куда ты денешься? – каким-то пьяным смехом засмеялась Настя.

– Подруга, ты что, влюбилась?

– Кажется, да... Понимаешь, он такой... Она его совсем заколебала, он, как это... замучен тяжелой неволей...

– А ты жаждешь его освободить?

– Ага! Жажду!

– А он-то сам знает, что замучен? Он освобождаться хочет?

– Ну, если свиданку сразу назначил...

– Настя, это дурь! Да, он, вероятно, бежит от нее на сторону, но вряд ли готов все поломать.

– Ну, тогда я сама все поломаю!

– Ты чего, Настюха? Ты его сколько знаешь? От силы час!

– А мне с первого взгляда все стало ясно. Я не умею так, как ты... Все продумать, проанализировать. Я бы на твоём месте уже с ума бы сошла по Макару, а ты...

Этот волнующий разговор был прерван приходом молодой и по виду весьма энергичной девушки.

– Привет! – с порога широко улыбнулась она. – Я к вам!

– Свадьба предстоит? – спросила Настя.

– И не одна, а много!

– У вас? – растерялась я.

– Если поймем друг друга, у нас! Я к вам, бабочки, с деловым предложением! Вы занимаетесь свадьбами, так?

– Не только!

– А я только! Я модельер, специализируюсь по свадебным нарядам. А у вас цветочки, тортики, одним словом, вся эта свадебная хрень, так?

– Ну?

– А возьмите меня в компанию! Я шью эксклюзивные платья! И мой девиз – к черту белых голубиц! Вот, гляньте! – И она бросила на стол папку, которую тут же сама и открыла. Там были фотографии фантастических нарядов, меньше всего похожих на традиционно-свадебные. Зеленые, красные, пестрые... Мы с Настей засмотрелись, это было просто здорово.

– Вот ты, я вижу, уже замужем, а ты? – обратилась она к Насте.

– В разводе.

– Но ведь собираешься опять?

– Ну, в принципе...

– Так посмотри, вот это зеленое, или нет, тебе больше подойдет вот этот наряд... в ориентальном стиле, супер будет.

– А, правда, красиво... И необычно...

– Так вот, чтоб не тянуть резину – девки, берите меня в компанию, вместе мы горы свернем!

– Ну, с кондачка такие вещи не делаются, – опомнилась я от ее напора.

– Ты вот о нас что-то знаешь, а мы о тебе ничего. Поэтому, извини, мы должны навести справки.

– Ну, вы и темные... Я Агния Муха! Слыхали?

– Про Альфонса Муху слышали, а вот про Агнию... Извини!

– Порядок! Найдем общий язык! Раз про Альфонса слышали, уже

хорошо.

– А это твой псевдоним, Муха? – любопытствовала Настя.

– Ну да, вообще-то я Мухина. Но это не интересно.

– Ну, была еще, к примеру, Вера Мухина, вполне славное имя.

– А это кто?

– «Рабочий и колхозница».

– А... Ну, это к свадебным нарядам отношения не имеет, а вот у Альфонсика я многому научилась.

– Хорошо, Муха, сделаем так, – решила я. – Приходи дней через пять. Наведем о тебе справки, уж извини, втемную не играем. Оставь свои координаты, мы тебе в любом случае позвоним.

– У вас ты главная?

– Нет, просто у Поли характер сильнее, – ответила Настя.

– Ага... И ты захочешь мной командовать?

– Ну, в твои идеи я вмешиваться не буду, а вот что касается стиля поведения с клиентами... тут у меня жесткие требования.

– Можно узнать какие?

– Безусловно! Никакого панибратства и фамильярности, даже с самыми молоденькими девчонками, никакого высокомерия к чего-то не понимающим людям, все предельно вежливо и предупредительно.

Агния смерила меня весьма скептическим взглядом.

– Ну нет, я в казарме не смогу. Как говорится, в неволе не размножаюсь. Нам явно не по пути, а жалко, вы вроде бабы креативные, но испорченные западными стандартами. Все, не трудитесь наводить справки. Вы с Мухой по разным орбитам летаете! Чао-какао!

И она унеслась.

– Слава богу, терпеть не могу это неглиже с отвагой!

– Но платья-то у нее суперские! – вздохнула Настя.

– Вот если отобьешь Костю, закажи себе у нее платье, в чем проблема?

– Ты вот смеешься, а я уже вся дрожу...

– От страсти, что ли? – фыркнула я.

– От волнения!

– Ну-ну!

Признаться честно, от страсти дрожала я... Мы с Вадиком провели такую ночь, какой у нас еще не было.

– Поляш, а давай освободим себе недельку и смотаемся куда-нибудь вдвоем, а? Чтобы только море, солнце и мы?

– Ох, Вадька, хорошо бы, но сейчас не выйдет, заказов много, и еще

эта питерская история. Мы хотим уже через две недели открыть кафе. Может, после этого... А что, тебе дома плохо?

– Дома-то хорошо, но утром надо вставать и идти на работу, а у нас там что-то странное творится... Похоже, под Бекетова кто-то здорово роет. Не пойму. А от этого все нервные, злые, подозрительные... Словом, атмосфера уже не та... Противно.

– Вадь, а может, уйдешь из фирмы?

– Было бы куда, ушел бы. Знаешь, мне в Дании предлагали перейти в одну фирму, которая собирается сотрудничать с Россией.

– А ты что?

– Обещал подумать. А ты бы со мной поехала в Данию?

В это утро я готова была ехать за ним на край света, но...

– Вадь, я не знаю, это надо обдумать, обсудить. Я только начала свое дело... И у меня сейчас такие перспективы... А что я буду делать в Дании? Обеды готовить? Да я же через два месяца сбегу... Вадь, а в Москве тебе некуда перейти?

Мне вдруг страшно захотелось, чтобы Вадим ушел от Бекетова. Меня не оставляла мысль о его неизлечимой болезни, из-за которой он теряет власть над своей фирмой, и мало ли что там может случиться... Но говорить о своих догадках даже Вадиму я ни за что не хотела. Я уж знала, если что-то страшное произнести вслух, это может сбыться. А я вовсе не желала Бекетову ничего плохого.

Прошло несколько дней. Настя закрутила роман с мужем брюнетки Лианы. Она ходила как сомнамбула, глаза все время были отсутствующие, и толку от нее, надо сказать, было мало. И заказ этот, как я и предполагала, от нас уплыл. Но счастье близкой подруги важнее, решила я и оставила ее в покое. Мне опять нужно было ехать в Питер. Ни за что не стану звонить Макару. Только опять поссоримся, если он вообще в Питере. Он на мою эсэмэску с предостережением не отозвался, вот и ладно. И вообще, зачем мне Макар, если я без ума влюблена в собственного мужа? Я мужчин не коллекционирую.

В нашем кафе дело двигалось семимильными шагами.

– Варламов, какой вы молодец! Здорово! А главное, климат-контроль!

– И заметьте, Полина, установка самого высшего качества, средств на нее не пожалели!

– Да я уж вижу. Ну, на какое число наметим открытие?

– А если на первое апреля, а?

– Прямо на первое? А что, хорошая мысль! Тогда надо немедленно

запускать рекламу!

– Завтра же и запустим. Как считаете, на открытие будем приглашать элиту или же просто так откроем?

– Просто так!

– Почему?

– А кто знает эту вашу элиту? Начнут еще выпендриваться, говорить всякие гадости, как у них водится. Нет, лучше запускать сразу простых питерцев, они методом сарафанного радио оповестят весь город. И потом, открытие с элитой может отпугнуть рядового клиента. Рядовой клиент решит – раз туда гламурные ходят, значит, нам это не по карману.

– Как приятно иметь дело с умной женщиной! Умеет Бекетов находить ценные, вернее, бесценные кадры!

Сделав все необходимые распоряжения, я решила пройтись пешком, благо погода для Питера в это время года была на удивление хорошая, потом где-то перекусить и пошататься по Русскому музею. Люблю его. А вечером сяду в поезд.

Когда я уже вышла из музея, мне вдруг позвонил Варламов. Голос у него был почти безумный.

– Полина, вы телевизор не смотрели?

– Нет, а что? – вдруг жутко испугалась я.

– Покушение на Бекетова!

– Он жив?

– Какое там! Машину взорвали!

– Вы еще в кафе?

– Да!

– Я сейчас буду!

Всю дорогу я пыталась дозвониться Вадиму. Но он был недоступен. Меня всю трясло.

– Ну, что там? – ворвалась я в кафе.

– Ну, в новостях передали... Я от ужаса ничего не понял... Звоню на фирму, там почему-то никто вообще не берет трубку!

– Я мужу звоню. Он тоже у Бекетова работает.

– Как фамилия вашего мужа? Зацепин?

У меня душа ушла в пятки.

– Нет, Кудрявцев.

– Кудрявцев? – смертельно побледнел Варламов.

– Что? Что случилось? Что сказали про Кудрявцева? – вдруг обессилела я.

– Что, по некоторым данным, Бекетов выехал на машине вместе с

сотрудником фирмы Кудрявцевым...

– Нет! Нет! – закричала я и потеряла сознание.

Когда я открыла глаза, то сразу увидела искаженное страхом лицо Варламова.

– Полина, что с вами? Вам лучше? «Скорую» вызвать?

– Нет, не надо! Помогите мне встать.

– Ох, слава богу, а то вы упали как подкошенная. Не ушиблись?

– Нет, господи, где мой телефон?

– Вот, тут кто-то звонил, но я не стал...

Я глянула на дисплей. Звонила Настя. И Макар. Что они мне скажут? В один миг, моя жизнь стала совсем черной, словно обуглилась... Я не видела в ней ни малейшего просвета... Я вообще ничего не видела, да и не хотела видеть... Я только знала, что должна быть в Москве.

– Послушайте, Варламов, мне нужно в Москву! Самолетом! Отвезите меня в аэропорт.

– Да, да, конечно, как скажете! Я сейчас узнаю расписание...

Он открыл свой айпэд. И тут вдруг в кафе ворвался Макар.

– Поля! Я все знаю!

– Уйди!

– Поля, тебе нужна помощь!

– Уйди!

– Я не уйду! Вставай! Поехали!

– Куда?

– В Москву! Я тебя отвезу!

– Нет, я на самолете!

– Это глупо! Пока до аэропорта, пока улетишь, погода, кстати, нелетная...

– Да, Полина, рейсы на Москву задерживаются, – подтвердил Варламов, оторвавшись от айпэда. – На машине будет быстрее.

– Хорошо, тогда погнали!

– Вы только уж не очень гоните, – осторожно вставил Варламов, – а то не ровен час...

– Как-нибудь соображу! – буркнул Макар.

Он вывел меня на набережную.

– Но погода же хорошая...

– В Москве плохая. Хочешь, ляг на заднее сиденье, я дам тебе таблетку, будешь спать...

– Не хочу! А как ты меня нашел?

– Позвонил Насте. Ну, с Богом!

Примерно через час он вдруг нарушил молчание.

– Ты почему не плачешь? Поплачь лучше.

– Я не могу... У меня ком в горле, а плакать не получается... Макар... что же это?

– Это горе, Поля. Настоящее, без дураков. Такого у тебя, видно, еще не было. И я не стану нести всякую чушь, что все равно надо жить, жизнь продолжается... Вернее, это вовсе не чушь, но это понимаешь лишь со временем... А потому ты просто постарайся помнить о людях, которым ты нужна, и, главное, не упивайся горем, это последнее дело... Тогда оно тебя раздавит...

– А ты знаешь, я не чувствую, что он умер... Я в это не верю, Макар! – я вцепилась ему в плечо. – Я не верю, Макар, понимаешь?

Он стряхнул мою руку.

– Да, да, я не верю, это, наверное, ошибка! Он жив, я чувствую, понимаешь? Так бывает!

– Чувствуешь? Это хорошо.

– Я знаю, мне одна старуха рассказывала, что ее мать получила похоронку на сына во время войны, но не поверила, и он действительно вернулся... И Вадим тоже не умер... Я знаю, с каждой минутой все больше верю!

Он, вероятно, думал, что у меня истерика, а я вдруг почувствовала – Вадим жив, а почему – не знаю. Просто в какой-то момент в окружавшей меня черноте появился просвет, и чем дальше, тем больше. Мой телефон звонил, почти не переставая, но я только смотрела на дисплей и сбрасывала звонки. Я не хотела выслушивать соболезнования. К чему? Я же знаю, что он жив, а они все нет.

Но вдруг зазвонил телефон Макара. Он ответил.

– Да, я. Что? А, понял, даю! Хорошо. Она позвонит. Поля, Это Настя... Ты права, Вадим жив. Он в больнице, пока без сознания... Позвони его матери. Она там!

– Что? Он, правда, жив? Я знала... Алло, Зоя Игоревна! – рыдала я. – Это правда, он жив? Честное слово? Я уже еду в Москву! Что с ним, Зоя Игоревна? Это очень страшно? Нет? Господи, Господи, спасибо тебе! Зоя Игоревна, я... я так люблю его... И я не поверила, что он умер... совсем... я... – меня душили слезы.

Макар отобрал у меня телефон.

– Зоя Игоревна, я друг Полиного деда, я везу ее на машине, мы через несколько часов будем в Москве. Не волнуйтесь, я осторожно езжу. И Поля буквально пять минут назад мне заявила, что не верит... Скажите мне, что

говорят врачи, я тоже врач... Да? Да, понял, а что они ему вводят? Так, правильно, да-да, все правильно. Думаю, он скоро придет в себя. Да-да, конечно. Обещаю вам. – Он отключил телефон. – Ну вот, Поля. Он не поехал с шефом, вышел из машины, но его накрыло взрывной волной. У него легкая контузия. И сотрясение мозга. Поверь мне как врачу, через две недели он будет как огурец.

– Спасибо, Макар, ты... ты... – и тут я, наконец, разрыдалась.

– О, Поля, все правильно, рыдай сколько угодно.

– Макар, как хорошо, что ты появился и повез меня на машине, а то на самолете... я могла бы еще не знать...

– Просто я подвернулся вовремя. Как и ты тогда, в лесу... Выходит, мы квиты. Хотя все-таки нет... Ты спасла мне жизнь, а я всего лишь сберег твои нервы. Так что за мной должок остается.

– А как Бекетова жалко... – вспомнила я и зарыдала с новой силой.

– А чего жалеть? С ним разобрались его же дружки... Поделом вору и мука!

– Не говори так, ты о нем ничего не знаешь!

– Достаточно!

– Да, у него были и преступления, и вообще... Но при этом...

– Но при этом он был в тебя влюблен и старался тебя как-то умаслить... Придумал эти кафе с цветочками...

– Ничего ты не понимаешь!

– Так расскажи, может, пойму.

– Да нет, не стоит! Я в последнее время познакомилась с ним поближе, он был довольно незаурядным человеком, но отнюдь не монстром...

– Понимаешь, Поля, когда даже святой крутится среди одних монстров, он не может остаться чистеньким. А там вокруг, поверь, были такие монстры...

– Ну и пусть, а мне его жалко...

– Да жалеешь ты его, ради бога! Муж твой жив, скоро будет здоров, так что вся твоя жалость может достаться праху Бекетова. На здоровье!

– Послушай, а откуда ты знаешь про монстров вокруг него?

– Да так, разузнал кое-что по своим каналам. Просто когда ты с ним плотно связалась, я обратился к одному знающему человеку...

– Ну и пусть! Его уже нет, а о мертвых, сам знаешь...

– Молчу, но позволю себе дать один совет в связи со всем этим.

– Попробуй.

– Не стоит твоему мужу возвращаться на фирму. Бекетова убрали, чтобы захватить его бизнес. И теперь там такое начнется...

– Вот тут ты прав. Мне Вадим говорил, что у них в последнее время стало как-то нехорошо на фирме. Ему предлагали работу в Дании.

– Вот и славно. Пусть соглашается.

– «Тот, кто не видел даже вывески «Бутырки», тому и Дания покажется тюрьмой».

– О! Я польщен, ты меня цитируешь! Надо же!

– Да. Но теперь я смогу поехать с ним... И поеду... Наш проект теперь тоже рухнул... Поеду с мужем в чудный город Копенгаген...

– И умру там с тоски!

– Почему это?

– Ты, Поля, человек больших городов. Ты выросла в Москве, жила в Париже...

– А разве Копенгаген маленький город? Это все-таки столица?

– Да, но не твой масштаб...

– А ты откуда знаешь мой масштаб?

– А я тебя чувствую... Я люблю тебя и чувствую.

– Ты считаешь, сейчас подходящий момент?

– Но я же не в койку тебя тащу, я просто говорю тебе о своей любви. О своей совершенно безнадежной любви.

– Макар, пожалуйста, не надо!

– Хорошо, не буду. Но знаешь, я в последнее время вдруг опять начал писать стихи...

Господи, неужели он не понимает, что мне сейчас не до его чувств, не до его стихов. Он пришел на помощь, и спасибо ему!

– Прости, Поля, я эгоист, я знаю. Я больше ни слова не скажу, буду только отвечать на вопросы, ежели они у тебя возникнут.

– Спасибо, Макар.

И мы надолго замолчали.

– Извини, но пора заправиться, скоро будет бензоколонка. Тебе не нужно выйти?

– Да, спасибо.

Я побежала в туалет. Господи, на кого я похожа! Но неужели все это правда? Я набрала номер Зои Игоревны.

– Поля, ты далеко? Вадик очнулся!

– Слава Богу, слава Богу! Вас к нему пускают?

– Пока нет, но обещают... Поленька, пожалуйста, езжай осторожно! – рыдала она.

– Зоя Игоревна, вы его видели?

– Видела, через стекло только, а сейчас к нему из полиции явились.

Вот звери, даже в себя прийти не дают... Поленька... Счастье-то какое, он же мог...

– Зоя Игоревна, вы держитесь, все хорошо! Все будет хорошо, пожалуйста, держитесь! А Виктор Васильич с вами?

– Да, но от него толку... Он сам почти в обмороке. Мужики, сама понимаешь, – всхлипнула она. – Полечка, дорогая моя, ты прости меня, если что не так... И звони мне, пожалуйста, каждые полчаса, я почему-то ужасно за тебя волнуюсь. А этот человек, который тебя везет, он надежный? Он не очень старый, он же сказал, что друг твоего дедушки?

– Да нет, он молодой, ровесник Вадиму...

– Слава богу! Полечка, звони, умоляю!

– Да, обязательно!

Когда я села в машину, Макар молча протянул мне какой-то пакет.

– Это что?

– Пирожки с повидлом. Тебе надо подкрепиться. А в термосе кофе. Я уже выпил.

– Спасибо, Макар. Я не хочу!

– Хочу, не хочу, в расчет не принимается. Это предписание врача! Один пирожок и глоток кофе!

Он говорил так непререкаемо, что я послушно откусила кусок пирожка. Он оказался фантастически вкусным.

– Вкусно!

– Да, я когда мотаюсь из Питера в Москву и обратно, всегда тут покупаю эти пирожки. У них вкус детства...

– Да... Точно... Вкус детства. Вадим пришел в себя, к нему сразу явились из полиции...

– Да, эти никого не щадят. Впрочем, такова их работа, по свежим следам. И все равно никого не найдут. Как думаешь, Вадим что-то знает?

– Не думаю. Он в фирме занимался международными экономическими связями, а на международном уровне, наверное, все было достаточно прозрачно...

– Кстати, имей в виду, тебя обязательно будут таскать в полицию.

– Меня?

– А ты как думала? Ты же в последнее время достаточно плотно общалась с Бекетовым. Но, полагаю, тебе нечего опасаться...

– А Вадиму?

– Ну, этого я знать не могу. Но ты, главное, строй из себя полную дуру! И не вздумай им хоть что-то рассказать.

– О чем?

– О Руслане, о том типе... Словом, прикинься блондинкой... Поверь, это наилучшая тактика в этом деле.

– Поняла. Но не думаю, что я их заинтересую.

– Слушай, а Настя не может проболтаться?

– О чем?

– О Руслане, к примеру...

– Нет, она хоть и блондинка, но совсем не дура. К тому же сейчас здорово влюблена. И все мысли только об этом.

– Слушай, а она, кроме тортов, умеет готовить что-то общечеловеческое?

– Она изумительно готовит.

– А ты?

– А я просто хорошо.

– Но не изумительно? – улыбнулся он.

– Вот когда Вадим выйдет из больницы, я позову тебя в гости и что-нибудь вкусное приготовлю.

– Знаешь, как это называется?

– Как?

– Отлуп!

Опять он за свое! Я закрыла глаза. Как все странно, между нами должна была случиться любовь... А не случилась... И уже не случится. Наверное, мы могли бы стать друзьями, но его вряд ли такой вариант устроит. Шалый мальчик... А ведь он такой привлекательный, талантливый... романтический герой... По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там. Может, когда-нибудь я пожалею об этой несостоявшейся любви... Но как бы там ни было, сейчас я ему безумно благодарна.

Я вдруг ощутила невероятную усталость. За несколько часов я успела овдоветь и вновь обрести мужа. Господи, какое счастье, что Вадька жив! А Бекетова жалко до ужаса... Он мне нравился, несмотря ни на что. И, может быть, если бы не Вадим, я могла бы им увлечься... Глупости, это мне сейчас так кажется... Но как бы там ни было, а прежняя жизнь рухнула. И мои грандиозные планы... И работа Вадима... Но все это чепуха, главное он жив и, кажется, не очень пострадал...

– Поля, Поля, просыпайся, приехали!

– Что?

– Приехали! Пойдем!

– Куда? – я никак не могла проснуться.

– Как куда? К Вадиму!

– Ох, спасибо, Макар! Ты тоже пойдешь?

– А как же! Я все-таки врач! Я поговорю с дежурным врачом хотя бы. Ночь на дворе!

В коридоре у дверей реанимации сидела Зоя Игоревна и дремала, привалившись к плечу Виктора Васильевича. Оба, казалось, постарели лет на двадцать.

– Зоя Игоревна! – я тихонько дотронулась до ее плеча.

– Полечка, родная, приехала! – по лицу ее текли слезы. – Слава богу, я так за тебя волновалась... А Вадюшка спит. А кто это с тобой?

– Познакомьтесь, это Макар, он меня привез из Питера. Он врач.

– Вот спасибо вам, Макар!

– Пойду, поищу дежурного врача.

– Да, он сказал, когда жена приедет, пускай меня найдет...

– Ничего, я и сам справлюсь, а Полина лучше пусть с вами побудет.

– Зоя Игоревна, может, вы домой поедете, отдохнете, а я тут посижу.

– Нет, не могу... А вот Вите лучше и вправду домой...

– Никуда я не поеду! – заявил Виктор Васильевич.

– Да нет, вы поезжайте, давайте я вам такси вызову.

– Вадьку обещали утром уже в палату перевести.

– Вот и славно! А вы отоспитесь немножко и приедете, смените Зою Игоревну.

– Думаешь, так лучше будет?

– А тут и думать нечего! Конечно, лучше.

– Поля, ты вообще понимаешь, что случилось? Я никак в толк не возьму...

– Виктор Васильевич, я понимаю только, что могло быть куда хуже. Вадим, слава богу, жив, и это поистине чудо...

– Да, да, ты, наверное, права. Я на машине...

– Не надо вам сейчас за руль, я лучше такси вызову.

– В самом деле, Витя, Поля права. Лучше на такси!

Такси пришло на удивление быстро. Виктор Васильевич уехал. А Макар все не возвращался.

– Господи, Поля. Тут эти все крутятся, из полиции. Вадьку совсем умучили, только человек глаза открыл... И нас с Витей тоже допрашивали... И тебя будут.

– Работа у них такая. Только что вы могли им сказать?

– Ничего. А ты можешь что-то сказать? – вдруг побледнела еще больше свекровь.

– Ну, я же все-таки работала на Бекетова. Думаю, они из меня всю

душу вымотают. Интересно, куда это Макар запропастился?

– Поля, а откуда он взялся?

– Я с ним у деда познакомилась в Новый год.

– И Вадик с ним знаком?

– Да. И еще я в Питере с ним как-то виделась. А тут он вдруг предложил довезти меня до Москвы.

– Он к тебе равнодушен?

– Да откуда я знаю? Он мне триста лет не нужен...

Но тут в конце коридора показался Макар еще с двумя мужчинами.

– Этот, что пониже, из прокуратуры, – шепнула Зоя Игоревна. – Видать, уже твоего Макара манал...

– Полина Владимировна Зацепина? Я следователь прокуратуры Дмитриев Иван Кузьмич. Мне надо с вами поговорить, не возражаете?

– А что, есть смысл возражать?

– Это я по привычке. Тогда пройдемте пока в кабинет за отделением.

– Не волнуйся, Поля, я побуду с Зоей Игоревной! – успокоил меня Макар. И глазами показал мне – держись, мол!

– Итак, Полина Владимировна, что вы можете сказать по поводу произошедшего?

– Ну, что тут скажешь, я счастлива, что мой муж остался жив. И мне очень жаль Юлиана Григорьевича.

– Какие отношения вас с ним связывали?

– Сугубо деловые. Он был моим клиентом.

– Это в каком же смысле, позвольте спросить? – каким-то похабным тоном проговорил Дмитриев.

Я готова была уже взорваться, но сдержалась.

– А в том смысле, что покойный Бекетов был клиентом моей маленькой фирмы. Я, если вы еще не знаете, занимаюсь флористикой. И Бекетов заказывал у меня оформление свадьбы своей племянницы, потом я оформляла его новый загородный дом, а в последнее время он собирался открыть в Питере кафе, которое я должна была оформлять. Как раз по этому делу я и была в Питере. Надеюсь, я дала исчерпывающий ответ?

– Ох, все бы так отвечали, а то иной раз клещами каждое слово тянуть приходится.

– А я, знаете ли, боюсь допросов с пристрастием, потому и отвечаю так подробно.

– Ну, что вы, в самом деле, это ж я фигурально про клещи... А вы... Фильмов, небось, насмотрелись... ладно, продолжим. Вы были вхожи в дом

вашего клиента?

– Вы имеете в виду, бывала ли я у него в гостях? Нет, не бывала.

– А с мужем?

– И с мужем. Муж тоже не был вхож.

– Но вас видели с Бекетовым в ресторанах.

– Но это же не называется «вхожа в дом». Да, мы несколько раз обедали, обсуждали наши дела и планы, а что в этом предосудительного?

– Ничего. Но спросить я обязан.

Меня уже трясло, но я держалась изо всех сил.

– А как он вам платил?

– По прейскуранту. Если нужно, завтра могу представить вам все необходимые платежки.

– Вам жаль Бекетова?

– Очень. Он был обаятельным человеком.

– Он испытывал к вам какие-то чувства?

– Я ничего такого не замечала. Но ему нравилось то, что я делаю.

– А почему он обратился именно к вам?

– Не поняла вопроса.

– Почему он заказывал оформление именно у вас? Потому что вы жена его служащего?

– Как-то я об этом не думала... Хотя, наверное, вы правы. Первый заказ он передал мне через мужа. Да.

– А дальше вы уже общались помимо вашего мужа?

– Да. Бекетову очень понравилось, как я оформила свадьбу его племянницы. Он был в восторге.

– Полина Владимировна, я сейчас покажу вам несколько фотографий, может быть, вы кого-то из этих людей видели в окружении Бекетова. – И он выложил передо мной веер фотографий. Я сразу узнала того типа, что привез мне мех. И еще водителя.

– Вот этого человека я знаю. Это Валерий Анисимович, водитель Бекетова. Он несколько раз подвозил меня. Ой, а он жив?

– К сожалению, он тоже погиб.

– Господи! Как жалко! Такой славный дядька! – искренне пробормотала я. – А остальных никогда не видела.

– Уверены?

– Мне кажется, да.

– Что значит, кажется? Так да или нет?

– Может, кто-то и мелькнул рядом, но я не запомнила. А вот Валерия Анисимовича я знала.

- Хорошо. А вот... Макар Иванович Плетнев...
- При чем здесь Плетнев? – удивилась я.
- Он был знаком с Бекетовым?
- Насколько мне известно, нет. К тому же вы наверняка его уже об этом спрашивали.
- Полина Владимировна, вы на удивление хорошо держитесь.
- Это комплимент, или вы меня в чем-то подозреваете?
- Не хочется повторять вам надоевшую фразу...
- Что вопросы здесь задаете вы?
- Именно! Итак, какие отношения вас связывают с господином Плетневым?
- Чисто дружеские после сегодняшнего дня, а до сегодняшнего дня мы были просто знакомы. Но он так помог мне сегодня... Мне удалось поспать в машине, потому и держусь еще. А если вы полагаете, что Плетнев мой любовник и мы вдвоем решили разом избавиться и от Бекетова и от Вадима... – начала закипать я.
- О, Полина Владимировна, в моей практике еще и не такое встречалось. Вот, к примеру, не так давно убили одного бизнесмена, казалось бы, типичная заказуха, еще рейдерские захваты в анамнезе, словом, вроде бы ясная картина, а оказалось что?
- Что?
- Оказалось, все придумала домработница вместе с водителем. Вот такие бывают истории.
- У вас есть еще ко мне вопросы? А то я не любительница страшилок.
- Да, есть. Где и когда вы познакомились с Плетневым?
- В мастерской своего деда. Мой дед известный художник, а Плетнев близкий друг ученика моего деда. Плетнев был у деда, когда я к нему зашла, вот и познакомились.
- И когда это было?
- Ну, точно не помню, для меня это не было судьбоносной встречей. Но точно, что до Нового года. А потом виделись у деда на встрече Нового года. Один раз встретились в Питере. А сегодня, нет, уже вчера, когда передали по телевизору о взрыве, Плетнев мне позвонил и предложил помощь.
- Почему он это сделал?
- Ну, вероятно, потому, что считает нормальным предложить помощь женщине, попавшей в беду.
- А откуда он узнал, что вы в Питере?
- Не знаю... Не думала. Может, он позвонил на фирму, а ему там

сказали, что я в Питере.

- Мы это проверим.
- Да ради бога! Только, по-моему, вы не там ищете.
- Полина Владимировна, я не нуждаюсь в ваших советах.
- Прошу прощения, но я слишком многое сегодня пережила...
- Согласен. Все, пока можете быть свободны.
- Пока?
- Да, пока. Вы можете еще понадобится следствию.
- Всего хорошего!

Я стремительно вышла из кабинета и чуть ли не нос к носу столкнулась с Макаром.

- Ты что тут делал? Подслушивал?
- Ага. Ну, ты молодец!
- Наши показания не очень разошлись?
- Ни на йоту!
- А Зоя Игоревна?
- Ее дежурный врач пустил в свободную палату. Она уснула.
- Слава богу! Спасибо тебе, Макар!
- Поля, а твой дед в курсе?
- Не думаю, он телевизор не смотрит, а Анфиса Васильевна никогда не смотрит новости. Бойтся.
- А твоя мать?
- А мама сейчас в Швейцарии, катается на горных лыжах.
- С тем хмырем, с которым была на Новый год?
- Нет, уже с другим. У мамы много поклонников. А почему ты спрашиваешь?
- Потому что никто не примчался тебя поддержать.
- Настя хотела, но я сказала, чтобы не вздумала. Она будет лить слезы и, кроме того, может что-нибудь лишнее ляпнуть. Я вообще хочу ее куда-нибудь отправить... А то попадет на зуб этому прокурорышу, он такое может придумать...
- Да. Ты права... Знаешь, я вот сейчас понял, как ты смогла меня спасти... В минуту опасности ты становишься удивительно хладнокровной и собранной. А Настя твоя на такое не способна.
- Ерунда, просто у меня хорошая реакция. Мне один человек как-то сказал: тебе надо было бы быть хоккейным вратарем!
- Здорово подмечено! Я люблю тебя, Поля!
- Макар!
- Прости. Больше не буду. Ну, у тебя тут все путем, сейчас поеду к

Калашу, отосплюсь и завтра домой. Я тебе говорил, что пишу сценарий сериала?

– Говорил. Тебе это нравится?

– Дело не в этом, просто я хочу, чтобы там была такая героиня... Такая, как ты...

– Интересно будет посмотреть. А герой кто? Ты?

– Ну, в общем и целом...

– Тогда хочешь, я подскажу тебе, как назвать сериал?

– И как? – засмеялся он.

– Шалый малый!

– Шалый малый?

– Ага! Очень тебе подходит.

– Уже не очень. Это раньше я и вправду был такой, а теперь... уже не очень. Уже почти остепенился... Но для моего героя это здорово подходит... Шалый малый! Надо же! И, знаешь, я от всей души желаю тебе счастья. А скажи, у тебя есть талисман?

– Талисман? Нет.

– Тогда позволь, я подарю тебе... Это такой оберег... Из Африки. Вот!

Он вытащил из кармана что-то зеленое. И протянул мне на раскрытой ладони. Это была фигурка носорога, удивительно изящно сделанная из какого-то камня.

– Носорог? – удивилась я и взяла его в руки. Он был теплым. – Почему?

– Мне подарил его один человек, которому я помог, как врач, и сказал, что это символ силы в его племени.

– Но ведь он тебе его подарил.

– Ну и что? А я хочу тебе его отдать, он хранил меня, а теперь пусть тебя хранит.

– Скажи, а этот носорог был с тобой тогда, в лесу?

– Был.

– Я не возьму его, Макар! Ни за что!

– Почему?

– Пусть он и дальше тебя хранит, а я уж как-нибудь сама.

– Ничего не хочешь от меня принять?

– Не в этом дело. Я не хочу отнимать у тебя твой оберег!

– Ну, что ж... – Он смотрел на меня с грустью. – Насильно мил не будешь. Прощай!

– Ох, как патетично! Не прощай, а до свидания. Помни, я всегда буду рада тебя видеть. Ты настоящий друг!

– Да, и вправду чересчур патетично... Значит, без любви... Все, пока!
Он повернулся и почти бегом ушел.

Эпилог

Прошло три месяца. Вадим целый месяц пролежал в больнице, все оказалось не так радужно, как думали вначале. А когда вышел, от фирмы практически остались рожки да ножки. Он был подавлен, непрерывно рассылал резюме, но все что-то не складывалось.

– Вадь, ну что ты расстраиваешься? Все совсем не так плохо у нас. Сам подумай – ты буквально чудом остался жив и практически здоров, это само по себе повод для оптимизма!

– Но я не привык сидеть на шее у женщины.

– Не у женщины, а у жены, и притом очень любящей. Ну, и посидишь немножко... тем более что скоро я буду сидеть у тебя на шее.

– Что ты хочешь этим сказать? – перепугался он.

А я хотела сказать, что беременна. Но решила с этим сообщением повременить. Он сейчас только испугается.

– Да ничего, так, сболтнула... Просто сейчас с заказами не густо, а кафе мое накрылось вместе с твоей фирмой, но ничего, Вадька, вот увидишь, все будет отлично, главное, не унывать! Вон Настька, как унывала, а теперь замуж выходит, летает как на крыльях...

– Поль, что бы я без тебя делал?

– Без меня? А разве такое возможно?

– Нет. Ты права, без тебя невозможно, я люблю тебя, Поляша... И я верю, что все наладится... Да, я совсем забыл, звонил твой дед, просил перезвонить.

– А что ж он на мобильный не позвонил? Хотя да, он терпеть не может мобильников. Алло, дед, ты звонил?

– Полюшка, ты не могла бы ко мне заехать?

– Что-то случилось, дед?

– Ничего плохого не случилось, но я бы хотел тебя видеть, есть одно маленькое дельце. Заедешь?

– Хорошо. Завтра с утра тебя устроит?

– С утра в твоём понимании это во сколько?

– Ну, часов в десять...

– Хорошо. Жду с нетерпением!

– Ну, что там? – любопытствовал Вадим.

– Не знаю. Сказал – одно маленькое дельце. Это может быть все что угодно.

– Поляш, а почему у тебя такой сияющий вид? Ведь ничего хорошего сейчас нет...

– Нет, так будет! А я просто радуюсь жизни, тому, что ты со мной... Тому, что дед жив-здоров и опять что-то придумал... Я счастливая, Вадька! И еще нас перестали таскать на допросы... Это ли не повод для радости?

– Чудо мое, иди ко мне!

Дед встретил меня с лукавой улыбкой.

– Как ты, девочка моя? Выглядишь прекрасно! Мне не терпелось хоть с кем-то поделиться своей новостью.

– Дед, я сейчас скажу тебе одну вещь, но пока об этом никто знать не должен. Даже Вадим.

– Я весь внимание! – почему-то испугался дед.

– Ты скоро станешь прадедом!

– Полька! Радость-то какая! погоди, а почему Вадим ничего не знает? Или это не его ребенок?

– Боже, что ты говоришь, дед! Конечно его! Просто он сейчас без работы и может здорово испугаться...

– А тебя не тошнит?

– Ни капельки! Я прекрасно себя чувствую!

– А какой у тебя срок?

– Маленький, шесть недель...

– Да, я вот хотел предложить тебе кофе с перцем чили, но, наверное, не стоит...

– Не стоит, дед! А где Анфиса Васильевна?

– На рынок пошла. Давай-ка, пока мы одни, я отдам тебе то, что тебе прислали...

И дед с таинственным видом вручил мне плотный желтый конверт, на котором было написано: «Для Полины».

У меня екнуло сердце.

– Это от Макара, да?

– Да! Очень одаренный малый! Он позволил мне прочитать стихи, которые тебе прислал.

В конверте лежал листок красивой желтоватой бумаги, на котором было написано стихотворение. А еще в конверте лежала... фигурка носорога. Другая, не его. Этот носорог был из красного камня и какой-то, я бы сказала, веселый. Я прочла стихи. Они так и назывались: «Носорог».

*Я верю в смерть и в чудо бытия.
Я верю в то, что ты меня не любишь.
Я верю в Бога, в то, что Он и я –
Одновременно люди и не люди.*

*И ты, и я, и Бог, и носорог –
Мы все одно по рассужденьи строгом.
Кто говорит со мною, как не Бог,
Пока я разговариваю с Богом.*

*И, жизнь ведя от первого лица,
Вдруг обомру от сладкого испуга –
Я лишь момент в дыхании творца,
Я лишь сегмент магического круга.*

*Вся жизнь моя – летучий матерьял
Вершащейся фигуры мирозданья.
Творца смертельно самосозерцанье,
И беспощадный опыта кристалл
Растет!..*

*И все ж для эпилога
Неплохо бы разделаться с тобой
За нас с тобой,
За жизнь,
За носорога...*

– Поляка, ты поняла, при чем здесь носорог, а?
– Поняла, дед, но...
– Но это не мое дело, да?
– Это просто оберег... Он прислал мне оберег. Хотел, чтобы я взяла его носорога, но я отказалась. И вот он мне прислал другого...

И тут зазвонил мой мобильник. Вадим.

– Поляша, ты не поверишь! Я нашел работу! Мне только что позвонили! Я буду работать в московском филиале той датской фирмы, которая меня приглашала! Поляша, я так счастлив!

Я прижала к губам маленького красного носорога. Кажется, он уже

начал меня оберегать...